

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 11 НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2016

О жизни и творчестве художницы Софонисбы Ангиссолы
читайте на странице 66.

Из российской истории

<i>Владимир Братченко</i>	Великий дипломат Российской империи 4
---------------------------	--

Поэзия

<i>Борис Рябухин</i>	Стихи 17
----------------------	-----------------------

Замечательные современники

<i>Юрий Осипов</i>	Александр Балуев: «Я не претендую на какую-то элитарность» 20
<i>Елена Воробьева</i>	Василиса Бержанская. «Золотой» голос оперы 78

Неизвестное об известном

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	России первый инженер 36
--------------------------------	---------------------------------------

Судьба художника

<i>Ирина Опимах</i>	Софонисба, ученица Микеланджело 66
---------------------	---

Рассказ

<i>Валерий Марков</i>	Адольф 84
-----------------------	------------------------

Это интересно

<i>Евгения Гордиенко</i>	Театр одного режиссера 96
--------------------------	--

Литературные страницы МСПС

<i>Иван Переверзин</i>	Постижение любви 106
------------------------	-----------------------------------

Детектив

<i>Леонид Млечин</i>	Кровавая ночь в Дамаске 130
----------------------	--

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизиллов Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

«Просто взгляд».
Вышивка гладью Зои Anirani

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 17.10.2016

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«*Была ли на самом деле революция в России 1905–1907 гг. То, что происходило в те годы, логичнее было бы назвать «беспорядками», «забастовками», «стачками», «столкновениями с полицией» — да как угодно. Потому что на революцию эта смута похожа только в одном — в ней пролилась кровь. Причем едва ли не впервые в России в таком количестве...*

Светлана **Бестужева-Лада** «Репетиция революции или мятеж?»

«*Ими восхищались, их боялись, перед ними заискивали. Об их силе и храбрости в гвардии ходили легенды. В бою и кутежах им не было равных. Они явились ярким порождением блестящего и авантюрного XVIII века. Иван, Григорий, Алексей, Федор и Владимир — «екатерининские орлы».*

Григорий **Кричевский** «Братья Орловы»

«*Встречаются в литературе явления непостижимые, художники, у которых за внешней безыскусностью скрывается невероятная глубинная сила, и язык которых превратился в само содержание их произведений. Именно к таким, очень редким художникам слова относится Андрей Платонов. Он всегда был гоним советской властью и обездолен. И всегда оставался человеком, свято верившим в светлое будущее и искавшим в своем творчестве «счастья для всех людей»...*

Юрий **Осипов** «"Первобытный" Платонов»

«*Нам несказанно повезло, потому что, несмотря на свою титаническую занятость, для нас выкроил немного времени один из тех настоящих «профи», которого любит вся страна. Писательница Светлана Савицкая взяла интервью у заслуженного артиста РФ, лауреата Государственной премии РФ Сергея Безрукова. Беседа в целом получилась краткой (действительно, из-за нехватки времени у артиста), но насыщенной. На прощание Сергей высказал свои главные пожелания: «Чтобы осталось ощущение спокойствия и стабильности. Чтобы по-прежнему снималось хорошее кино. И вообще — чтобы всем нам было хорошо!»*

«*Детектив Иосифа **Гольмана** «Любовь, химия и кредитка депутата».*

Владимир Братченко

ВЕЛИКИЙ ДИПЛОМАТ

В апреле 1856 года секретарь Российской дипломатической миссии в Берлине, князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский, был вызван в Санкт-Петербург и получил предложение занять должность советника в Российском посольстве в Турции. Предложение очень заманчивое — это был значительный рост в карьере молодого дипломата. Князь дал согласие, хотя отлично понимал, что отношения России с этой беспокойной страной были, мягко говоря, далеко не простые. Турция, куда направлялся князь, в то время была огромной Османской империей, территория которой в результате

Российской империи

дерзких завоеваний простиралась, кроме, собственно, Турции, на весь Балканский полуостров, занимала значительную часть северной Африки, Месопотамии, черноморского побережья и ряд других земель. По своей военной мощи, особенно по боевым кораблям, она была вполне сравнима с Российской империей.

Историки подсчитали, что на протяжении 350 лет (с 1568-го по 1918-й год) Россия и Турция воевали между собой 12 раз, находились в состоянии войны в общей сложности 69 лет, а средний период между войнами составлял 25 лет. При этом Россия одержала семь побед, а Турции удалось одолеть Россию лишь два раза, и то с помощью могущественных союзников. В оставшихся трех столкновениях победителя определить оказалось сложно. Но, учитывая человеческие жертвы и материальные потери обеих стран, можно считать, что проиграли обе стороны.

Описывать все русско-турецкие войны не входит в нашу задачу, этому посвящены многотомные труды историков. Цель нашего повествования заключается лишь в том, чтобы рассказать, какую благотворную для России роль сыграл дипломат и историк князь Лобанов-Ростовский.

Алексей Борисович Лобанов-Ростовский был четвертым сыном князя Бориса Александровича и Олимпиады Михайловны, которая владела имением в Воронежской губернии, где Алексей и родился 30 декабря 1824 года. До четырнадцати лет

мальчик воспитывался дома под присмотром французского гувернера, а в 1838 году поступил в Императорский Царскосельский лицей, который после шести лет обучения окончил с золотой медалью. За время учебы лицей был переименован

в Александровский, но сумел сохранить свободолюбивый и благородный дух времен Пушкина и его друзей.

Свое первое назначение князь получил в департамент хозяйственных и счетных дел Министерства иностранных дел, а завершил свою карьеру на посту министра иностранных дел Российской империи.

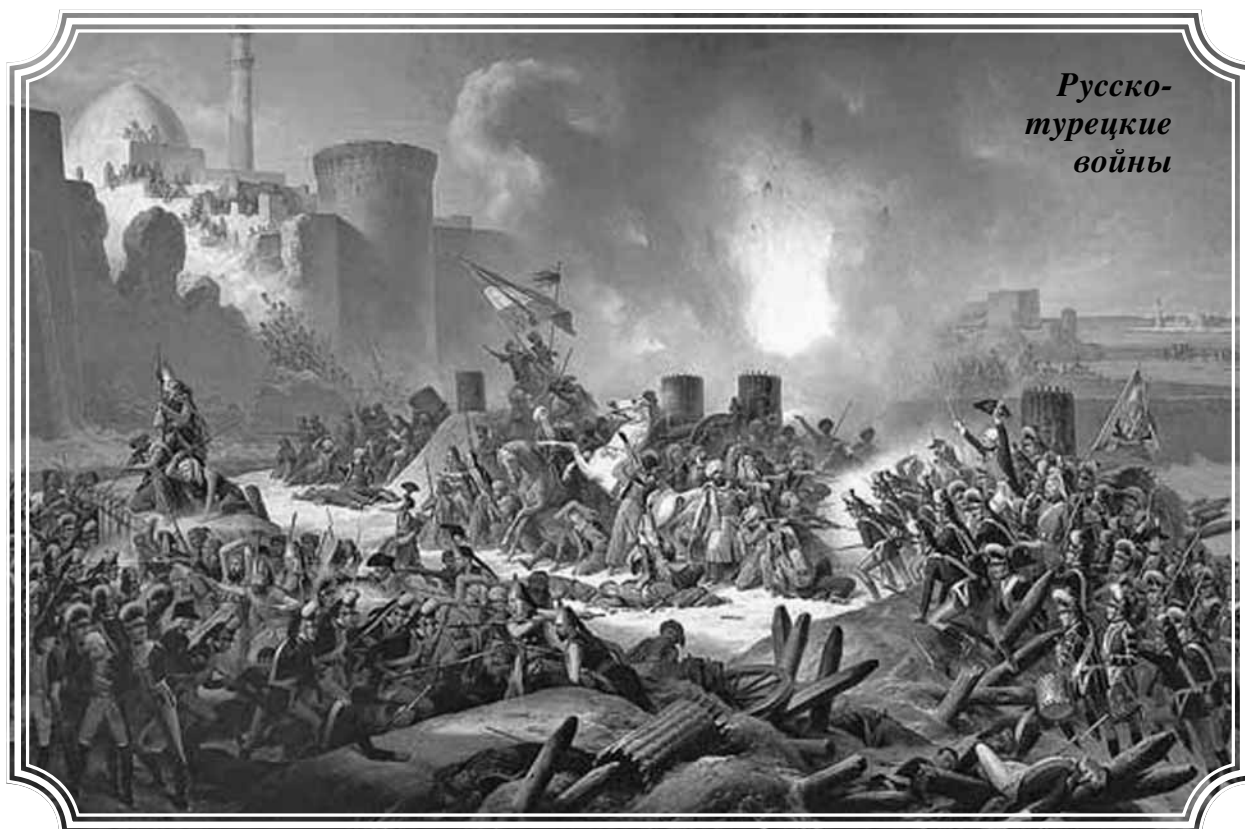
Известный государственный и политический деятель С.Ю. Витте, который хорошо знал князя, рисует нам такой портрет Алексея Борисовича: *«Князь был человек весьма образованный, очень светский, он отлично владел языками, очень хорошо владел пером, знал превосходно внешнюю сторону дипломатической жизни».*

Алексей Борисович прибыл в столицу Турции Стамбул, когда, с позором для Николая I, окончилась Восточная, или, как чаще ее называют, Крымская война 1853–1856 годов. Для российского императора это была не первая война с Турцией. В конце 30-годов турецкий султан Махмуд II коварно нарушил принятые Аккерманской конвенцией соглашения, стал укреплять дунайские крепости, отказался предоставить Греции независимость, где началась революция за отделение от Османской империи, перекрыл для судоходства Босфор и Дарданеллы. Этого Николай I не мог стерпеть, и в апреле 1828 года объявил Турции войну. Уже на следующий год Россия одержала полную и безоговорочную победу. Русская армия, разгромив турецкие войска в Болга-

рии, готова была двинуться на Константинополь. Западные монархи запаниковали и уговорили Николая I не делать этого. Был подписан Адрианопольский договор о мире, по которому в состав Российской империи вошли территории нынешней Грузии и Армении, большая часть восточного побережья Черного моря, Греция получила независимость, а Сербия — автономию. Босфор и Дарданеллы были открыты для судоходства, Турция должна была выплатить России огромную контрибуцию.

К концу своего самодержавного правления за Николаем I прочно укрепилась кличка «жандарм Европы». Победа в войне 1828–29 годов настолько вскружила ему голову, что он решил осуществить свою заветную мечту — войти в историю освободителем славянских народов от турецкого господства. Министр иностранных дел К. Нессельроде, которого в окружении царя за его интриги прозвали «кисель-вроде», заверил царя, что ослабленная сепаратистскими волнениями в Греции и на Балканах Турция подчинится требованиям России, а Англия, Франция и Австрия не осмелятся этому препятствовать. Это была грубейшая политическая ошибка любимца императора.

Поводом для начала Крымской войны стал спор о святых местах в Иерусалиме и Вифлееме. Россия также требовала от Турции привилегий для русской православной церкви на территории султаната. Падисах Турции Абдул-Меджид I не под-

дался нажиму России, и тогда русские войска были введены в Молдову и Валахию. В ответ Турция, тоже любившая повоевать, в октябре 1853 года объявила России войну.

Поначалу ситуация складывалась для России неплохо: русские войска захватили ряд турецких территорий, в Синайской бухте 30 ноября 1853 года под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова был полностью разгромлен турецкий флот. Однако замыслы Николая I по отделению балканских владений от Османской империи никак не устраивали Великобританию, Францию и Австрию, не говоря уже о доминировании России на черноморском побережье. Образовав коалицию, к которой присоединилось Сардинское королевство, эти страны выступили на стороне Турции и в марте 1854

года также объявили войну России. Военные действия развернулись на Кавказе, в дунайских княжествах, на Черном, Азовском, Балтийском и Баренцевом морях и даже на Камчатке. Но наибольшего накала и драматизма они достигли в Крыму. Сосредоточив в Черном море огромный флот с десантными войсками, союзники высадились на Крымском полуострове. В октябре 1854 года началась оборона Севастополя, которая продолжалась 349 дней. Защитники города, во главе с адмиралами В.А. Корниловым, П.С. Нахимовым и В.И. Истоминым, проявили невиданный героизм. Участник крымской кампании Лев Толстой в своих «Севастопольских рассказах» пишет: *«Не было войск, не было физической возможности удержать его (Севастополь), и все-таки не было*

*Алексей
Борисович
Лобанов-
Ростовский*

ни малейшего сомнения, что он не отдастся неприятелю, <...> когда этот герой, достойный древней Греции, — Корнилов, объезжая войска, говорил: "Умрем, ребята, а не отдадим Севастополя, — и наши русские, неспособные к фразерству, отвечали: "Умрем! Ура!"».

Но сам Корнилов геройски погиб в начале штурма Севастополя, а в конце июля был смертельно ранен адмирал Нахимов. 27 августа французы овладели ключевым пунктом обороны города — Малаховым курганом. Дальнейшее сопротивление гарнизона, лишённого подвоза боеприпасов и провианта, стало невоз-

можным. Был отдан приказ покинуть город и затопить остатки флота. Однако крайнее истощение сил коалиции в Крыму и успехи русской армии на Кавказе, взявшей штурмом турецкую морскую крепость Карс, а также безуспешные попытки союзников овладеть Гельсингфорсом и крепостью Свеаборг в Финском заливе привели к прекращению войны.

Союзники предъявили России ультиматум, который лег в основу Парижского мирного договора от 30 марта 1856 года, согласно которому России, а заодно и своему союзнику Турции, было запрещено иметь

на Черном море военный флот и арсеналы, Россия уступила Турции устье Дуная, возвратила порт Карс, потеряла часть Бессарабии. Защищать интересы христианского населения в Османской империи взялись союзники, о чем они забыли на следующий же день после подписания договора. Новый импера-

ко-египетской войне (1831–1833 годов), султан Махмуд II обратился за помощью к России, так как под угрозой захвата оказался Стамбул и даже распад Османской империи. 30-ти тысячный корпус российских войск срочно высадился на берегах Босфора и преградил путь египтянам. В Стамбул был направлен граф

В

июне 1859 года посол Бутинев сдал дела князю, и Лобанов-Ростовский, в возрасте тридцати пяти лет, был назначен чрезвычайным послом и полномочным министром при Оттоманской Порте. С его тактом, образованием и обаянием, Алексею Борисовичу удалось завоевать достойное положение при дворе престарелого султана Абдул-Меджида, а с визирем они стали чуть ли не друзьями. Это был редчайший случай в истории российской дипломатии

тор России Александр II был вынужден принять эти условия. Но последнее слово осталось за ним.

Перед тем как отправиться в Стамбул, Алексей Борисович засел в архивном отделе МИДа и внимательно изучил историю непростых русско-турецких отношений. Он считал, что *«политики, не знающие историю стран, в которых они аккредитованы на благо своего отечества, это уже не дипломаты, а лишь жалкие слепые котята. <...> История для дипломата — лучшая наставница для анализа современности»*. Он, например, узнал, что, когда Турция потерпела поражение в турец-

А.Ф. Орлов в ранге чрезвычайного и полномочного посла для заключения договора. Переговоры велись с учетом «местной специфики». Дипломаты шептались, что во всем Стамбуле остался только один человек, не подкупленный Орловым, — сам султан, на котором граф, посчитав, что дело сделано, решил сэкономить.

В июне 1833 года был подписан Ункиар-Искелейский выгодный для России «Договор о мире и дружбе и оборонительном союзе». По первому требованию России Турция была обязана закрыть проливы для прохода иностранных кораблей.

(Правда, непонятно, как турки могли это сделать?) Любопытные сведения князь почерпнул из сообщений посла в Турции времен Екатерины II А.М. Обрезкова. Он докладывал в Санкт-Петербург: *«Начало всему в этой стране, как и основание, есть оружие! Выпусти сабли из рук, османцы уже не ведают, за что ухватиться, и бывают как жалкие рыбы на песке»,* и что иностранных послов здесь считают *«прахоподобными», стоящими у «Порога Счастья».*

Такая информация несколько смущала князя, но когда он прибыл в Стамбул, опытный и мудрый дипломат, российский посол Аполинарий Бутинев, успокоил его и дал такую «вводную»: *«Будем выкарабкиваться из пучины самодовольства и бахвальства, в которую нас загнал покойный, вовремя улизнувший в могилу от всеобщего презрения. Главное — восстановить добрые отношения с турками. Знайте, князь, что на Востоке то, чего не добиться путем официальным, следует проводить через личные отношения».*

Работа на новом месте пошла успешно. Вскоре князь благополучно «перешагнул» невидимый «Порог Счастья». С его тактом, образованием и обаянием, Алексею Борисовичу удалось завоевать достойное положение при дворе престарелого султана Абдул-Меджида, а с визирем они стали чуть ли не друзьями. В июне 1859 году посол Бутинев сдал князю дела, и Лобанов-Ростовский, в возрасте тридцати пяти лет, был назначен чрезвычайным послом и полномочным министром

при Османской Порте. Это был редчайший случай в истории российской дипломатии. Новый посол провел ряд успешных инициатив: через визиря он сумел повлиять на султана таким образом, что Турция оставила в покое Ливан и хорватов, которым грозило уничтожение. За эти успехи в 1857 году он получил чин статского советника.

Несмотря на плотный дневной рабочий график и дипломатические приемы, князь много времени посвящал историческим исследованиям. История была его страстью, а, возможно, и настоящим призванием. Он признавался: *«Встречая днями подлецов и мерзавцев, я по ночам зарываюсь в прошлое России, отдыхая душой на привлекательных чертах предков, которые ограждены от злословия потомков надгробной плитой из мрамора».*

Однако неожиданный сюрприз основательно нарушил устоявшуюся жизнь холостяка. Упомянутый выше С.Ю. Витте отмечал: *«Князь был очень остроумный собеседник. <...> Я полагаю, что он имел большой успех у женщин, так как был человеком весьма остроумным и тонко воспитанным».* Эти столь замечательные качества как раз и повлияли на его дальнейшую судьбу и карьеру. Конечно, читатель уже догадался, что, как говорят французы, нужно «искать женщину». И она «нашлась». На приеме во французском посольстве князя познакомили с секретарем посольства господином Буркинэ и его супругой Жюльеттой. Потом князь встречал ее на других ди-

*Здание Императорского
российского посольства
в Стамбуле*

пломатических раутах, где они обменивались шутливыми и игривыми замечаниями. Как-то Жюльетта поздравила князя с высоким назначением и, как бы вскользь, заметила, что ее мужу за ним не угнаться. В другой раз она, шутя, упрекнула посла, что, используя доступ к султану, Россия стала ущемлять интересы Франции! Алексею Борисовичу нравилась эта привлекательная, умная женщина, он восхищался ее красотой, делал ей комплименты, но на большее не решался, опасаясь скандала. Француженка оказалась более решительной. Она влюбилась в князя, а женская интуиция подсказывала ей, что и он испытывает к ней такие же чувства. Как-то поздно вечером, возвращаясь к себе в апартаменты, Алексей Борисович был встречен слугой, который взволнованно сообщил, что его ожидает какая-то дама. Увидев

князя, Жюльетта, а это была она, преодолев волнение, произнесла: *«С прошлым я порвала навсегда, чтобы остаться с Вами, и тоже навсегда»*. Князь не мог отвергнуть женщину, которая бросилась в его объятия вопреки всем предрассудкам.

Утром Жюльетта увидела князя в кабинете, сидящим за письменным столом. *«Ты пишешь свои исторические заметки?»* — спросила она. *«Нет, — ответил князь. — Я пишу прошение императору о своей отставке. Так будет лучше для нашего счастья и для наших стран»*.

В Санкт-Петербурге к необычному, но честному поступку посла отнеслись благосклонно и приняли отставку с формулировкой «по домашним обстоятельствам». А в турецком МИДе искренне сожалели о его внезапном отъезде.

Влюбленные уехали на юг Франции, где стали вести уединенную

частную жизнь, а князь продолжил заниматься генеалогическими исследованиями. Но их счастье длилось всего три года. Смелый поступок Жульетты дался ей нелегко. Она начала быстро увядать и умерла от чахотки на руках у князя.

Вернувшись на родину, Алексей Борисович в 1866 году поступил в распоряжение Министерства внутренних дел. Управляющий министерством, граф П. Валуев, предложил ему должность губернатора Орловской губернии. Князь, желавший быть подальше от сто-

щем министра внутренних дел. Семь лет проработал Алексей Борисович в этом качестве. Тем не менее, он оставался «своим» в дипломатических кругах, так как три его кузины были замужем за иностранными послами. Один из них, английский посол В. Румболд, вспоминал: *«Лобанов был одним из самых чарующих представителей русской аристократии, ибо давно известно, что если члены избранного русского общества задаются намерением прельстить кого-либо, то они воистину неотразимы. Эрудиция же князя в об-*

нязь никак не предполагал, что ему предстоит вернуться на дипломатическую службу. Однако в связи с окончанием одиннадцатой по счету русско-турецкой войны 1877–1878 годов Александр II, вспомнив об успешной работе князя в этой стране и желая быстрее наладить с ней добрые отношения, принял решение вторично послать Лобанова-Ростовского в Стамбул, на этот раз — послом страны-победительницы

личной суеты, принял назначение. Но уже через год заявил: *«Я ничего в Орле не построил, никого не обидел, <...> переход из политики внешней в политику внутреннюю меня не обрадовал, а скорее испугал».*

Хорошо относившийся к князю император Александр II вызвал его на аудиенцию, пожелав видеть князя в столице, и назначил его товари-

ласти русской истории была поразительной!»

В Петербурге у Алексея Борисовича появилось больше времени и возможностей заниматься любимым делом. Он написал ряд статей в журналы «Русская старина» и Русский архив» и, в конце концов, опубликовал уникальный труд в двух томах «Русская родословная книга». Он считал, что *«потаянные пружины*

событий иногда зависят от родственных связей. <...> Иногда генеалогические таблицы кажутся мне намного сложнее алгебраических формул. Что сокрыто для нас снаружи, то открывается лишь изнутри, если прибегнуть к помощи генеалогических разведок». Алексея Борисовича признали «величайшим из современных разработчиков отечественной генеалогии» и в 1876 году

избрали почетным членом Российской академии наук.

Ему было уже пятьдесят лет, весьма почтенный возраст для того времени, и он никак не предполагал, что предстоит вернуться на дипломатическую службу. В связи с окончанием одиннадцатой по счету русско-турецкой войны 1877–1878 годов, Александр II, вспомнив об успешной работе князя в этой стране и желая

*Кончина
Алексея
Борисовича
Лобанова-
Ростовского*

быстрее наладить с ней добрые отношения, принял решение вторично послать его в Стамбул, на этот раз — послом страны-победительницы. Когда об этом Лобанову сообщил канцлер А.М. Горчаков, князь пытался отказаться, ему было трудно возвращаться в Стамбул, где он встретил свою Жюльетту, которую так и не смог забыть. Однако канцлер настаивал: *«Об этом просит султан Абдул-Гамид, а мы, россияне, совсем не собираемся душить Турцию, и нам сейчас не*

стоит обижать побежденного». Поводом и причиной этой войны стало жестокое подавление османами апрельского восстания в Болгарии. Александр II дождался «своего часа», объявил Турции войну и вошел в историю царем-освободителем православных народов от турецкого порабощения. Турция потеряла все свои европейские владения, за счет чего расширились территории Сербии, Черногории и Румынии. Болгария, находившаяся под османским господством 480 лет, обре-

ла свою государственность. Благодаря усилиям посла Лобанова-Ростовского турецкие войска покинули крепости в Болгарии, Батум был передан России, а султан обещал оплатить России военные издержки в сумме одного миллиарда рублей. По решению Берлинского конгресса Россия получила часть Бессарабии, присоединила Карскую область с армянским и грузинским населением.

Алексей Борисович получил чин действительного тайного советника и посчитал, что на этом его дипломатическая служба закончена. Однако он сильно ошибался.

В декабре 1879 года князь был срочно откомандирован послом в Англию для исправления испортившихся отношений с этой страной из-за афганского кризиса. Англичане на протяжении нескольких лет подстрекали Кабул против России, поощряли афганские племена к захвату российских земель в Туркестане. Три года князь безуспешно пытался убедить английский Форин офис заставить Кабул прекратить провокации на российской границе, но только выход российских войск в районе Кушки «успокоил» афганцев. Уставшего князя МИД отправил послом в Австрию.

В Вене князь проработал тринадцать лет. Здесь жила его любимая племянница Ольга, жена австрийского графа Околичани, бывшего посла Австрии в России. Она часто спрашивала дядюшку, почему он никак не решится жениться. Князь грустно отвечал, что ему было до-

статочно одной любви. Он так и остался холостяком до конца жизни, и детей у него не было. В Вене он стал признанным авторитетом в области дипломатии, получил высшую награду Российской империи — орден Андрея Первозванного, и, опять срочно, был направлен послом в Берлин. Однако в Берлине Алексею Борисовичу, даже не успевшему вступить в обязанности, сообщили, что умер министр иностранных дел России Н.К. Гире, и ему предписано выехать в Петербург, чтобы возглавить министерство!

Новый император Николай II заявил: *«Я не интересуюсь Босфором, отныне мои взоры обращены в сторону Китая»*. На новом посту Алексею Борисовичу в первую очередь предстояло выступить в защиту Китая и принудить Японию, которая выиграла войну с Китаем, умерить свои аппетиты, навязав Пекину грабительские условия мира. Министр привлек к этому демаршу Германию и Францию и успешно справился с этой непростой задачей. С.Ю. Витте вспоминал: *«Нужно отдать справедливость, он это исполнил ловко: немедленно вошел в соглашение с Германией и Францией<...> Затем, без промедления, Россией был поставлен Японии ультиматум. Япония была вынуждена принять его»*.

Этот успех министра был закреплён договором о союзе с Пекином, для подписания которого китайцы прислали своего лучшего дипломата Ли Хун-чжана. В результате переговоров, которые вел С.Ю. Витте, было подписано Соглашение,

устанавливавшее между Китаем и Россией оборонительный дружественный союз, Китай позволил России часть строившейся железной дороги от Москвы до Владивостока провести по своей территории, что сократило ее длину на полторы тысячи километров. Так возникла Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД).

В августе 1896 года министр отбыл в Вену, куда с официальным визитом отправлялся Николай II. На обратном пути император предоставил ему салон в своем экспрессе. На одном из перегонов поезд, по желанию императора, остановился, чтобы полюбоваться красотами природы и подышать свежим воздухом. Алексей Борисович тоже вышел, но ему стало плохо, его внесли в вагон, оказали первую помощь, но, не доезжая Киева, 18 августа 1896 года князь скончался. Мировая пресса с прискорбием откликнулась на смерть великого дипломата, отмечая, что его неутомимая и мудрая политическая деятельность способствовала установлению мира и справедливости в Европе. Журнал «Русская старина» поместил некролог, который заканчивался словами: *«Министр, употреблявший свой досуг на изучение русской истории, не мог не любить Россию, не мог не понимать ее исторических задач, не мог не болеть сердцем ее нуждами и ее страданиями».*

Князь Лобанов-Ростовский не дождался до последней русско-турецкой войны, и не пришлось ему в третий раз ехать в Стамбул, чтобы вновь

и вновь налаживать отношения между двумя империями. В этой последней войне Кавказская армия, под командованием генерала Н.Н. Юденича, одерживала решительные победы над турками и была готова продолжить наступление, изгнать турок из Константинополя и овладеть Босфором и проливами. Но на Западном фронте успехи России были не столь блестящи. В бессмысленной схватке столкнулись мировые державы, составившие две враждующие коалиции: Четвертной союз, в составе Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарского царства — с одной стороны, и Антанта, в составе России, Франции и Великобритании — с другой. Советская Россия 3 марта 1918 года подписала сепаратный, крайне невыгодный для нее Брестский договор, чтобы выйти из этой кровавой бойни, и Турция, как это ни парадоксально, оказалась в числе победителей. 11 ноября того же года Первая мировая война закончилась, и через день ВЦИК России аннулировал позорный договор. С мировой карты исчезли четыре империи: Российская, Германская, Османская и Австро-Венгерская. 16 марта 1921 года в Москве министр иностранных дел России Г.В. Чичерин подписал с Турцией, которая превратилась в светское государство, «Договор о дружбе и братстве между двумя странами». С тех пор Россия и Турция не воюют уже более ста лет. Будем надеяться, что так оно будет и впредь. Но не надо забывать: Восток — дело тонкое... □

Борис Рябухин

Умей украсить

Ум, красота, любви манящей дар —
Что выбрать в украшение любимой?
Когда едва созревший дух незримый
Влечет тебя в ее душистый жар.

Знай, что года стирают красоту.
Любовь, сжигая сердце, догорает.
И только ум с годами прибывает.
Умей украсить лишь свою мечту.

В нем память твоего предназначенья.
И вечного любовного влеченья.
Ум — яблоко познания творца.

И женщина похожа на богиню,
Когда между чертами дорогими
Ум отражает красоту лица.

Так люблю я — и теряю!..

Сад зеленый расцветет.
Как душист цветов нектар!
Шмель летает в нем и тает,
И глотает сочный дар.

Вешний сочный, сладкий очень —
Как бы не пересластить!
Для шмеля любой цветочек
Рот торопится открыть.

О плодах цветы мечтают.
Полон сад полусирот.
Так люблю я — и теряю!..
И потеря сердце жжет.

Так я милую теряю —
Лишь хлеб-соль с ней преломлю.
И с другою понимаю,
Как же я нектар люблю!

Кинуть

Ничего им не буду желать —
Они сами себе пожелали.
Взбунтовалась небесная гладь,
Засверкали громовые дали.

Кинут я навсегда, кто рулил —
Их ладья по волнам полетела.
И без весел они и ветрил,
Своего ожидали удела.

И очнулся я на берегу,
Одинокством связан, как цепью.
И молил о спасенье врагу,
Из пещеры зверья сделав церковь.

И для внуков ее, и детей
Я молил море жизни застынуть, —
Чтоб они до дожития дней,
Как меня, не смогли ее кинуть.

Свобода народа — потеря

Свобода народа — потеря
Ошейника и поводка,
И друга с открытою дверью,
И даже потеря врага.

И ласковых рук ожиданья,
Интриг и проклятий среды,

Божественного покаянья,
И даже потеря беды.

Свобода — природы потеря,
Привычных усилий борьбы,
До ярости спящего зверя,
И даже потеря судьбы.

Ночь в разладе

Раскалился край степи
В горнем горне.
Ты помедли, потерпи —
Будь упорней.

Это Астраханский край
Вывел танки...
Стресс у нас семью украл —
Мирно, с тактом.

Помнишь — зеркало в кусках,
Вкус развода?
Твой кураж не отпускал
Я три года!

Четверть века из окна —
Мир до рати.
Я один. И ты одна...
Ночь в разладе.

Об этом Брукнер с трепетом поет,
В симфонии, что Богу посвящает.
И душу обращает к ней народ,
Как листья к солнцу взор свой
обращают. □

**Поздравляет нашего давнишнего автора с юбилеем
и искренне желает здоровья и новых творческих удач!**

**«Я не претендую
на какую-то элитарность»**

Генерал ФСБ в фильме «Олигарх», майор Платов из «Спецназа-2», бывалый офицер Ларичев из всенародно любимой ленты «Благословите женщину»... Роли людей в погонах, вплоть до маршала Жукова, словно приросли к этому глубокому, многоплановому актеру. В них подкупает абсолютная достоверность профессиональных деталей, знакомых Балуюеву с детства.

Александр Николаевич Балуюев родился в Москве 6 декабря 1958 года в семье высокопоставленного кадрового военного. Очень строгий и дисциплинированный, отец требовал от членов семьи беспрекословного подчинения, возлагая большие надежды на сына, которого хотел видеть в будущем только военным служащим.

Жили Балуюевы сначала на Котельнической набережной, позже переехали на Смоленку. Благодаря строгому воспитанию элитное жилье и престижные столичные районы не избаловали крепкого рослого мальчика, увлекавшегося хоккеем и даже подумывавшего одно время о большом спорте. Он рос в заповедном мире московских дворишков и переулков, напевал песни Булата Окуджавы, дружил, влюблялся. И — мечтал стать актером. Саша с ранних лет отличался упорством, сосредоточенностью. Ну и фактурность, как говорится, была при нем.

Мама, скромная интеллигентная женщина, грезил театром, не пропускала ни одной громкой премьеры, на которые брала с собой сына, и тот быстро попал под власть таинственной и яркой сценической жизни. После окончания школы Саша,

не раздумывая, подал документы в Щукинское училище. И — с треском провалился. Но на то и характер, чтобы не опускать руки. Отказавшись сдавать экзамены в другой вуз, он, неожиданно для всех, устроился помощником осветителя на «Мосфильм». Хотелось быть ближе к актерам, к их работе, мысленно примерить ее на себя.

Будучи уверенным в своих силах, Александр через год спокойно выдержал творческий конкурс, без проблем сдал экзамены и поступил в Школу-студию МХАТа на курс легендарного Павла Массальского и не менее легендарного Ивана Тарханова. Учился хорошо и запомнился преподавателям как вдумчивый, ищущий студент. Среди сокурсников пользовался репутацией надежного товарища. Его мужественный облик и безусловная харизма

оказались причиной того, что после выпуска в 1980 году сразу несколько столичных театров пригласили молодого дебютанта к себе. Он выбрал Театр Советской армии, заменивший ему службу в Вооруженных силах по призыву.

На искушенных и требовательных художественных руководителей театра Людмилу Касаткину и Федора Чехонкова дипломный спектакль Балужева произвел сильное впечатление, и новичку были доверены ведущие партии в постановках классических пьес «Часы без стрелок» и «Дама с камелиями».

Казалось бы, судьба Александра Балужева в Театре Советской (ныне — Российской) армии складывалась весьма благополучно, однако в 1987 году он неожиданно перешел к Валерию Фокину в Театр

им. Ермоловой. И вновь не прогадал, свидетельством чему явились нашумевшие главные роли в спектаклях «Второй год свободы», «Недалеко от тюрьмы» и «Калигула». Они закрепили за Балужевым репутацию одного из наиболее интересных молодых актеров и привлекли к нему пристальное внимание кинематографистов.

Экранным дебютом его стал эпизод в приключенческом фильме «Егорка» (1986 г.). А подлинным прорывом — картина «Жена керосинщика», которую снял в жанре сюрреалистической драмы известный советский актер Александр Кайдановский. Именно он, по признанию Балужева, дал исполнителю центральной роли подлинное понимание природы кинематографа. За этой ролью последовали заметные

Слева:

*К/ф
«Благос-
ловите
женщину»*

*К/ф
«Турецкий
гамбит»*

работы в фильмах «Му-му» Юрия Грымова и «Кризис среднего возраста» Игоря Сукачева.

Нежелание актера быть привязанным к одному театру и одному режиссеру побудило его в конце 80-х годов уйти в антрепризу. Репертуарный театр, как считает Александр Николаевич, закабаляет артиста, отрицательно влияя на развитие таланта. А в том, что талантом он обладает, Балугеев к тому времени твердо убедился. Антреприза дала ему возможность не расставаться со сценой, выбирая постановки по душе, и при этом сниматься в кино.

Период взлета Балугева-киноартиста пришелся на 90-е годы прошлого века. Он принес на экран сдержанную мужественность настоящего мужчины, монументаль-

ность, в сочетании с затаенным лиризмом, обаяние яркой индивидуальности и некую интригующую загадочность души. Александр Балугев во многом напоминает знаменитого французского киноактера Жана Габена, который внешне не менялся в каждом новом фильме, всегда играя определенный человеческий тип с присущей ему манерой поведения. При этом, как и Габен, Балугев умеет выразительно молчать на экране, держать долгие волнующие паузы, а это большое искусство.

«Для меня самое большое счастье — молчать на экране, — сказал он, отвечая на вопросы журналистов, как ему удалось столь проникновенно сыграть в «Муму» практически без слов роль тургеневского Герасима. — А если посредством

*К/ф
«Спецназ»*

*Справа:
С женой
и дочерью*

молчания ты смог еще что-то передать, это, на мой взгляд, высший класс для любого артиста». За такую отличительную черту актерского дарования Балуюева, который продолжает лучшие традиции русской театральной школы, в профессиональной среде шутливо называют «молчуном». Он и в жизни предпочитает меньше говорить и больше слушать.

Отчасти поэтому о личной жизни звезды известно немного. До недавнего времени он был счастливо женат на польской журналистке Марии, которая продолжала жить в Варшаве, куда Александр Николаевич регулярно к ней летал. Жену он буквально боготворил и заявлял, что она круто изменила его жизнь. В 2003 году у пары родилась дочка Маруся, однако несколько лет назад супруги расстались...

Испытание в одночасье свалившейся на него славой актер выдержал с присущим ему достоинством и так же спокойно продолжает нести ее сладкое бремя, иронично относясь к своей не идущей на убыль популярности у зрителей, в особенности у их женской половины. «Я обыкновенный человек и не стремлюсь к какой-то элитарности», — не раз говорил он. Вместе с тем Балуюев, как никто, умеет сохранять дистанцию между собой и окружающими и, разумеется, знает себе цену.

В сердца миллионов поклонниц он вошел после всенародно любимого фильма Станислава Говорухина «Благословите женщину» (2003 г.), в котором предельно выразительно сыграл эпизодическую, немногословную роль капитана Лачина, покорившего мужской значимостью и добротой уже не надеявшуюся встре-

тить любовь героиню фильма в исполнении Светланы Ходченковой.

После этого у актера произошел настоящий обвал главных ролей. «Вечерний звон», «Граф Крестовский», «Дура», «Гибель империи», «Охота на изюбря», «Турецкий гамбит», «Мусульманин»... И это только небольшая часть его запомнившихся экранных работ в те годы. Появились уже тогда в послужном списке Балугева и телесериалы, такие, как имевшие широкий успех «Московская сага» и «Спецназ». А еще раньше актер, одним из первых среди российских коллег, совершил прорыв в Голливуд. Там он успешно снялся сразу в двух блокбастерах — «Миротворец» и «Столкновение с бездной». И партнерами

у него были Рассел Кроу, Николь Кидман, Ванесса Редгрейв, Джорж Клуни.

Дома покорению Балугевым «фабрики грез» особого значения не придали, и к его популярности это ничего не прибавило. Тут его ценили за свое, родное — за то, что он подлинный русский мужик с бесстрашным взглядом. Отказавшись от офицерской карьеры, Балугев крайне убедительно примерял на себя роли защитников Родины. Говорили, что, готовясь к съемкам в сериале «Спецназ», он даже прошел курс спецподготовки в одном из военных лагерей. Актер, однако, это утверждение опроверг.

«Чтобы сыграть короля, не обязательно посидеть на троне. Конечно,

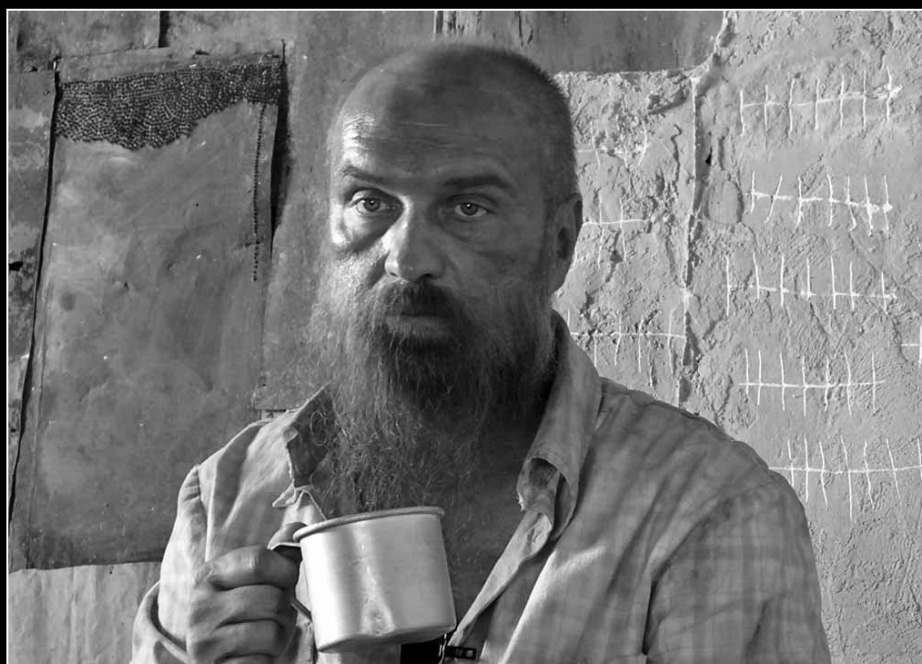

общение с профессиональными военными помогло. Особенно в мелочах, которым, вроде, не придаешь значения. Например, целясь из автомата, я все время закрывал один глаз, пока присутствовавший на площадке спецназовец не заметил: «Стрелять надо с открытыми глазами». Пришлось потренироваться, и в результате у меня стало получаться правильно. К тому же, глядя на профессионалов, невольно подмечаешь какие-то детали их облика, жесты, черточки поведения, речи. И когда начинаешь работать над тем или иным образом, они сами собой всплывают в памяти».

Надо отметить, что Александру Балуюву, прежде всего, интересны персонажи, не имеющие с ним лично ничего общего. Общий у них лишь внешний облик, почти не поддаю-

щийся стараниям гримеров. И чем больше отличий, тем привлекательнее для него роль! Ключ к характеру разнящихся с ним исторических и современных героев он находит в собственных чувствах и ощущениях, а также в человеческой природе, остающейся неизменной при всех переменах времени.

Примерив на себя всевозможные амплуа, от характерных до комедийных, переиграв в кино бравых вояк, разбойников, рефлексирующих интеллигентов и героев-любовников, Балуюв продолжает верить, что мужчины, как и женщины, существа «загадочные». Разные. И стереотипов тут практически не существует. «Чем дольше живу, — признался он недавно, — тем яснее нутром понимаю, какими качествами должен обладать мужчина. Если вкратце —

мужику приходится отвечать «за все». Вот этот момент ответственности либо перед своими детьми, либо еще перед кем, и характеризует мужчину в подлинном смысле слова. Такова его судьба и должность. Ну а проверка человека на «вшивость» зачастую зависит от экстремальных ситуаций. К счастью, наша жизнь не изобилует ими, и мы не проверяем, скажем, дружбу войной или другими тяжкими обстоятельствами».

Сам Александр Николаевич доволен тем, что в его повседневной жизни нет таких испытаний, какие ему доводилось переживать на экране, и личное мужество плюс решительность проявлять приходилось редко. Со своими киногероями он себя не отождествляет, кино — это кино, а жизнь — это жизнь. Кино для

него — просто работа, и актер от ее оценок воздерживается.

«Пусть оценку дают зрители, — утверждает он, — я только делаю свое дело. Делаю для них. По большому счету, никому не интересно, доволен ли я сыгранными ролями. Не имеет значения, какого персонажа изображать — положительно-го или отрицательного. Да и нет таких по жизни в чистом виде.

Поэтому к своим ролям я отношусь без предубеждений и не боюсь, что зритель меня не поймет. Знаю артистов театра и кино, которые всю жизнь играли только положительных персонажей, но сами таковыми в жизни не являлись. Это, конечно, их право выбирать роли людей исключительно «правильных», мне же подобный подход скучен».

Каждого востребованного артиста рано или поздно подстерегает опасность «заиграться», начать эксплуатировать удачно найденный имидж. Не избежал в свое время этой опасности и Александр Балугев. Яркие работы в значительных фильмах конца 90-х — начала 2000-х годов перемежались у него ролями проходными в маловыразительных картинах. Тогда он явно отошел от высоты, взятой, к примеру, в «Мусульманине» режиссера Владимира Хотиненко. В этой нашумевшей ленте Балугев на пару с Евгением Мироновым воплотил историю двух деревенских братьев, один из которых в блистательном исполнении Миронова, бывший солдат в Аф-

ганистане, вернулся домой после семилетнего плена у моджахедов, приняв ислам из чувства благодарности к своему спасителю от казни.

В образе второго брата, Федора, Балугеву в полной мере удалось раскрыть свой драматический талант, что впоследствии оказывалось порой затруднительно, поскольку режиссеры в основном стремились и стремятся надеть на него военную форму и дать в руки оружие. Собственно, амплу героя боевиков и возвело Балугева в ранг суперзвезды отечественного кинобизнеса. Впрочем, и в этом амплу на счету актера есть безусловные творческие удачи. Вспомним его в таких фильмах, как «Миротворец», «В августе

К/ф
«Мусуль-
манин»

44-го», «Антикиллер». Не меньшую славу принесли ему аналогичные образы в популярных сериалах «Каменская. Убийца поневоле», «Маросейка, 12. Бабье лето», «Спецназ».

К этому времени актер уверенно освоил сериальное пространство и к 2011 году даже «дослужился» до роли «маршала Победы» Георгия Жукова в одноименном многосерийном фильме. Играть легендарного советского полководца после Михаила Ульянова, многократно создавшего на экране его канонический образ, было очень непросто. Балугев с этой задачей справился достойно, хотя внешне от своего невысокого коренастого героя сильно отличается. Зато характер, душевные свойства Жукова в последний, сложный и трагический период его жизни сумел передать впечатляюще.

Двумя годами ранее актер снялся в драме Андрея Кавуна «Кандагар». Роль командира экипажа советских летчиков, захваченных в плен во время войны в Афганистане, позволила актеру не только «поиграть мускулами», но и исследовать психологию персонажа, когда экипаж должен сделать выбор: подчиниться врагу или жить под угрозой гибели, но не изменить воинскому долгу. На съемках фильма произошел любопытный случай, едва не заставивший Александра Николаевича расстаться с полюбившейся ему ролью. «В «Кандагаре» я отказался сниматься в сцене, где должны были по-настоящему резать барана. Я ни при каких условиях не мог бы лишиться жизни живое существо».

Став, в некоторой степени, культовым актером, Балугев начал осмо-

*К/ф
«Столк-
новение
с бездной»*

Справа:
*Спектакль
«Люди
и мыши»*

трительнее выбирать предлагаемые ему роли и режиссеров. Но все же, в отличие от своего замечательно-го партнера по «Мусульманину», нередко соглашался играть во второсортных картинах. Думается, тут сказывалось желание попробовать себя в ином амплуа, преодолеть приевшуюся типажность, да и актерский ансамбль в тех проектах подбирался весьма достойный. И хотелось верить, что получится хороший результат, уж больно соблазнительным был диапазон образов и жанров. Судите сами: шоумэн, Петр Первый, неудачливый продюсер... Комедия, мелодрама, сказка... А в «большом» кино, с которым у нас нынче вообще-то напряженка, подобные разноплановые роли выпадали на долю полного сил актера, увы, не часто.

Балуев же не готов годами ждать заветную роль. К актерской игре — в кино и на театральной сцене — он относится не как к священнодействию, а как к работе. И работать хочет без перерывов. При этом от новых голливудских предложений отказывался, хотя в них и не было недостатка. «Играть там заведомо однотипных русских злодеев считаю для себя занятием недостойным и скучным. Да, деньги платят большие, но я могу и здесь заработать достаточно, чтобы обеспечить семью. В конце концов, не хлебом единым...»

Не случайно, количество порой все же переходит в качество. У Александра Балуева за минувшие десятилетия подобное происходило не раз.

В 2000-м году он рискнул сыграть одну из главных ролей в арт-

хаусном фильме Александра Зельдовича «Москва». Мы увидели жестокую притчу о Москве 90-х, городе без прошлого и будущего (по мнению авторов картины), где правит бал криминальный бизнес и беснуется в ночных клубах столичная богема. «Новый русский» по кличке Майк, которого играет Балуюев, накануне своей свадьбы вступает в острый конфликт со своим другом. Тот влюбил в себя его невесту и, как подозревает Майк, похитил предназначавшуюся ему партию «нала». Можно спорить о художественных достоинствах и недостатках картины, однако актер создал, причем минимальными средствами выразительности, правдивый и далеко не однозначный образ типичного представителя эпохи «первоначального накопления» на фоне надломленных

жизнью героинь фильма в исполнении Татьяны Друбич и Ингеборги Дапкунайте.

Известная актриса и режиссер Вера Глаголева сняла в 2009 году необычную психологическую драму «Одна война» — о судьбах пяти русских женщин, переживших гитлеровскую оккупацию, по тем или иным причинам вступивших в связь с немцами и родивших от них детей. Сосланные с детьми под охрану на пустынный островок в Ладожском озере, они окружены презрением, и лишь один человек проявляет к ним участие. Этого «простого человека» проникновенно играет Александр Балуюев.

Два года назад ему довелось вновь встретиться с Верой Глаголевой на ее новой картине «Две женщины». На сей раз — Тургенев, пьеса «Месяц в деревне» и любовный

четырёхугольник между женой богатого помещика Ислаева, ее воспитанницей, бедным студентом, учителем их сына, и другом дома, давно уже влюбленным в хозяйку. Роль помещика Ислаева и досталась в фильме Александру Балуюеву, в которой он открыл еще одну грань своего дарования.

Весьма необычную роль бывшего бухгалтера и сельского уполномоченного по сиротам Тяпова довелось ему сыграть в многосерийном телевизионном триллере Владимира Хотиненко «По ту сторону волков». Оставленные происками Берии на складах подмосковной железнодорожной станции и раз-

Слева:

К/ф
«Жуков»

К/ф
«Одна война»

грабляемые трофеи, которые были доставлены эшелонами из Германии для Василия Сталина, кладут начало серии загадочных убийств в окрестных лесах. Причем на трупах обнаруживают страшные рваные раны, словно нанесенные клыками волка-оборотня. Тяпов, волею обстоятельств, втягивается в эту жуткую историю и гибнет. Балуйев сыграл своего героя просто и достоверно, с той точно выверенной мерой проникновения в образ, что позволяет зрителю поверить в его поступки и понять его характер.

Думается, наиболее значительный творческий экзамен выпал на долю Александра Николаевича в многосерийной экранизации эпохального романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Ее снял Сергей Урсуляк, режиссер телесериалов «Ликвида-

ция» и «Исаев». Это широкое, антитоталитарное полотно отразило и Сталинградскую битву, и будни тыла, и совещания у Сталина, и работу засекреченной лаборатории по созданию атомной бомбы... Александр Балуйев играет роль фронтового политработника Крымова, которого сначала безвинно арестовывают и держат в тюрьме, а затем реабилитируют и отправляют комиссаром в сталинградское пекло, где он мучительно переосмысливает свою жизнь и судьбу. Работа над этой главной ролью продлилась не один год.

С возрастом «стальной» взгляд Александра Балуйева, оставаясь бесстрашным, несколько потеплел, в нем появились мудрость и грусть. Актер и раньше умел заполнить собой эпизод так, что его участие в нем

делало картину запоминающейся. Теперь же режиссеры стали буквально гоняться за Балугевым с предложениями сыграть у них ту или иную эпизодическую роль, которая придавала бы фильму масштаб и глубину. Александр Николаевич на интересный эпизод, как правило, соглашается.

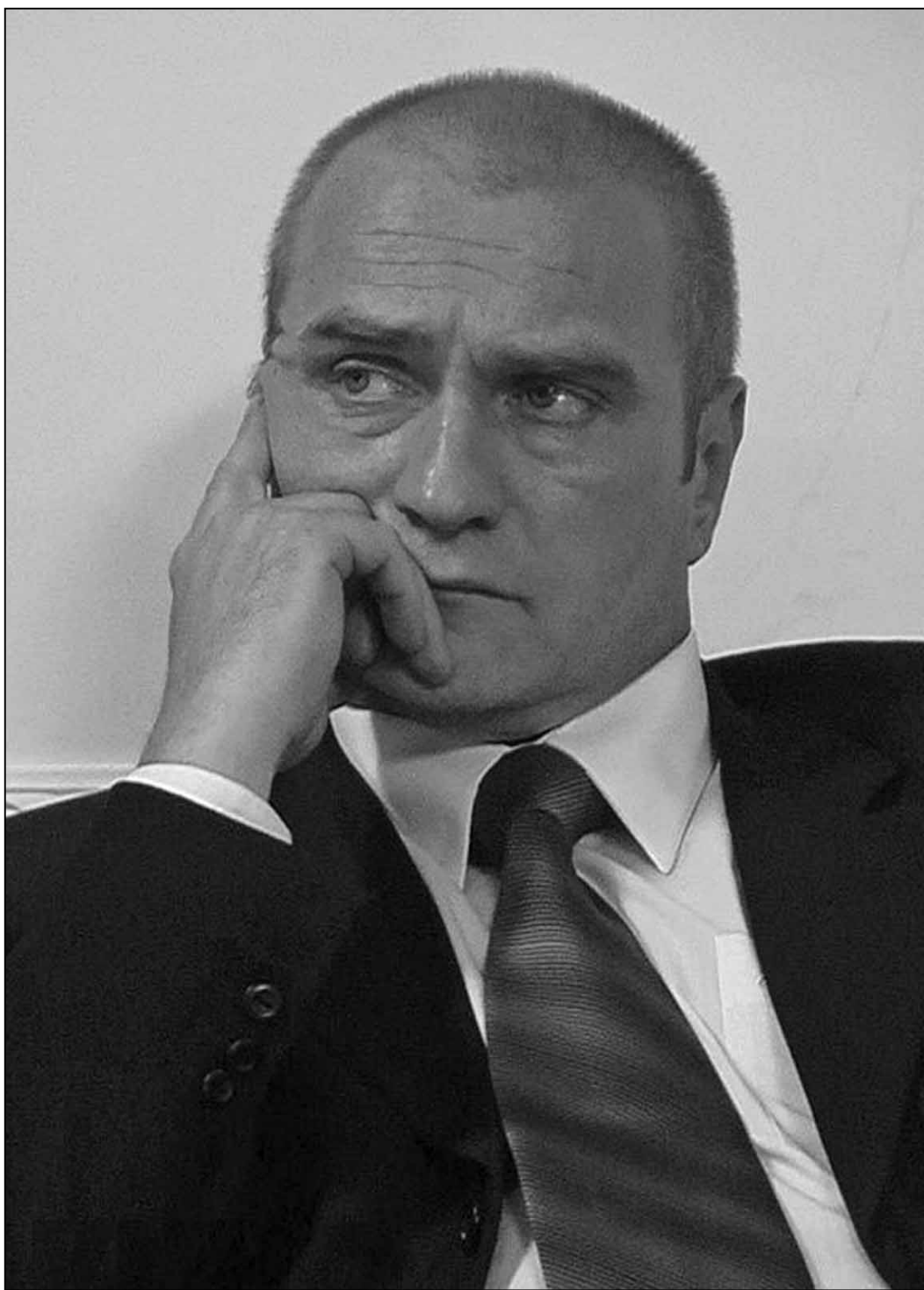
Отсутствие пока интересных главных ролей в кино мастер восполняет разноплановыми работами в театре. Там он может, что называется, «оторваться», дать себе полную волю. Он органичен в образе доктора Дымова в Ленкомовском спектакле «Небесные странники» по чеховским произведениям, гротескно, с юмором изображает Черноуса в «Вальпургиевой ночи», которую по кусочкам собрал в прошлом году из завершенных и неоконченных вещей Виктора Ерофеева Марк Захаров. А до того были у Балугева и Арбенин в «Маскараде» Лермонтова на сцене Новосибирского драмтеатра «Факел», и примечательные роли в других театральных спектаклях: «Территория страсти», «Кот в мешке», «Люди и мыши», «Чайка»...

Пропадая на съемках и на гастролях, Александр Николаевич подолгу не живет в своем подмосковном доме, который обставил по собственному незатейливому вкусу. «Окружаю себя тем, что делает мою жизнь удобнее, — говорит он. — А строить какой-то дворец, на зависть и восхищение другим, я никогда не буду. Золотой унитаз не прибавит ком-

форта и самоуважения. И жить в музее не хочу. Хотя никого не осуждаю. У каждого свои вкусы, предпочтения, стремления. Если то, как я живу, кому-либо покажется примитивом, я не возражаю. В отношении машин тоже не выпендриваюсь. Я не любитель супердорогих авто, для меня машина — всего лишь средство передвижения. Она должна мне нравиться и быть надежной. Вот и все критерии!»

Есть странное несоответствие между безусловным актерским статусом, зрительской популярностью Александра Балугева и отсутствием у него до сих пор почетных званий Заслуженного, Народного... Да и с фестивальными наградами столь яркого и харизматичного артиста явно несправедливо обошли. Премия «Кинотавр» за лучшую мужскую роль («Мусульманин») в 1995 году и «Ника» за ту же роль — вот и все, если не считать давний приз молодых кинематографистов за лучшую мужскую роль в его дебютной картине «Жена керосинщика». Впрочем, Балугев, будучи предельно самодостаточным человеком, сторонящимся гламурных тусовок, от этого не страдает. Дождаться крупной хорошей роли в многообещающем фильме ему куда важнее.

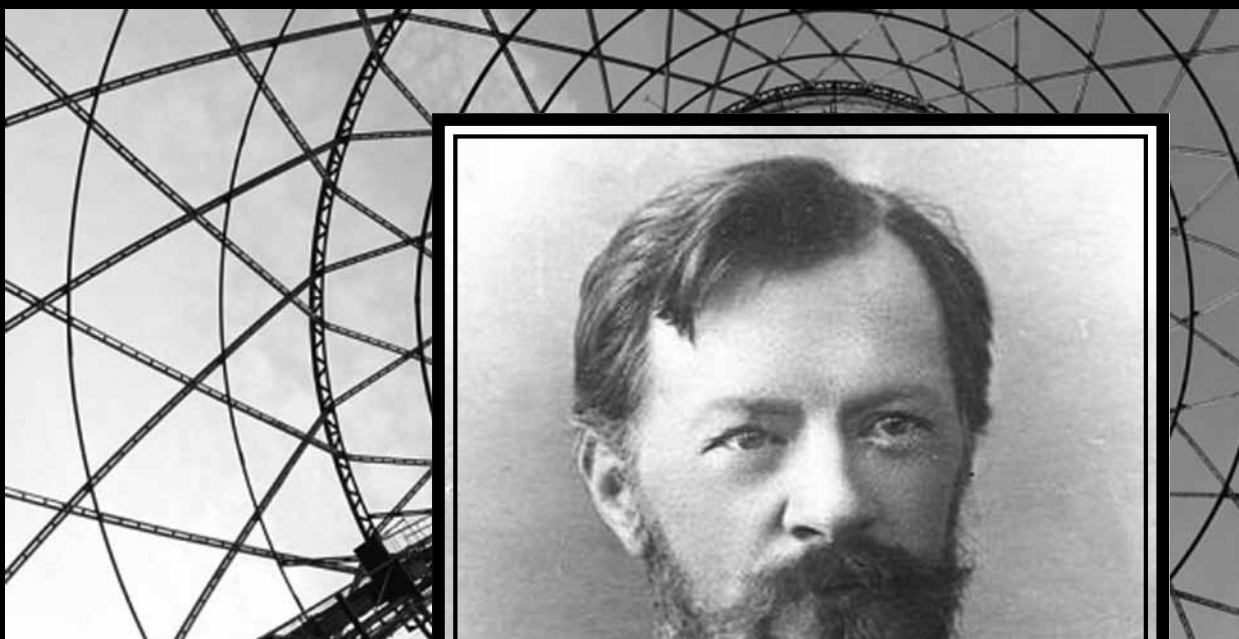
Он не боится остаться без работы, если «мода на Балугева вдруг пройдет». «Займусь чем-нибудь другим, — шутит Александр Николаевич. — Мне кажется, я не болен актерской профессией, хотя, ко-

нечно, заряжен этим делом, в нем ведь кроется такая психологическая приманка».

Приближаясь к порогу 60-летия, Александр Балув предпочитает не оглядываться в прошлое, не перебирать в памяти сыгранные в кино ро-

ли (их у него больше девяноста) и утверждает, что живет сегодняшним днем. «О будущем я ничего не знаю. Я думаю, какое настоящее, такое будет и будущее. И каждый из нас сегодня это будущее себе строит». □

Светлана
Бестужева-Лада

Каждое утро многие десятки людей входят в подъезд пятиэтажного здания НИИ «Проектстальконструкция», расположенного в одном из новых районов Москвы. Их как бы встречает и провожает взглядом выбитый в сером граните мемориальной доски портрет человека, ни разу здесь не бывавшего. Но нет ничего странного, что у входа в институт изображен почетный академик Шухов: ведь именно он основал этот «штаб» передовой технической мысли в строительстве.

В едином строю с теми, кто сегодня, развивая его наследие, разрабатывает проекты удивительных инженерных сооружений, стоит и всегда будет стоять великий инженер Шухов, живое олицетворение преемственности научной, технической и духовной культуры России новой и России старой, человек, чье творчество вписало множество ярких и разнообразных страниц в летопись славы любимого им Отечества...

РОССИИ

первый инженер

Владимир Григорьевич Шухов родился 14 августа 1853 года в городе Грайворон, в семье чиновника ведомства народного просвещения, коллежского секретаря Григория Петровича Шухова и его жены Веры Капитоновны, урожденной Пожидаевой, дочери богатого местного помещика.

Жизнь в захолустном городке тяготила отца, и он начал хлопотать о перемене места службы, в результате чего Шуховы переехали в Харьков, а позже — в Петербург.

Можно предположить, что помог в этом давний друг Григория Петровича — знаменитый хирург Николай Иванович Пирогов, занимавший в ведомстве народного просвещения высокий пост попечителя учебного округа. Впрочем, переезды семьи мало затронули Володю Шухова — большая часть его

детства прошла в имении бабушки в Курской губернии. А в Петербург его привезли, когда настало время поступать в гимназию.

«Успехи в науках» и «примерное поведение» гимназиста Владимира Шухова из года в год отмечал похвальными листами педагогический совет 5-й Санкт-Петербургской гимназии. Особенно же увлекала хулиганского большеглазого подростка математика. Надолго запомнился его одноклассникам случай, когда он сумел, к всеобщему удивлению и восхищению, дать свое собственное доказательство одной из фундаментальных теорем геометрии — знаменитой теоремы Пифагора.

Приходилось думать, однако, не только о геометрии. Семье Григория Петровича Шухова жилось не слишком-то легко. Правда, с выслугой лет росли чины — последней

В юные годы

записью в служебном формуляре чиновника «Григория Петрова сына Шухова» оказался чин действительного статского советника, равнозначный армейскому генерал-майору. Рос, разумеется, и оклад жалованья. Но деньги все равно умудрялись как-то уплывать между пальцев, и не было в доме не то что богатства, а даже обычного достатка.

Решив не быть семье в тягость, тринадцатилетний Владимир занялся репетиторством. А когда в 1871 году курс гимназии был окончен с отличием, юноша отважился сделать шаг, на который в его среде решились бы немногие: вместо университета, куда его приняли бы без всяких

хлопот, он решил уехать в Москву и поступить в Императорское техническое училище. Решающим доводом послужило то, что в училище имелись, правда, в небольшом количестве, вакансии «казеннокоштных» воспитанников. Попасть в их число означало возможность не только обучаться на казенный счет, но и жить на полном обеспечении казны.

С течением времени это учебное заведение превратилось в один из крупнейших центров технического образования в России — Московское высшее техническое училище, получившее ровно через 100 лет после своего открытия имя революционера-большевика Н.Э. Баумана. Училище было призвано готовить инженеров трех специальностей: строителей, механиков и технологов. Полный курс обучения составлял шесть лет.

Владимиру Шухову, решившему попасть на казенный кошт, пришлось выдержать немалый конкурс: ведь для таких, как он, отводилось примерно 15 мест из ста. Прочные и глубокие знания, в сочетании с настойчивостью и целеустремленностью, помогли одолеть все преграды.

Еще до окончания училища Владимир сделал первое из своих многочисленных изобретений: он разработал конструкцию форсунки для сжигания в топках мазута и собственными руками построил ее в мастерских училища. Запатентованная в 1880 году, она надежно служит теплотехникам и по сей день, ни в чем существенном не уступая кон-

струкциям, появившимся много позже нее.

Набиравший силу «век нефти» в начале числил мазут в никуда не пригодных отбросах, получавшихся при извлечении из нефти керосина. Форсунка Шухова использовала струю пара. Мазут, раздробленный на мельчайшие капельки, сгорал полностью, не оставляя копоти, и тем самым превращался в ценнейшее топливо. Изобретение, разумеется, нельзя назвать всецело оригинальным, но не следует забывать, что его автор был еще студентом.

Учение, между тем, шло своим чередом. Как и в гимназии, высший балл становился неизменным завершением любого экзамена студента Шухова. И вот подошел день окончания училища. В стопке аттестатов, лежавших на столе у директора училища, действительного статского советника Виктора Карловича Делла-Воса, сверху лежал аттестат Шухова. Директор взял его в руки, пробежал глазами аккуратные строчки текста:

«Педагогический совет Императорского московского Технического училища на основании примечания к §22 Высочайше утвержденного в 1-й день июня 1868 г. Устава училища и по рассмотрении представленных удостоверений о более чем шестилетней полезной технической деятельности воспитанника сего Училища, Владимира Григорьевича Шухова, 23 лет, удостоил его, Шухова, в заседании своем, званием ИНЖЕ-

В студенческие годы

НЕРА-МЕХАНИКА, со всеми правами в §23 того же Устава присвоенными. В удостоверение чего и выдан сей аттестат, за надлежащим подписом и приложением печати».

После получения аттестата Шухову предложили отправиться за казенный счет в командировку в Америку, на Филадельфийскую промышленную выставку, а заодно и ознакомиться с американскими заводами и фабриками, по возвращении же дать обо всем виденном подробный письменный отчет.

Страна без достопримечательностей — такими предстали североамериканские Соединенные Штаты перед Шуховым и его товарищами

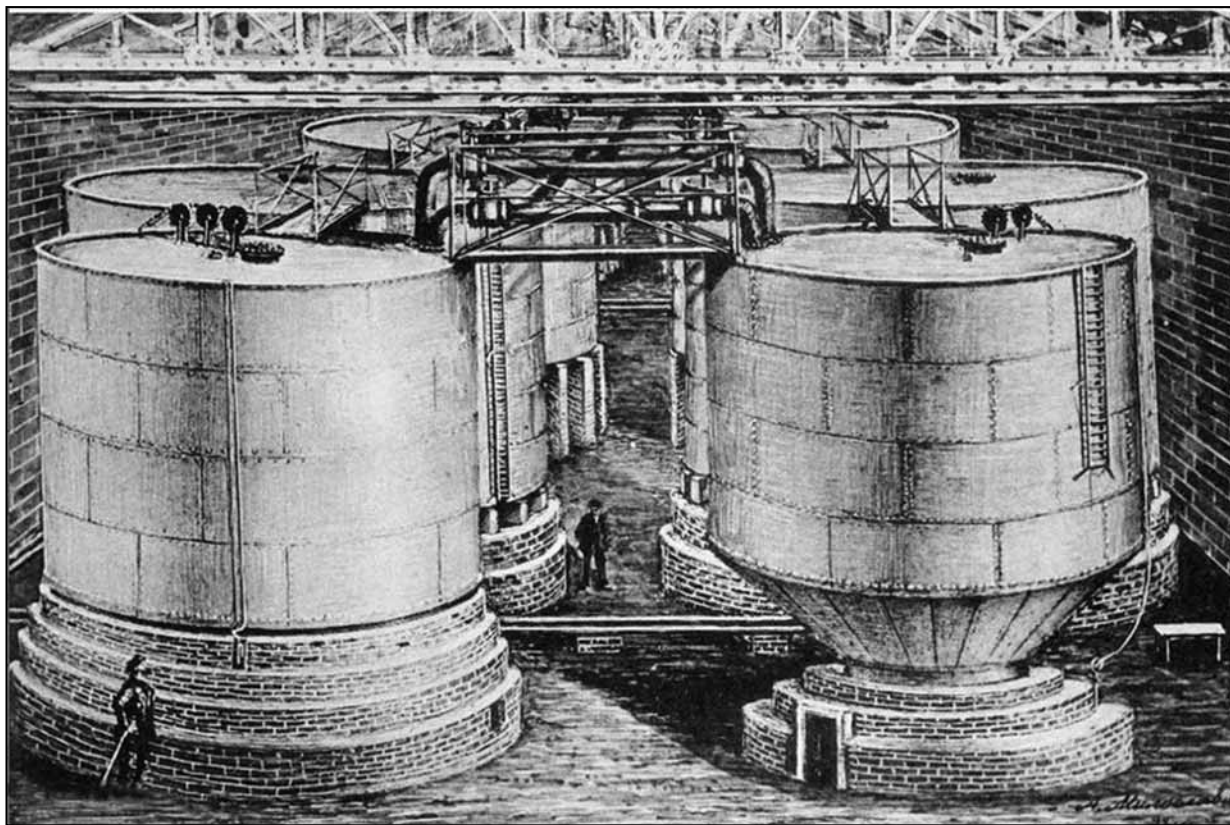
по поездке. То есть достопримечательности, конечно, были, но скорее чисто негативного свойства, даже из числа технических новинок. Широкий размах строительства — промышленного, железнодорожного и всякого иного — подчеркивал глубокую порочность бездушного практицизма, господствовавшего здесь. Непозволительной роскошью считалось тратить время на теоретические расчеты (еще бы: «время — деньги»!) А в итоге — машины, которые сначала сооружались, а потом уже доводились до рабочего состояния, мосты, в которых зоркий глаз инженера угадывал излишний металл, фундаменты — куда более

трудоемкие, чем этого требовал необходимый запас прочности.

Крикливая, бьющая в глаза реклама, беззастенчивое использование чужих идей, неудержимая погоня за прибылью — любой ценой, через любые препятствия — все это не могло не вызвать у Шухова скептического отношения к хваленной «стране прогресса».

На промышленной выставке в Филадельфии Владимир Григорьевич познакомился с великим русским ученым Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Их тесной дружбе не помешала даже почти двадцатилетняя разница в возрасте. Позже, уже в России, двери дома

*Построенные по проекту В.Г. Шухова спиртовые резервуары
Казенного спиртового склада в Москве*

Менделеева были всегда гостеприимно распахнуты для Шухова.

И еще одно знакомство завязалось у Шухова на американской земле, которое впоследствии сыграло в его жизни весьма важную роль. Александр Вениаминович Бари был вольнослушателем Массачусетского технологического института в Бостоне, но мечтал вернуться в Россию.

А сам Шухов по возвращению домой решил, не оставляя пока окончательно своей профессии, сделать-ся врачом — тем более что это поприще позволяло служить народу отнюдь не только в военную пору. Он стал вольнослушателем Петер-

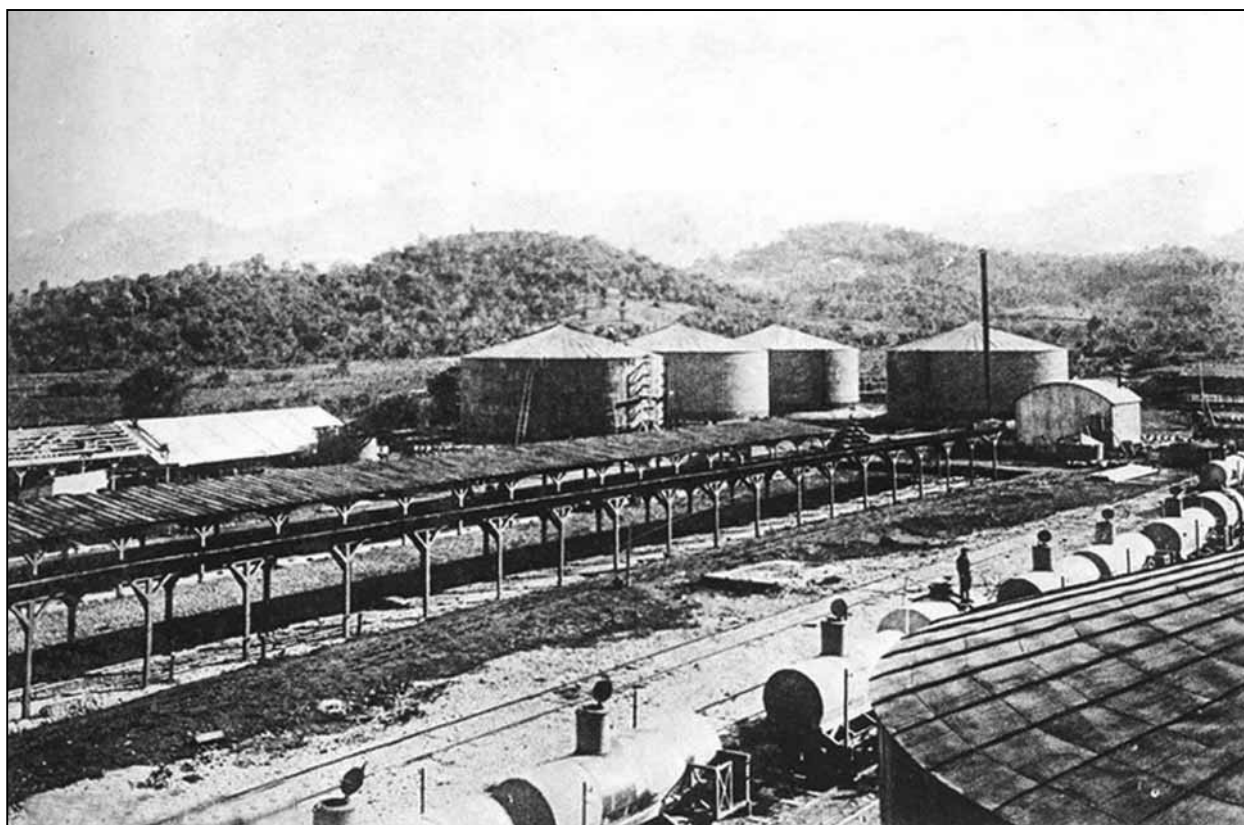
бургской военно-медицинской академии. Средства же к жизни ему давала работа в должности начальника чертежного бюро Управления Варшавско-Венской дороги.

Двойная ноша, однако, оказалась непосильной. Легкое недомогание постепенно переросло в серьезную болезнь. Собравшийся у постели консилиум врачей был единодушен в своем приговоре: никакого совмещения учения и службы и немедленный, срочный переезд в теплые края. Иначе — неминуемая чахотка.

Именно в это время Владимир случайно снова встретился с Бари.

— Так вы еще не профессор, Владимир Григорьевич?

Начало трассы нефтепровода, построенного по проекту В.Г. Шухова

— Нет, да, признаться, и не помышляю. А вы, Александр Вениаминович, чем, занимаетесь, как проживаете?

— Возглавляю фирму по изготовлению резервуаров всякого рода, котлов и прочего в том же роде. Живу в Москве. Здесь — по делам.

— А я работаю на железной дороге. Только, к сожалению, приходится уходить: здоровье подвело. Врачи говорят — на юг куда-нибудь надо перебираться. А вот куда и что там делать — ума не приложу.

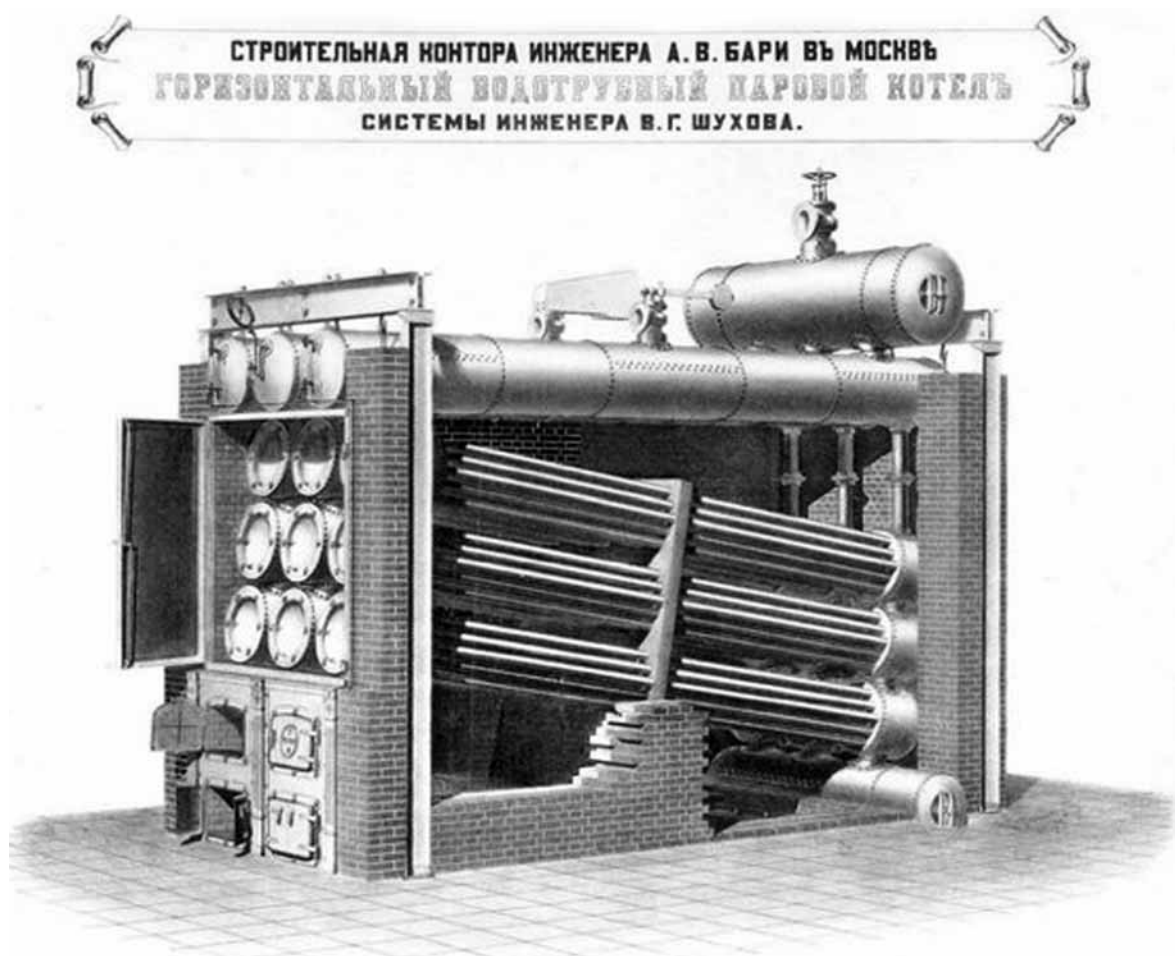
Слова о юге привели Бари в явный восторг.

— Так это просто удача! Что вы думаете про город Баку?

— Хм... Признаться, ничего. Не бывал. Знаю, что там нефть добывают. А вам приходилось там бывать?

— Что за вопрос? У меня там отделение фирмы. Слушайте, Владимир Григорьевич, а вы не хотели бы принять на себя руководство этим отделением? Уверю вас — не пожалеете.

Разговор этот имел далеко идущие последствия: на целых сорок лет — вплоть до 1918 года — Шухов сделался сотрудником фирмы Бари. Называлась она «Строительная контора инженера А.В. Бари», но была, по существу, целым концерном. Фирме принадлежали заводы, вер-

фи, мастерские, проектные бюро. Но с первых дней прихода Шухова в нее куда более правильным названием было бы такое: «Контора по эксплуатации идей и изобретений инженера В.Г. Шухова». Именно это обстоятельство превратило сына мелкого торговца А.В. Бари в одного из богатейших российских предпринимателей.

Надо сказать, Бари прекрасно понимал, что означало участие Шухова в делах его фирмы. Он был по своему благодарен ему и платил не

скупясь: так, в предреволюционное десятилетие Шухов получал примерно 900 рублей в месяц — сумму по тому времени внушительную.

Контора Бари сама нефти не добывала. Зато принимала заказы на создание разнообразных технических средств для обслуживания нужд нефтепромыслов. А что они вполне возможны — убеждали неоднократно устные и печатные выступления Менделеева, одним из первых оценившего огромное значение нефти для человечества.

Прежде всего, Шухову удалось решить проблему транспортировки нефти. Ему была известна идея Менделеева — перекачивать нефть по трубам. Однако самому Менделееву реализовать ее не удалось: гениальный теоретик, он не был достаточно подготовлен для детальной инженерной проработки этой отнюдь не легкой задачи. Первый в России нефтепровод был сооружен по проекту Шухова за два неполных года и в 1879 году вступил в строй. Его длина превышала 10 километров.

Нефтепровод соединял промыслы, принадлежавшие нефтяной фирме братьев Нобель (одним из них был тот самый Альфред Нобель, который нажил несметное состояние, запатентовав изобретенный русским офицером полковником В.Ф. Петрушевским динамит, а на старости

лет, желая обессмертить свое имя, завещал проценты с части своих капиталов на премии, названные в его честь Нобелевскими), с так называемым Черным городом, где располагались нефтеперегонные заводы. Этот первый нефтепровод позволил снизить стоимость доставки пуда сырой нефти ровно втрое: с 6 до 2 копеек. Разумеется, в первую очередь от этого выиграли братья Нобель. Но выиграли и те, кто в далекой России отсчитывал трудовые копейки в ближайшей нефтяной лавке. А тем более тогда, когда широкое использование нефтепроводов довело стоимость ее перекачки на перегонный завод до 5 копеек за 10 пудов.

Нефтепроводы Шухов проектировал и строил и в последующие годы. Так, уже в советское время под его руководством были сооружены

*Строительство первых в мире сетчатых оболочек перекрытий
двоякой кривизны конструкции Шухова*

грандиозные по тем временам нефтепроводы: из Баку в Батуми, длиной 883 километра, и из Грозного в Туапсе — 618 километров.

Два года под южным солнцем и крепкий молодой организм преодолели подкрадывавшуюся опасность чахотки. В 1880 году Шухов переехал из Баку в Москву. Убедившись в бесприкрытости сделанного им выбора, Бари согласился с доводами Шухова и дал свое «благословение» на организацию в составе фирмы особого, постоянно действующего проектного бюро.

Ничего подобного до тех пор не было в мировой технике. Естественно, подготовка больших и ответственных проектов всегда велась коллективами инженеров, техников и вспомогательных работников — чертежников и прочих. Но такие группы создавались применительно к конкретному случаю, а после выполнения задачи распускались.

Покинув Баку, Шухов отнюдь не оставил нефтяную тематику. Следом за решением вопроса о трубопроводах он обратился к резервуарам, ибо то, что видел он на промыслах, поражало своей убожеством и примитивностью. Земляные ямы-хранилища не только приводили к большим потерям из-за просачивания нефти в землю, но, просочившись, она отравляла окружающую местность, превращая ее в мертвую черную пустыню. К тому же велика была и опасность пожара — не только от неосторожного обращения с огнем, но и от

вполне «естественных» причин, например, от удара молнии.

Нередко вспоминая перепачканных нефтью рабочих возле скрипучих ворот скважин, Шухов часто задумывался о том, как усовершенствовать процесс извлечения нефти на поверхность. И нашел решение:

*Первая в мире
гиперболоидная башня Шухова*

поднимать ее сжатым воздухом. В самом деле — ведь достаточно по тонкой трубе накачать в нефтеносный слой воздух под давлением, чтобы под его напором нефть устремилась к опущенной в скважину трубе и начала подниматься. Так родилась система, получившая впоследствии название «эрлифт», то есть «воздушный подъемник». Над ней Шухов работал в середине восьмидесятых годов.

Его изобретение высоко оценил Менделеев и горячо рекомендовал промышленникам поскорее внедрить его в практику. Промышленники, однако, не торопились: их впол-

не устраивало куда более примитивное, но и более дешевое устройство, распространившееся к этому времени, — желонки. Так назывались длинные цилиндрические ведра с особым клапаном на дне. Желонку опускали в скважину, клапан открывался, и она наполнялась нефтью. Затем клапан закрывался и желонку поднимали на поверхность. Разумеется, это было более удобно, чем черпать топливо обычными ведрами или бурдюками.

Впоследствии, однако, система эрлифта получила широкое применение. Но произошло это уже после революции и национализации не-

Слева:
Семья
В.Г. Шухова

С супругой
Анной
Николаевной
Шуховой

фтяной промышленности — так, в 1928 году эрлифтами добывалось около трети всей бакинской нефти. В последующие годы такая система распространилась и на другие области техники, даже на угольную промышленность: здесь сжатым воздухом не без успеха пробовали поднимать на поверхность погруженные в воду куски угля. Эрлифт и по сей день одна из идей, привлекающих инженеров своей простотой и целесообразностью.

И еще несколько систем насосов разработал Шухов: шнуровые, поршневые и так называемые прямодействующие паровые. Такие насосы

оказались особенно полезными при перекачке по трубопроводам нагретого мазута.

Нефть — это, прежде всего, топливо. Точнее, не сама она в сыром виде, а получаемые из нее различные виды горючего, в первую очередь бензин. Основным способом его извлечения из нефти является процесс, получивший название «крекинг» (от английского глагола «to crack» — «раскалывать, расщеплять»). Изобретение этого процесса (свое английское название он получил много позже) — одна из крупнейших заслуг Шухова.

Приехав в 1878 году в Баку, Владимир Григорьевич застал в полном

разгаре господство перегонки в процессе переработки нефти. Главной ценностью тогда был керосин, а перегонка позволяла получать его в достаточно больших количествах. 27 ноября 1891 года российский Департамент торговли и мануфактур выдал знаменитую привилегию №12926 «проживающим в Москве инженерам-механикам Владимиру

Шухову и Сергею Гаврилову» (Сергей Гаврилов был товарищем Шухова по училищу и его помощником; верный усвоенным еще в юности нормам щепетильной научной честности, Шухов настоял, чтобы имя помощника стояло рядом с его именем).

В тексте привилегии, выданной на десятилетний срок, подробно описывались «приборы для непре-

Установка В.Г. Шухова для термического крекинга нефти

рывной дробной перегонки нефти и тому подобных жидкостей». Установка включала в себя трубчатую печь, в змеевиках которой получалась смесь паров и газов, особых цилиндров, названных авторами «погоноразделителями», и холодильников. Использование трубчатой печи позволяло увеличить поверхность нагрева и повысить — примерно до 60 атмосфер — рабочее давление. А регулированием количества выпускаемой в каждый «погоноразделитель» жидкости можно было получать погоны строго определенного удельного веса. Самое же главное — вся установка в целом позволяла получить из нефти больше керосина или бензина, чем его содержалось в природном сырье.

Изобретение Шухова принадлежало к числу тех, которые как бы

предвосхищают потребности завтрашнего дня техники. Его «установка для непрерывной дробной перегонки», разумеется, позволяла получать керосин. Но поистине незаменимой она оказывалась для получения бензина.

А тот был еще практически не нужен. Более того, легко воспламеняемый, склонный взорваться от малейшей искры, он казался нежелательным и даже опасным. Его век был довольно далеко впереди: лишь когда число автомобилей стало стремительно возрастать, когда повседневной реальностью сделались моторные лодки и мотоциклы, а в воздух поднялись первые аэропланы, необходимость в бензине заставила вспомнить о способе получать его больше, чем припасла природа в «черном золоте». И крекинг —

*Железная наливная баржа. Построена по проекту В.Г. Шухова
строительной конторой инженера А.В. Бари*

теперь уже со своим английским названием — родился вновь.

К своему изобретению Владимир Григорьевич вернулся лишь три с лишним десятилетия спустя после того, как оно было сделано, уже в советское время. Шухов руководил проектированием и строительством первого у нас в стране крекинг-завода, оказавшегося в итоге лучшим в мире по простоте оборудования и качеству выдаваемого бензина. Завод вступил в строй в 1932 году. А в день его пуска 79-летний ученый надел плотный из черного сатина халат и брезентовые рукавицы и собственноручно взялся за штурвал: чести провести первую регулировку своего детища, так долго ожидавшего осуществления на практике, он просто не мог уступить никому.

Чтобы закончить «нефтяную» тему в творчестве Шухова, следует вспомнить о созданных по его проектам нефтеналивных баржах. Сама идея судна, корпус которого служит резервуаром для перевозки нефти, появилась, правда, раньше, еще в 1860 году. Когда семилетний Володя Шухов вел безмятежную жизнь в бабушкином имении, в свой первый рейс по Каспийскому морю вышел деревянный парусник «Александр», который вез в своих трюмах нефть.

Судовладельцы братья Н.И. и Д.И. Артемьевы в 1874 году построили несколько деревянных наливных барж. А знаменитый волжский судостроитель Василий Иванович

Калашников, прославившийся созданием множества удивительных по своему совершенству грузовых и пассажирских пароходов, в 1880 году осуществил идею, казавшуюся многим невозможной: на воду были спущены три крупные железные баржи, предназначенные для перевозки керосина.

Строители первых наливных барж во многом опирались на интуицию. Верный же своему методу Шухов начал с теоретических изысканий. Первые шуховские баржи имели длину 150 метров. Но уже в 1893 году на воду была спущена баржа его конструкции длиной 172 метра, имевшая грузоподъемность 12 тысяч тонн. Через шестнадцать лет общая грузоподъемность шуховских барж составляла уже около трех с половиной миллионов тонн. Количество их измерялось многими тысячами. И долго еще служили стране эти гиганты речного флота — прообраз нынешних океанских супертанкеров.

Саратовский судостроительный завод, где строились шуховские баржи, был сравнительно поздним приобретением фирмы Бари. Значительно раньше стремительно разраставшаяся «строительная контора» стала владельцем котлостроительного завода в Москве. И в эту область техники Владимир Григорьевич сумел внести множество ценных идей.

Век электричества в ту пору делал первые, еще достаточно робкие шаги. Паровые машины господствовали в промышленности и на транс-

*Владимир
Шухов
и Александр
Бари*

порте. А это означало, что котлостроение имело первостепенное значение для дальнейшего развития технического прогресса: ведь паровая машина — это не только цилиндр и поршень, это еще и обязательно котел для получения пара.

Котлы Бабкока и Вильямса считались наиболее передовой по тому времени конструкцией. Шухов по-

знакомился с их устройством еще в студенческие годы, а позже, будучи уже инженером, не раз руководил монтажом приобретенных в Америке котлов и постепенно пришел к выводу, что водотрубный котел должен строиться совсем иначе. Первый котел системы Шухова был изготовлен в 1890 году. Преимущества его оказались настолько

очевидны, что в скором времени разработанная им система практически вытеснила американскую.

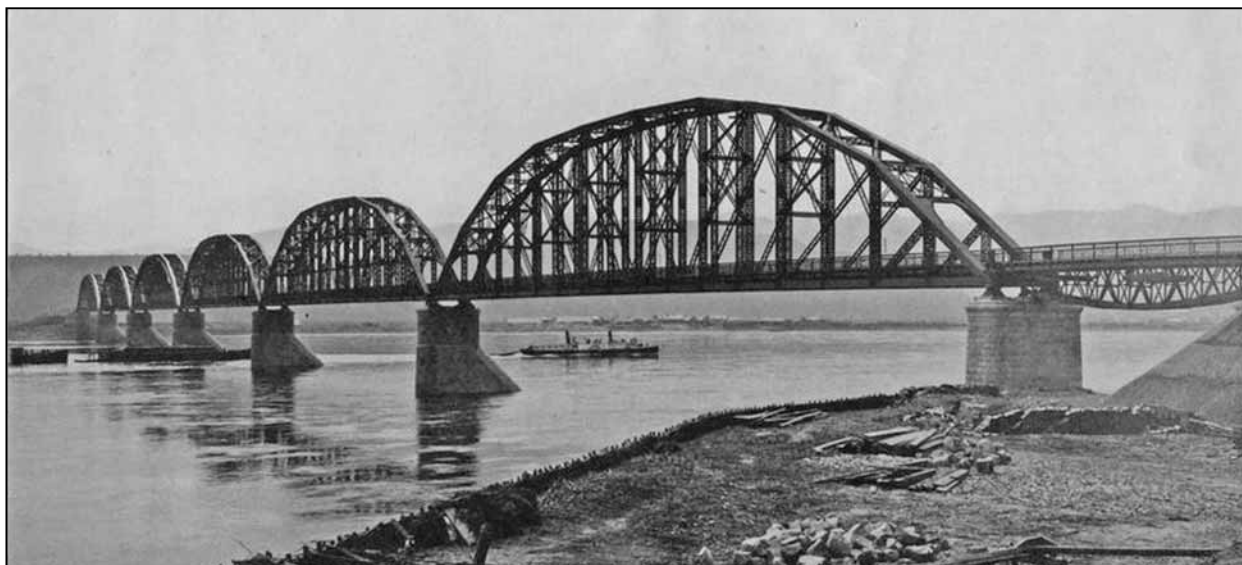
Верный своему принципу создания наиболее экономичной конструкции, Шухов добился значительного снижения расхода металла при сооружении котлов. А стандартизация узлов позволяла легко наладить их серийное производство. Кроме того, теперь оказывалась осуществимой доставка котла к месту службы не в собранном виде, как это неминуемо приходилось делать прежде, а в виде отдельных деталей. Излишне говорить, насколько такое решение упростило и удешевило транспортировку котлов.

Вертикальные шуховские котлы, небольшие по размерам, доставлялись заказчику в готовом виде и использовались всюду, где не требовалось много пара. Нашли они широкое применение и в отоплении, в частности в железнодорожных вагонах. Лишь с незначительными из-

менениями они служат там и по сей день, представляя собой редкий пример долговечности технического решения.

Но и горизонтально-водотрубные котлы Шухова побили все рекорды срока жизни системы. Они практически без изменения выпускались до 1936 года, то есть целых четыре десятилетия. После небольшой модернизации они вновь пошли в производство и изготавливались вплоть до пятидесятых годов. Некоторые из них успешно эксплуатируются и сейчас.

Паровые котлы, разработанные Шуховым, получили повсеместное признание. На XVI Всероссийской художественной и промышленной выставке, проходившей летом 1896 года в Нижнем Новгороде, они были удостоены высшей награды. Экспонированные на Всемирной выставке 1900 года в Париже, они принесли Шухову почетный диплом и Большую настольную золотую медаль.

Котлы Шухова удачно дополняла изобретенная им еще в студенческие годы и позже усовершенствованная форсунка. Ее уже в конце восьмидесятых годов прошлого столетия начали применять на волжских судах, а затем и на пароходах, плававших по Черному и Балтийскому морям. Надежно и эффективно работала она и в стационарных

установках. Используется эта форсунка и сейчас, столетие спустя после своего появления на свет.

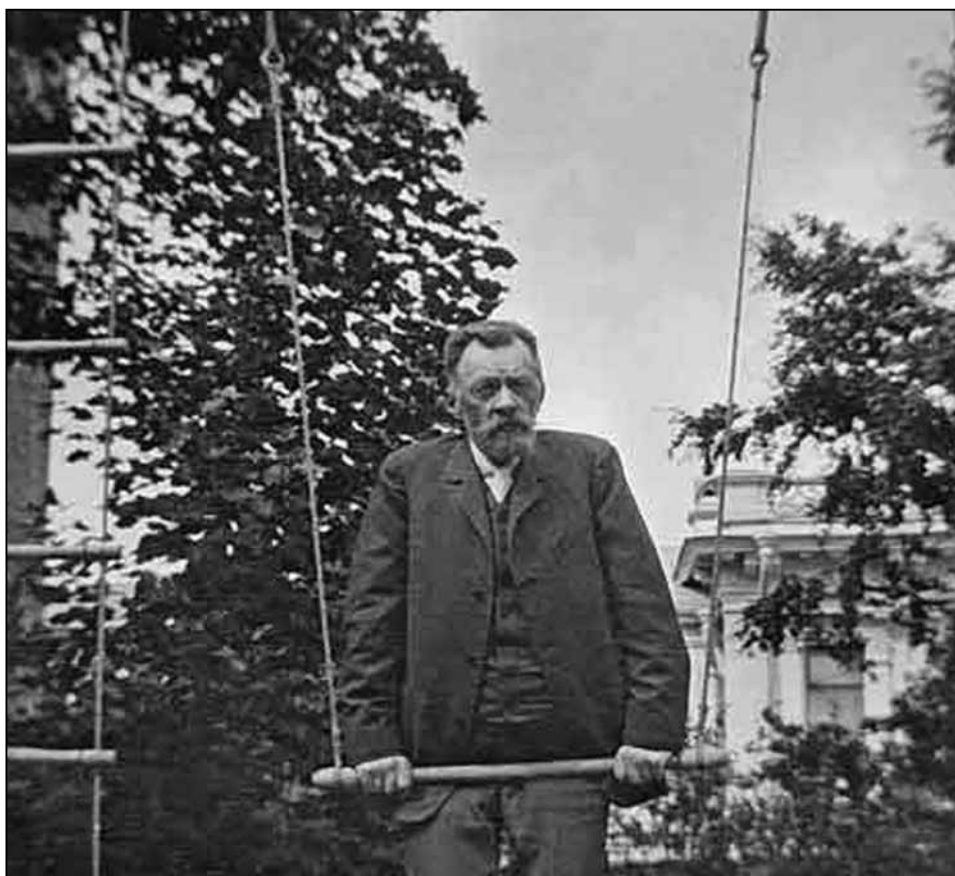
После Нижегородской выставки В.Г. Шухов разработал многочисленные конструкции разнообразных сетчатых стальных оболочек и использовал их в сотнях сооружений: перекрытиях общественных зданий и промышленных объектов, водона-

Слева:

*Мост
через реку
Енисей
в Красноярске.
Построен
по проекту
В.Г. Шухова*

*Строительство овального
павильона
с сетчатым
стальным
висячим
покрытием
системы
инженера
В.Г. Шухова
для Всероссийской
выставки
1896 года
в Нижнем
Новгороде*

***В.Г. Шухов
на спортивной
трапедии
во дворе
своего дома
на Смоленском
бульваре***

Справа:
***Строи-
тельство
батопорта
по проекту
В.Г. Шухова***

порных башнях, морских маяках, мачтах военных кораблей и опорах линий электропередач. 70-метровый сетчатый стальной Аджигольский маяк под Херсоном — самая высокая односекционная гиперболоидная конструкция, а радиобашня на Шаболовке в Москве стала самой высокой из многосекционных шуховских башен (160 метров).

Нижегородская выставка принесла фирме Бари необычайную удачу: отныне на всех своих проспектах и бланках она имела право печатать изображение двуглавого орла — государственного герба Российской империи. Право это было присуждено ей, как говорилось в дипломе, «за применение новых усовершенство-

ваний в конструкции металлических зданий и за широкое развитие, быстрое и хорошее исполнение строительных и котельных работ».

Но если, например, шуховские котлы оценить по достоинству могли только специалисты, то совсем иначе обстояло дело с павильонами, которые фирма Бари предложила выставочному комитету выстроить бесплатно, оговорив за собой право распорядиться ими после окончания выставки по своему усмотрению.

Таких павильонов было шесть: центральный, круглый, прямоугольные и овальный. Все они оставляли впечатление необычайной легкости, какой-то воздушности и представлялись некими гостями из будущего

(впрочем, такими они и были на самом деле). Особенно поражала величина пролетов потолков, построенных без промежуточных опор. Наибольшими были пролеты овального павильона — 98 метров по большой оси овала и 51 метр по малой. В прямоугольных длина потолка составляла 68 метров, а ширина — 30. В круглом же павильоне опоры были легкие, решетчатые, пятнадцатиметровой высоты. А центральную часть покрывала — тоже удивительная новинка! — вогнутая внутрь чаша из тонкого листового железа.

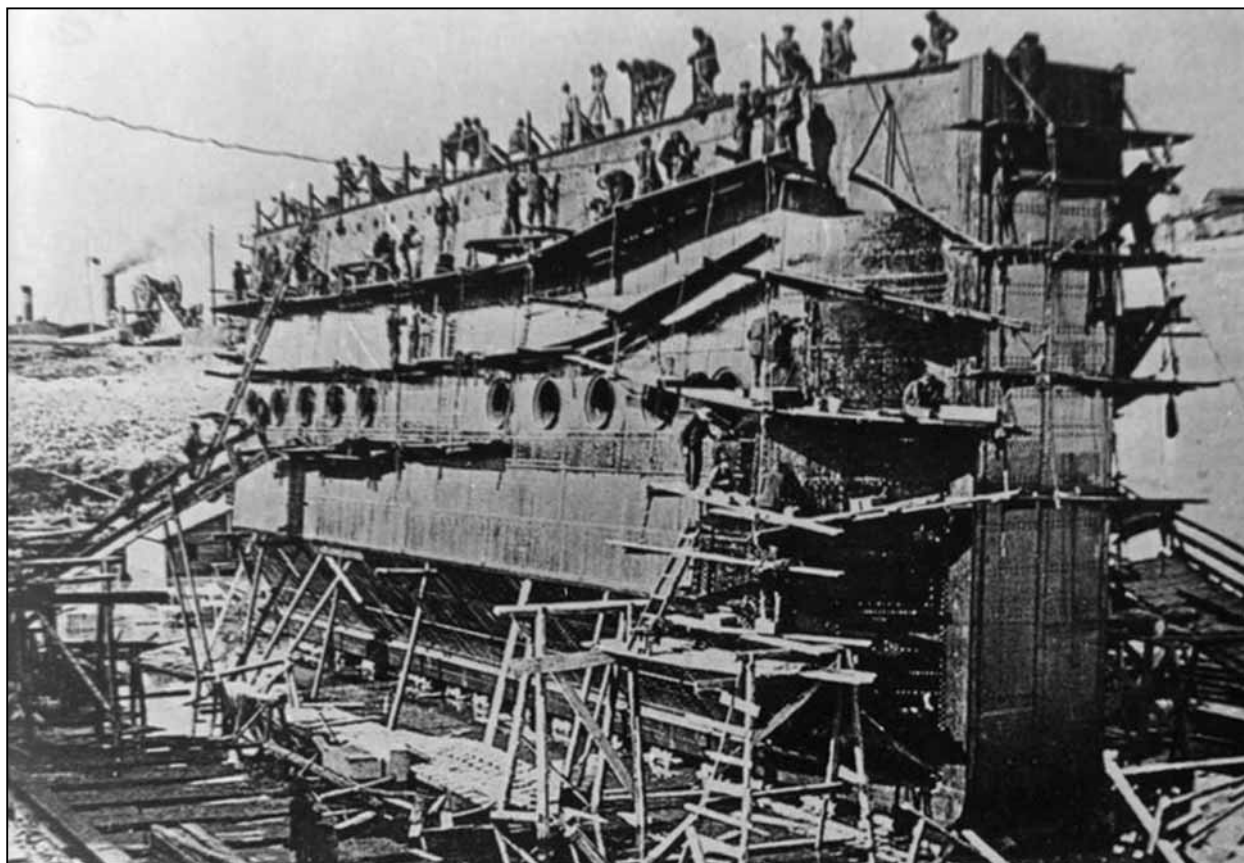
Каталог выставки пояснял: «Круглое здание и смежные с ним сами являются экспонатами. Здесь интерес сосредоточен на технике по-

стройки, возведенной инженером-механиком *Шуховым*».

Но самое удивительное шуховское сооружение стояло немного поодаль от павильонов. Вот что говорилось о нем в каталоге:

«Резервуар на 10 тыс. ведер питьевой воды помещается на вершине высокой башни, представляющей своего рода «гвоздь» нынешней выставки. На Парижской выставке была башня Эйфеля, на Нижегородской — башня Бари, хотя правильнее было бы назвать ее башней Шухова — по имени инженера, проектировавшего все металлические строения выставки, в том числе и эту башню».

Тридцатидвухметровая шуховская башня стала прародительни-

цей целого огромного семейства: маяки, опоры для высоковольтных линий, дроболитейные установки, не говоря уже о водонапорных башнях, появились вслед за ней.

Выставочные павильоны с сетчатыми перекрытиями имели большое рекламное значение. Но и имевшие вполне практическое назначение здания вскоре стали строиться с такими же перекрытиями. А первый опыт Шухов произвел еще в 1893 году, соорудив их над цехами котельного завода фирмы Бари в Москве. Позже перекрытия его конструкции были использованы во многих зданиях: московский ресторан «Метрополь», Главный почтамт в Москве, магазин Мюра и Мерилиза, тоже в Москве, на Петровке (ныне ЦУМ), Верхние торговые ряды на Красной площади (теперешний ГУМ) — вот лишь несколько примеров осуществления на практике подобных конструкций. В создании их Шухов принимал самое непосредственное участие, руководя работой монтажников. Одним из самых больших сооружений такого типа стал дебаркадер Брянского (ныне Киевского) вокзала в Москве, заверченный в 1916 году.

Но самое замечательное гиперболоидное сооружение — это, без сомнения, радиобашня, сооруженная на Шаболовке. По первоначальному проекту ее высота должна была составлять 350 метров. И лишь острая нехватка железа в стране, только что пережившей граждан-

скую войну, заставила ограничить ее высоту отметкой 160 метров. Долгие годы изображение Шуховской башни являлось эмблемой советского телевидения и заставкой многих телепередач, включая знаменитый «Голубой огонек».

Эксплуатация башни началась 19 марта 1922 года. А 30 апреля того же года газета «Известия» сообщила, что за проявленный героизм и сознательное отношение к своим обязанностям при постройке Шаболовской радиостанции наиболее отличившиеся участники строительства занесены на Красную доску. Первым в их списке стояло имя инженера-изобретателя В.Г. Шухова. Эта была первая почетная награда новой власти Владимиру Григорьевичу. За ней вскоре последовали другие: звание Героя Труда отметило, как говорится в подписанной М.И. Калининым грамоте, хранящейся ныне в архиве Академии наук СССР, выдающуюся деятельность Шухова «в социалистическом строительстве в области нефтяного дела». Грамота датирована 1928 годом. Сегодня Шуховская башня признана международными экспертами одним из высших достижений инженерного искусства.

Как все окончившие гимназический курс (а Шухов, как уже говорилось, гимназию окончил с отличием), Владимир Григорьевич помнил и нередко повторял старинное латинское изречение: «*Homosumetnilhumani a mealienumputo*» («Я человек,

и ничто человеческое мне не чуждо»). Иному, менее талантливому и не столь работоспособному, человеку едва ли удалось бы, совершив столь много замечательных открытий в теории и воплотив их на практике, не превратиться в некое подобие ходячего сухаря. Владимир Григорьевич же умел находить время для всего того, что в совокупности своей принято именовать «личной жизнью», достаточно наполненной и разнообразной.

К сожалению, сквозь завесу десятилетий она прорисовывается лишь не слишком частым пунктиром. Так, известно, например, его многолет-

нее страстное увлечение фотографией. Про себя он говаривал шутиливо: «Я инженер по специальности, а в душе — фотограф». Сделанные им снимки были своего рода летописью событий, свидетелем и очевидцем которых ему довелось быть.

Еще одним — вплоть до самой старости — увлечением оставался спорт. У дочери Владимира Григорьевича, поныне здравствующей Веры Владимировны Лапшиной (по мужу), хранится, например, снимок: Владимир Григорьевич на гимнастической трапеции. На снимке нет точной даты, но не приходится сомневаться, что сделан он в то время,

Мины системы В.Г. Шухова — готовятся к отправке на морские базы

***В.Г. Шухов
в кабинете***

Справа:
***Металло-
стеклянные
перекрытия
ГУМа
конструкции
Шухова***

когда ее отцу было никак не меньше шестидесяти лет. А в более молодые годы Шухов много времени уделял велосипедному спорту. И это увлечение отразил объектив фотоаппарата: еще молодой мужчина, едва ли много старше тридцати лет, — в седле старинного, с огромным передним и небольшим задним колесом велосипеда, того типа, который получил прозвище «паук».

Невзирая на всегдашнюю занятость, Шухов находил время и для чтения, и для театра. По воспоминаниям Веры Владимировны Лапшиной, он отдавал предпочтение театру музыкальному — опере и балету, что, однако же, не помешало ему внести своеобразный вклад в развитие театра драматического: первая в стране вращающаяся сцена была сооружена по его проекту и под его руководством для Московского Художественного театра, только что

переехавшего в то время в свое ставшее всемирно известным здание в Камергерском переулке (ныне проезд Художественного театра).

Женился Шухов довольно поздно, в 1894 году, перевалив уже на пятый десяток. С Анной Николаевной Мединцевой, своей будущей женой, познакомился в Воронеже, куда ездил по служебным делам. Ее отец служил там железнодорожным врачом, имел чин коллежского советника (равнозначный чину полковника). Шуховы жили в небольшом домике в одном из переулков неподалеку от Покровских ворот, а позже переехали в Скатертный переулок (в районе Арбата).

Незадолго до войны 1914 года был приобретен деревянный особнячок на углу Смоленского бульвара и Неопалимовского переулка. К дому примыкал садик, в котором верный своим привычкам Влади-

мир Григорьевич устроил перекладину и еще несколько гимнастических снарядов. Семья постепенно росла — дочери Ксения и Вера, сыновья Владимир, Сергей, Фавий.

Каждое утро к дверям дома подъезжал нанимаемый помесечно извозчик. Он вез Шухова в контору — та располагалась на Мясницкой. Назад Владимир Григорьевич частенько возвращался пешком, совершая тем самым столь полезную для человека сидячей работы прогулку. Вернувшись домой, он охотно, хотя обычно не слишком долго, занимался с детьми. Дети любили отца, прощали даже некоторую вспыльчивость, свойственную ему. После

ужина Владимир Григорьевич нередко уходил к себе в кабинет и продолжал работать, иной раз до глубокой ночи.

В 1914 году от рака желудка скончался Александр Вениаминович Бари. На положении Шухова это никак не сказалось. Но год спустя в столице оккупированной Австро-Венгерской империей Боснии Сараеве прогремели револьверные выстрелы, сразившие наследника престола «лоскутной монархии» эрцгерцога Франца Фердинанда. От крохотной искры вспыхнул всемирный пожар — началась Первая мировая война. Миллионы русских мужиков и мастеровых надели солдатские

шинели и устремились к западным и южным границам империи, где разыгрались сражения непонятной и чуждой им войны.

А в контору на Мясницкой зачастили офицеры с серебряными аксельбантами генштабистов, и посыпались военные заказы. Одним из первых таких заказов стало проек-

тирование и сооружение батопортов — больших судов, предназначенных служить воротами доков, где производится ремонт поврежденных кораблей. Конструкция оказалась весьма удачной.

Следующим заказом стало конструирование плавучих мин. И эту задачу удалось разрешить быстро

и хорошо: непреодолимой преградой для неприятельских кораблей сделались минные поля из мин системы Шухова. И шуховские боны для швартовки подводных лодок получили самую высокую оценку военных моряков.

Особенно же успешной разработкой в области военной техники оказались его платформы для осадных орудий. На такие платформы орудия устанавливались для меткой и дальней стрельбы. Прежде существовавшие конструкции были очень тяжелыми и требовали огромного количества лошадей для перевозки: в каждую платформу впрягали 32 лошади. Кроме того, много времени и сил уходило на приведение системы в боевое положение. И кругового обстрела прежние платформы не обеспечивали.

Шуховские платформы были лишены всех этих недостатков: они давали возможность перейти из походного в боевое положение всего за 20–30 минут. Для них не было не поражаемых точек пространства. И перевозились они одной запряжкой из четырех лошадей: круглые платформы соединялись осью. Получалась огромная двуколка. На нее грузили все остальные части установок — сразу двух. Система Шухова придала осадной артиллерии подвижность прежде невиданную. И когда летом и осенью 1916 года в ходе знаменитого Брусиловского прорыва русское оружие вновь открыло себя неуязвимой славой,

когда зашаталась, перед тем как рухнуть окончательно, тысячелетняя империя Габсбургов, тяжелые орудия, оснащенные шуховскими платформами, оказались действенным средством для сокрушения тщательно подготовленных вражеских укреплений.

До конторы Бари руки молодой Республики Советов дошли не сразу: национализирована она была только в 1918 году. Но еще до ее национализации Владимир Григорьевич стал членом рабочего правления одного из главных предприятий фирмы — московского завода «Парострой». Сторонившийся общественной жизни прежде, шестидесятичетырехлетний инженер стал неузнаваем: его неизменно выбирали в президиумы на всех собраниях, он был непременным и весьма активным участником всевозможных комиссий и комитетов, призванных решать производственные и социальные вопросы.

Поспешившие покинуть сразу ставшую для них неуютной страну братья Бари предлагали и ему уехать за границу. Он отказался наотрез, не пожелав даже выслушать их доводы о том, что такой крупный инженер, как он, в любой стране найдет применение своему таланту и займет почетный и выгодный пост. Не колебалась его решимости разделить судьбу своего народа даже еще одна скоропалительная «национализация»: в угаре революционного энтузиазма, не разобравшись толком, какой-то ретивый местный

представитель власти реквизи-
ровал принадлежавший Шухову дом
на Смоленском бульваре. Ни раз-
дражения, ни особого сожаления
не выказывал Шухов по этому пово-
ду — разве что тогда, когда узнал,
что дом сгорел. Да и жалел не столь-
ко дом, сколько сгоревшую вместе
с ним библиотеку, которую собирал
тщательно и любовно.

Обосноваться семье пришлось
в Кривоколенном переулке. Шухо-
вы заняли часть обширной кварти-
ры Бари. А в четырех самых боль-
ших парадных залах расположи-
лось проектное бюро бывшей кон-
торы Бари, а ныне уже «Строитель-
ной конторы Мосмашинотреста».
Шухов продолжал руководить про-

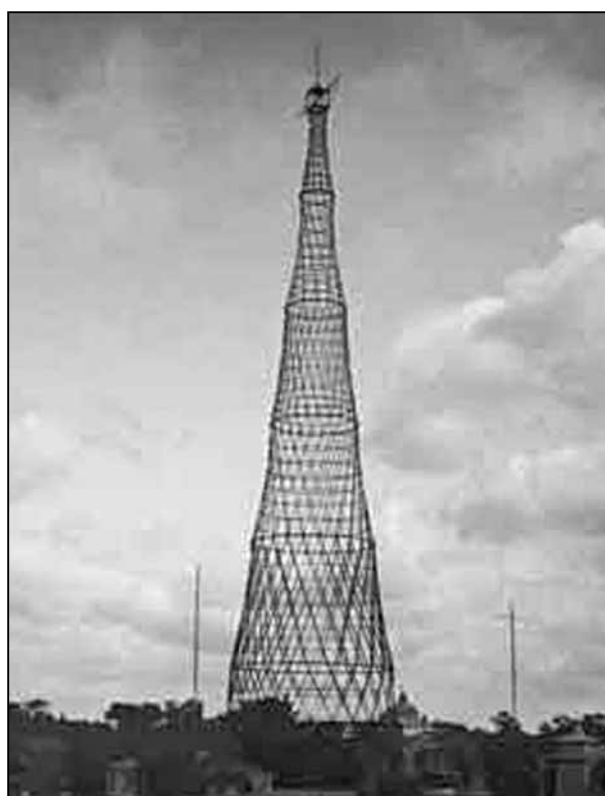
ектным бюро. Кроме того, на него
были возложены обязанности глав-
ного инженера завода «Парострой».
Рабочие хотели избрать его на пост
директора завода, но он отказался
категорически, заявив, что админи-
стративная деятельность совсем не
для него.

У конторы «Мосмашинотреста»
дел было по горло. И особенно важ-
ными оказались те, которые были
связаны с восстановлением разру-
шенных в ходе войны железнодо-
рожных мостов. Мосты Шухову при-
ходилось проектировать и строить
и прежде. Но тут задача ставилась
по-иному: в условиях разрухи, жест-
кой нехватки металла и рабочих рук
требовалось поднимать, ставить на

*Радиомачта системы В.Г. Шухова
в Москве (Шуховская башня)*

*Башня радиостанции им. Коминтерна
на Шаболовке*

место и приводить в пригодное для возобновления движения состояние искореженные пролеты и фермы. Уже к апрелю 1919 года пошли поезда по Сызрано-Вяземской железной дороге. Тем самым, центр страны получил удобную и надежную связь с Уралом.

В следующем году Шухов стал заслуженным деятелем науки и техники, одним из первых в стране. Тогда же он был удостоен и премии имени В.И. Ленина. Так отметила страна его заслуги в создании крекинг-процесса. А Академия наук СССР, избравшая его своим членом-корреспондентом, присвоила ему звание почетного академика.

Приходится только изумляться, как, несмотря на свой возраст, трудился Шухов в последние десятилетия своей жизни. За восемь лет — с 1926 по 1934 год — он подал такое же количество заявок на авторские свидетельства, сколько их пришлось на 22 дооктябрьских года. По-прежнему безбрежно широк был творческий диапазон почетного академика: он руководил строительством крекинг-завода, занимался проектированием цехов для гигантов первых пятилеток — Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов, его гиперболоиды использовались как опоры для линий электропередачи и антенных систем мощных радиостанций, он проектировал газ-

*Шуховский металло-стеклянный дебаркадер
Киевского вокзала в Москве*

гольдеры и авиационные ангары, стандартные водонапорные башни, мосты и нефтепроводы, паровые котлы улучшенной системы и еще многое другое — всего не перечить.

Поразительная работоспособность, позволявшая Шухову в молодости и в зрелые годы нередко жертвовать ночными часами решению той или иной теоретической или практической задачи, не покидала его и в глубокой старости.

Сдержанностью, деловитостью, демонстративным неприятием празднования Шухов воспитывал своих молодых подчиненных. Однажды он преподал им и предметный урок патриотизма, отказавшись на их глазах от довольно крупной суммы денег, которую собирались заплатить ему представители так называемой «комиссии Синклера» за оказанную им помощь.

Комиссия эта явилась в Москву, чтобы на месте разобраться в том, какая доля в создании крекинг-процесса принадлежит русскому ученому, а когда убедилась в полном и безоговорочном первенстве Шухова, предложила в качестве гонорара за данные им консультации сорок тысяч долларов. Владимир Григорьевич, казалось, не без интереса наблюдал, как председатель комиссии Алберт Фром бережно и любовно выкладывал на стол аккуратные пачки купюр. А потом спокойно и решительно сказал по-русски (хотя английским владел свободно):

— Уберите эти деньги, господа! За мою работу мне платит Советская Россия. В том числе и за любые консультации. Я вполне обеспечен. А уж если в чем и нуждаюсь, то единственно — в извинениях, поскольку находятся в вашей стране люди, использующие мои изобретения, но не называющие имени их автора.

Сконфуженным гостям и впрямь не оставалось ничего иного, как извиниться. И было в чем: хотя бы в том, что без всякого упоминания о Шухове его гиперболоидные конструкции вот уже почти два десятилетия использовались в качестве боевых башен на кораблях американского военно-морского флота. Владимир Григорьевич не раз возмущался такой беспардонностью.

Советские годы были временем рождения еще одного Шухова — общественного и государственного деятеля. Два раза Владимира Григорьевича избирали в состав Моссовета. Был он избран и в состав его исполнительного комитета. А в 1927 году стал членом ВЦИК — Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов депутатов трудящихся, высшего законодательного, исполнительного и распорядительного органа Советский России. В течение трех лет Шухов возглавлял комиссию по нефтепроводам Госплана СССР.

Исполненный энтузиазма и вдохновения, перешагнул Владимир Григорьевич восьмидесятипятилетний

порог. А на 86-м году трагическая оплошность оборвала его жизнь: от случайной искры на нем вспыхнула одежда. Организм оказался не в силах преодолеть последствия тяжких ожогов. 2 февраля 1939 года Шухов скончался. Похоронен он на Новодевичьем кладбище в Москве.

Самое главное отличие Шухова в том, что он ярче многих других по-

казал, что в понятии «инженер» могут и должны заключаться понятия «мыслитель», «творец», а глубину и одухотворенность его делу может дать только горячая приверженность своему Отечеству и народу.

Именно потому всегда первым в списке создателей советской техники будет стоять имя великого сына России — Владимира Григорьевича Шухова. □

Ирина Опимах

СОФОНИСБА,

*Ван Дейк.
Портрет
Софонисбы
Ангиссолы*

ученица Микеланджело

В 1624 году молодой ученик великого Рубенса, но уже известный художник Антонис ван Дейк оказался в Генуе. Здесь его ждали неплохие заказы: слух о том, что он — мастер портрета, уже распространился далеко за границы его родной Фландрии. И вот однажды кто-то из его богатых клиентов обмолвился о некой даме, которую звали довольно странно — Софонисба Ангиссола. Как, сеньор ван Дейк с ней не знаком?! Он обязательно должен быть представлен этой почтенной сеньоре, одной из самых известных жительниц города, да к тому же — великолепной художнице! Увидев некоторые ее работы, украшавшие дома его друзей-генуэзцев, ван Дейк был потрясен высочайшим мастерством художницы и решил познакомиться с ней лично. Она была уже очень стара — не так давно ей исполнилось 92 года. И почти слепа. Но ум ее был по-прежнему остр, а язык — меток и точен. Оказалось, что ей есть что рассказать молодому живописцу — уж очень многое она повидала на своем долгом веку, к тому же была готова поделиться с ним секретами своего мастерства. А когда выяснилось, что сеньора Софонисба — ученица самого Микеланджело, ван Дейк чуть с ума не сошел от переполнявших его чувств. Он тут же попросил ее попозировать ему, и она, к удивлению ее близких, согласилась. Видно, ей пришлось по нраву этот молодой фламандец. Во время сеансов они говорили на самые разные темы, и, конечно же, она вспоминала свою жизнь, полную труда и истинного творчества, не омраченного жаждой высоких гонораров. К счастью, ей никогда не нужно было заботиться о том, как прокормить себя и своих близких...

Софонисба Ангиссола родилась в 1532 году в Кремоне. Ее родители, Амилькар Ангиссола и Бьянка Понцоне, принадлежали к высшему свету. У них было шесть дочерей и

один сын. Сеньор Амилькар был весьма образованным человеком, особенно интересовался историей, и потому своим детям он дал имена знаменитых героев Древнего мира.

К примеру, сына назвал Гасдрубалом, в честь известного карфагенского военачальника времен Второй пунической войны, а дочек — Минерва, Елена, Европа. Одна из старших девочек получила имя Софонисба — так звали дочь Гасдрубала, страстную и прекрасную героиню печальной античной легенды. Видно, потом фантазия сеньора Ангиссолы истоцилась, так как две младшие дочери получили вполне обычные имена — Лючия и Анна-Мария.

Когда Софонисба была еще совсем маленькой, сеньора Бьянка умерла. Дети остались сиротами, на

полном попечении отца. И он сделал все, чтобы они не страдали, а самое главное — дал им всем прекрасное образование. И дети Ангиссолы оправдали надежды отца — вскоре об их дарованиях узнали не только в Кремоне, но и за ее пределами.

Все они действительно были очень талантливы, но только имя Софонисбы осталось в истории искусства. Жизнь сложилась так, что сестры ее забросили живопись: Елена постриглась в монахини, Анна-Мария и Европа вышли замуж и посвятили себя семейным заботам. А вот Софонисба решила стать настоящим художником.

Слева:

*«Люция,
Минерва
и Европа
играют
в шахматы»*

*Автопортрет
в 27 лет*

Когда ей исполнилось 15 лет, отец отдал ее в обучение местному художнику Бернардино Кампи. Кампи тогда был всего на 10 лет старше девушки, но уже считался опытным мастером.

Его отец, ювелир Пьетро Кампи, хотел, чтобы сын продолжил семейное дело, однако юный Бернардино, увидев картины Тициана, сразу решил: живопись, вот то, чем он хочет заниматься. И Бернардино достиг

больших успехов, им было расписано огромное количество ломбардских церквей, славились и его портреты. Вот такой человек стал первым настоящим учителем Софонисбы.

Она проработала в его мастерской три года и всю себя отдавала постижению живописи, изучению композиции и свойств красок. На память об этом времени осталась весьма красноречивая картина:

*Портрет
семьи
художницы —
отец
Амилькар,
сестра
Минерва
и брат
Гасдрубал*

Справа:
*«Гасдрубал,
укушенный
раком»*

«Бернардино Кампи, пишущий портрет Софонисбы Ангиссола». Видно, что девушка вложила в нее много чувства. Это и понятно — тут главная она, сама Софонисба. Очаровательная, юная, вся светящаяся от своей любви к учителю. Что помешало им соединить свои судьбы? Кто знает? Скорее всего, разница в социальном положении, ведь Кампи был сыном простого ремесленника, ювелира, а Софонисба — дочь

аристократа, одного из самых знатных людей в Кремонне...

Правда, сеньор Ангиссола не был богат. Понимая, что талант дочери может помочь ей достичь материального благосостояния, он, по сути, стал ее агентом. Нужно было, чтобы об ее успехах в живописи узнали представители итальянской знати, и Ангиссола принялся рассылать ее картины всяким герцогам и графам, а то и просто богатым

людям. К примеру, он отправил ее полотна в Мантую герцогам Гонзаго, потом — герцогу Феррары, затем — любителям искусства из семейства Фарнезе. Понятное дело, заплатить высокородной девушке за ее работу деньги как какому-то ремесленнику было невозможно, это ее непременно бы обидело, а потому взамен за свои картины она получала дорогие подарки.

А между тем Софонисба не переставала учиться: бывая в домах своих друзей-заказчиков, она видела работы Рафаэля, Тициана, Джорджоне... О, то были лучшие уроки, которые только можно себе представить!

А потом она решила ехать в Рим — там жили и творили большие художники, там кипела настоящая жизнь. Шел 1554 год. Ей исполнилось 22 года, но она уже точно знала, чего хочет в жизни — заниматься искусством. Это было так нетипично в то время — ведь, как правило, у женщины, какими бы талантами она ни отличалась, был один удел: выйти замуж и рожать детей или же уйти в монастырь. Ни то, ни другое не прельщало Софонисбу — у нее будет совсем иное будущее! Совсем иной путь! Она была очень мужественной и самостоятельной девушкой,

эта дочь кремонского любителя истории.

Однажды, когда Софонисба копировала в соборе Святого Петра картину Микеланджело, мимо проходил сам сеньор Буонаротти. Он взглянул на эту работу и сразу отметил и острый глаз, и владение кистью. Завязалась беседа, а затем — дружба, продолжавшаяся почти два года. Он пригласил ее в свою мастерскую и научил очень многому. Все знали, что Микеланджело особой общительностью не отличался, людей, в общем-то, не любил, а уж женщин (за редким исключением) — тем более. Значит, было что-то в этой юной художнице такое, что привлекло к ней титана Возрождения. Обаяние, преданность делу, способность работать часами, цельность натуры. И, конечно же, талант. Сам Вазари, увидев написанные Софонисбой портрет ее отца с дочерью Минервой и сыном Гасдрубалом и картину, на которой были изображены три ее сестры, играющие в шахматы, а рядом — их старая служанка, был восхищен ее талантом: «Они написаны так живо и тщательно, что по истине кажутся живыми, и им не хватает только речи».

В 1558 году Софонисбу пригласили в Милан — ей предстояло написать портрет герцога Альбы. Ему настолько понравилась ее работа, что он не преминул порекомендовать художницу испанскому королю Филиппу II. Понятное дело, занять

место придворного художника она не могла — слишком уж голубая кровь текла в ее жилах, поэтому ей предложили стать фрейлиной будущей супруги короля (Филипп как раз собирался жениться в третий раз, и все при дворе были озадачены тем, что подбирали штат придворных новой королеве). При этом отцу Софонисбы предлагались неплохие деньги — возмещение убытков, ведь теперь его дочь будет жить вдали от родного дома. Для 27-летней Софонисбы началась новая жизнь — при мадридском дворе.

Елизавета Валуа, которой было суждено стать третьей супругой Филиппа и королевой Испании, прибыла в Мадрид в начале 1560-го года. Она была почти в два раза моложе Софонисбы, но это не помешало им подружиться. Софонисба с удовольствием учила юную королеву рисованию, а в свободное время писала ее портреты. Все они — и простые, неофициальные, и парадные — очень хороши, недаром сам Рубенс копировал один из них, оттачивая свои живописные навыки. У Софонисбы было чему поучиться.

В это время при дворе Филиппа работал замечательный живописец Алонсо Санчес Козэльо. У Софонисбы, видимо, сложились с ним очень теплые отношения, и неудивительно, что их стиль, манера письма оказались очень схожи. Впоследствии это вызвало множество про-

«Бернардино Кампи, пишущий портрет Софонисбы Ангиссолы»

блем для искусствоведов: было не просто определить авторство целого ряда полотен. И сегодня ученые точно не знают, чьей кисти принадлежат великолепные портреты «Филипп II с четками», «Дама в мехах» и многие другие — в те времена художники не всегда ставили свое имя на картинах.

Королева Елизавета правила Испанией недолго — 3 октября 1568 года она умерла при родах. Две де-

вочки остались без матери, и на Софонисбу было возложено их воспитание. Это говорит о том, сколь высоко было ее положение при испанском дворе, раз ей доверили заботу об инфантах!

А между тем интересы страны требовали новой королевы, и король решился на четвертый брак — на сей раз его избранницей оказалась Анна Австрийская. 12 сентября 1570 года в Сеговии она стала

королевой Испании. И героиней портретов Софонисбы, которую новая королева полюбила, как и предыдущая правительница страны.

Жизнь художницы при мадридском дворе текла спокойно и размеренно. Она занималась любимым делом, делилась своими доходами с отцом, писала портреты придворных и членов королевской семьи, пользовалась успехом у бравых кабальеро, но вот замуж не спешила. Видно, семейные заботы и обязанности ее нисколько не привлекали. А может, боялась, что муж запретит ей заниматься искусством. Но вот король, благоволивший к ху-

дожнице, решил, что эту милостивую даму следует непременно выдать замуж. Он принялся подыскивать достойные кандидатуры, и тут Софонисба сама выбрала себе мужа — им стал дон Франциско де Монкада, сын герцога Патерно, вице-короля Сицилии. Король был счастлив за свою любимицу и проявил необыкновенную щедрость — дал прекрасное приданое и даже назначил весьма немалое пожизненное содержание.

Похоже, супруги были вполне счастливы — много путешествовали, вместе бывали при дворах европейских монархов, и дон Фран-

Слева:

*«Маленькие
принцессы»*

*«Елизавета
Валуа»*

циско нисколько не мешал жене заниматься ее любимым делом — живописью. В 1578 году они осели в Палермо, а через год случилось несчастье — дон Франциско умер. По одной версии — от чумы, свирепствовавшей в то время на Сицилии, а по другой — утонул, пытаясь спастись от пиратов, осадивших его судно у берегов Капри.

Софонисбе было уже 48 лет. В то время для женщин это был уже весь-

ма преклонный возраст, и им оставалось лишь как-то доживать жизнь в тиши собственного дома. А если еще муж оставил вдове неплохое наследство (это как раз случай Софонисбы — дон Франциско был очень богат), то можно жить, не зная никаких забот. Но не такова была Софонисба!

Она решила вернуться на родину, в Кремону. Зафрахтовала корабль и отправилась в плавание. Там, на корабле, началась настоя-

щая lovestory — капитан Горацио Ломеллино, 32-летний красавец, страстно влюбился в свою пассажирку, в эту необычную вдовушку, которая не расставалась с красками и бумагой. И она ответила ему взаимностью! Море, синее небо, ослепительное солнце, страстные речи влюбленного моряка... В общем, в январе следующего года они уже пошли под венец. Свадьба состоялась в знаменитой пизанской Падающей башне. Казалось бы, у этой истории (по всем законам жанра) должен быть грустный конец: молодой капитан вскоре бросает жену, разбив ее сердце, обобрав до нитки и украв все драгоценности. Однако все оказалось совсем иначе: Софонисбе и ее второму супругу было суждено прожить счастливо и безбедно долгие годы, до ее последнего вздоха.

Объединив свои капиталы (у капитана Ломеллино было тоже вполне приличное состояние), они занялись коммерцией, и вскоре уже смогли купить большой дом в Генуе, где для Софонисбы обустроили большую, светлую и удобную мастерскую — без творчества, без работы она не могла жить.

Художница по-прежнему писала портреты, но особенно ее интересовали сюжеты на библейские темы. Она никогда не нуждалась в заработках, не было надобности работать ради денег и теперь, поэтому она работала в удовольствие, делая только то, что хотела. Часто

к ней приезжали молодые люди, начинающие художники, амбициозные, талантливые, и она всех принимала, давала советы, учила тому, что знала и умела сама.

А однажды в двери ее дома постучался особенный гость — это был Бернардино Кампи. Когда-то он давал уроки милой и очень способной девушке, учил ее держать в руках кисть и пользоваться красками, к тому же они были влюблены друг в друга... Теперь перед ним стояла спокойная, знающая себе цену сеньора, занимающая высокое положение в обществе и уважаемая всеми как замечательная художница. И ему захотелось написать ее портрет — он так и называется — «Портрет благородной дамы». Эта дама на картине действительно полна благородства, только вот в глазах затаенная грусть по утраченной молодости, воспоминание о первой любви.

На портрете ван Дейка мы тоже видим женщину, полную благородства. Старая, почти незрячая, но сколько в ней силы духа, сколько жизнелюбия и мудрости! Художнице оставался еще один год, а у молодого ван Дейка впереди была целая жизнь, но встреча с Софонисбой Ангиссолой, сеньорой Ломеллино, навсегда осталась в его памяти.

Муж Софонисбу обожал. Он принимал, с какой необыкновенной личностью свела его судьба. В ней все было необыкновенно — талант, творческая сила, воля. И Бог ей отмерил

*Авто-
портрет
у мольберта*

необыкновенно долгую, по тогдашним меркам, жизнь — 93 года. Она умерла в 1625 году, во время поездки в Палермо.

Через семь лет, когда жители Генуи отмечали сто лет со дня рождения художницы, Горацио Ломеллино установил на ее могиле памятник, на котором велел выбить следующую надпись:

«Софонисбе, моей супруге (...) причисляемой к знаменитейшим женщинам мира, выдающейся в созда-

нии портретов... Горацио Ломеллино, исполненный горя от потери своей великой любви в 1625 году, посвящает эту скромную дань столь великой женщине».

Когда-то Софонисба Ангиссола сказала: *«Жизнь полна неожиданностей, и я стараюсь встретить эти драгоценные моменты с широко открытыми глазами».* Ей это блестяще удалось, а потому после нее остались великолепные картины, на которых навсегда запечатлелось ее время. □

Василиса Бержанская

Василиса Бержанская — яркая и очень талантливая молодая певица, обладающая красивейшим голосом и врожденным актерским даром.

Финалистка телевизионного конкурса «Большая опера». Выпускница Российской академии музыки имени Гнесиных. Лауреат международных конкурсов. С 2015 года — артистка Молодежной оперной программы Большого театра России.

«ЗОЛОТОЙ» ГОЛОС ОПЕРЫ

— Василиса, вы оканчиваете в этом году Академию музыки имени Гнесиных, класс профессора Рузанны Павловны Лисициан... Рузанна и Карина Лисициан — прославленные певицы, на протяжении многих лет успешно выступали вместе, этот прекрасный вокальный дуэт приглашали на телевидение, на радио, они много гастролировали в СССР и за границей. Расскажите, пожалуйста, как вы начинали свой путь в искусство...

— Рузанна Павловна — мой вокальный педагог, профессор, представитель знаменитой музыкальной династии Лисициан. Она — дочь известного оперного певца, профессора Павла Герасимовича Лисициана. В Большом театре Лисициан был солистом с 1940 по 1966 год, много занимался преподавательской деятельностью. Еще у сестер Лисициан есть брат, Рубен Лисициан, тоже оперный певец, сейчас он занимается педагогической деятельностью. Недавно у их мамы, Дагмары Алек-

сандровны, был юбилей, ей исполнилось сто лет! Рузанна Лисициан входит в состав жюри ряда российских музыкальных конкурсов. Вместе с сестрой и братом Рубеном она создала благотворительный фонд имени Павла Лисициана, в рамках деятельности которого проходят многочисленные концерты, мастер-классы, творческие семинары. Я счастлива, что уже четыре года нахожусь в легендарной семье Лисициан. Это потрясающие люди, профессионалы высочайшего класса.

Заниматься музыкой, пением я начала еще в детстве. В музыкальной школе Ессентуков я училась как пианистка, потом, в четырнадцать лет, решила пойти дальше, стать оперной певицей. Это было мое самостоятельное решение. После окончания музыкального колледжа я приехала в Москву и поступила в академию имени Гнесиных, в класс профессора Рузанны Лисициан.

— Вы — участница Молодежной оперной программы Боль-

шого театра. Как вы все успеваете?!

— Первый год в МОП прошел очень насыщенно, появилось много новых проектов, концертов, интересных творческих знакомств. Вся жизнь моя сейчас проходит в стенах Большого театра. Руководит нашей программой профессор — Дмитрий Юрьевич Вдовин. Ежедневные занятия с вокальными педагогами, с приглашенными коучами, с мировыми звездами. Интенсивное изучение английского и итальянского языков, а также немецкой и французской фонетики. Знаменитая певица Натали Дессей давала нам мастер-класс, с нами занимался прославленный оперный певец Евгений Нестеренко, а также Ирина Петровна Богачева, Маквала Касрашвили и многие-многие другие замечательные певцы, дирижеры, пианисты.

— Вы выступали раньше как сопрано, а сейчас у вас новое амплуа — колоратурное меццо-сопрано. Какой репертуар вас ожидает в будущем?

— После нескольких месяцев работы в Молодежной программе Дмитрий Юрьевич решил, что мне надо попробовать несколько другой репертуар. С января этого года я стала выступать уже как меццо-сопрано. Другой репертуар, другие персонажи, все абсолютно новое, и мне это очень интересно.

Как сопрано я спела достаточно много, а сейчас будут партии «брючные», партии травести. Высокое меццо-сопрано — это, в основном, «мальчишеский» репертуар: Керубино — «Свадьба Фигаро», Октавиан — опера «Кавалер розы», паж Стефано — опера «Ромео и Джульетта», молодой патриций Секст —

опера «Милосердие Тита»... Высокое меццо-сопрано по характеру звучания приближается к драматическому сопрано. Это глубокий голос, и очень светлый по тембру. Яркий головной регистр и плотное сочное звучание в нижнем регистре.

— Будет ли репертуар варьироваться с женскими партиями?

— Репертуар меццо-сопрано включает в себя не только арии, предназначенные для артисток-трагедий. Восемьдесят процентов — это мужские роли, но есть и женские об-

разы. Много женских партий для высокого меццо у Россини, которым я также планирую серьезно заняться.

— Вы бывали в Италии, на родине великих искусств — оперы и балета?

— Была в Италии несколько раз, и в этом году, в марте месяце я прошла отбор на фестиваль Россини, и буду участвовать в молодежной постановке оперы Джоаккино Россини «Путешествие в Реймс». Очень волнительно! Это грандиозный фестиваль, один из самых элитарных

фестивалей Италии, он проводится на родине Маэстро с 1980 года, и я буду петь в новом для меня репертуаре. Сейчас усиленно к нему готовлюсь. Со всего мира в Пезаро приезжают поклонники творчества Джоаккино Россини. Фестивальная программа постоянно пополняется редко исполняемыми постановками этого прекрасного композитора. На этом фестивале блистали великолепные певцы: Монтсеррат Кабалье, Джойс Ди Донато, Лучано Паваротти, Чечилия Бартоли, к Хуану Диего Флоресу мировая известность пришла после выступления на фестивале в Пезаро, кстати, с ним запланированы мастер-классы. Мне очень интересно спеть в опере Россини, это новый стиль для меня, абсолютно другая вокальная техника.

— Существуют ли в жизни певицы какие-либо особые ограничения?

— Я не курю, хотя есть певцы, которые курят, если мне хочется мороженого, съем не более одного стаканчика, если завтра у меня концерт, а сегодня приглашена на банкет, никогда не пью алкогольные напитки, даже в день своего рождения могу позволить себе только один бокал вина. Правда, все это очень индивидуально. Перед спектаклем, чтобы голос хорошо звучал, мне надо как следует выспаться, по крайней мере, часов десять. Сон очень важен для певца, только во сне голос по-настоящему отдыхает. Надо следить за этим обязательно.

— Василиса, вы очень выразительны, экспрессивны на сцене. У вас помимо оперного таланта есть еще и настоящий актерский...

— В моей жизни не было педагога по актерскому мастерству, который бы меня вел. В концертном исполне-

нии я подаю образ так, как его чувствую, как мне хочется его преподнести, а в оперном спектакле есть режиссер, который требует от тебя четкого выполнения задачи.

— Исполняемый вами репертуар очень обширен. Что хотелось бы еще исполнить на сцене?

— Хотелось бы спеть оперу «Кавалер розы» Рихарда Штрауса! Так-

же его прекрасную оперу «Ариадна на Наксосе»!

— Какие качества вы цените в людях?

— Мне нравятся целеустремленные люди. Благородные. Те, которые идут по жизни вперед, но идут к своей цели с честью и достоинством. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Адо́льф

Дорога вырвалась из леса и запетляла среди низеньких холмов, поросших ржавыми кустами. Солнце слепило глаза, и от его далекого жара, казалось, в самом деле стали нагреваться стенки кареты, от них пошел еле заметный парок — этого просто не могло быть, но почему-то хотелось в это верить, и Михаил Петрович Ларин, отставной полковник, отслуживший, наконец, свою долгую и нудную, честно сказать, не очень любимую службу, с радостью возвращавшийся в свои пенаты, готов был поверить во все, что угодно. До того ему было хорошо, до того отдыхал душой, что и мрачный лес, через который тащились долго, разглядывал с любовью. А уж когда карета вылетела на дорогу к дому, душа просто запела.

Возок с вещами и денщиком, который он шутя называл, сам не зная почему, «аптекарским», отстал где-то далеко-далеко. В карете он был один, если не считать, конечно, ямщика на козлах и пары сумок с самыми необходимыми вещами и книгами.

«Михал Петрович Ларин, ах, Михал Петрович Ларин!» — с усмешкой прошептал он. Любил он себя так именовать — не Михаилом, а Михалом.

А все-таки, в очередной раз подумалось ему, жизнь удалась. Да, служба, сорок лет с лишком, нудная, пустая, но и в ней были, как говорится, приятные моменты. Побывал в разных странах, не только в центральной России, но и в Малороссии, Польше, разных сибирских городах. И в боях бывал. В Берлин входил. Хоть и не шибко быстро продвигался по службе, но успел покомандовать изрядно. Полк свой любимый поводил-таки по Европе. Правда, в основном, по славянским землям, но повидал не только Польшу, но и Чехию почти онемеченную. Чудом только на Балканы не заскочил, хотя с турками было бы неплохо перекинуться парой ударов.

Вспомнил он европейскую природу, чешские горы и леса, польские поля, венгерские озера. Хорошо там было. Места красивые, люди интересные. Вспомнил о тех женщинах, с которыми на чужбине иногда забывал свои горести.

Да, все же хорошо было. Но теперь, злорадно подумал он, будет еще лучше. Приеду в имение, займусь хозяйством, буду много-много читать. И много-много гулять. Леса в его имении нисколько не уступали богемским.

Картинки пошли одна за другой, и он забылся, с удовольствием жмурясь от дум своих, от солнечных лучей, от слепящего глаза пронзительного снега.

— Ваше высокоблагородие, Михал Петрович, у нас, кажется... того... — отвлек его от мыслей голос ямщика.

— Что случилось, Силантий? — Ларин высунулся в окно и огляделся.

Карета мчалась по краю длинного оврага. Склоны его были пологими, крутизны не чувствовалось. Кусты на снегу казались мазками на картине. Красиво, однако!

— Да что случилось, Силантий?! — еще раз повторил он. Кучер повернулся и указал кнутом вниз. Ларин присмотрелся. Волки!

Длинной цепью шли они какой-то невидимой отсюда тропой, шедшей по середине склона. Впереди, как положено у них, несколько каких-то худых и помятых, за ними, озираясь по сторонам, бойцы, и далеко позади — вожак. Они шли не за добычей, а, видимо, перебирались в другой лес, темной полосой видневшийся впереди. То ли увидели карету, то ли нет, но шествие свое нисколько не изменили. Так же не торопясь, шли и шли своей волчьей рысцой.

Сначала Михаил Петрович не придавал этому особого значения. Либо не заметили, подумал он, либо не до нас им. Однако он знал, что скоро овраг закончится, и волки в любом случае выйдут наверх и поймут, что карета одна, без охраны. Мимоходом, как говорится, могут и поживиться.

Силантий, видимо, думал о том же. Он привстал, пытаясь разглядеть дорогу впереди, затем обернулся назад. Обернулся и Ларин. «Аптекарской» повозки сзади не было видно. А ведь ружья там! Там и заряды. У Силантия, может, нож есть, должен же быть где-то и топор. У Ларина два пистолета по одному заряду и сабля. Еще кортик морской имеется, наточенный, один знакомый морячок-капитан недавно подарил.

В стае много волчиц, есть и волчата. Реально опасны четыре или пять матерых волков. Понятно, что и доходяги кинутся — отбиться будет сложно! Пусть и кинутся, прежде всего, на лошадей, но и про людей не забудут. Да, подумал Ларин, а ведь жизнь, черт возьми, только начинается!

Силантий стегнул лошадей, и те резко прибавили ходу. Видели они волков или нет, сложно сказать, но учуяли их явно раньше людей. Теперь многое зависело от них.

А волки продолжали, также не торопясь, идти вдоль склона. Авось пронесет, подумалось Ларину. Силантий, словно догадавшись о его мыслях, крякнул, мотнул несогласно головой:

— Они раньше нас там будут. Там, впереди, развилка, вот на ней и будут нас ждать. Успеют и отдохнуть, и подготовиться.

— Похоже, ты прав, — сказал Ларин.

Он скинул с плеч шубу и, отстегнув саблю, попробовал вынуть ее из ножен. Достал из сумки пистолеты и заряды, положил все это перед собой. Снова высунулся в окно и стал рассматривать волков. Было что-то злое в их молчаливом беге. Нет, слово «бег» здесь не совсем подходит. Конечно, с точки зрения человека, они, может быть, и бежали, но Ларин видел разных животных, в том числе и волков, которые бежали. Тогда это было стремительно, а сейчас походило на бег трусцой, даже на быстрый шаг, но шаг спокойный, не заполошный, не нервный. Казалось, волки просто прогуливаются, не спеша, с достоинством, с интересом поглядывая по сторонам. Не в их сторону, а именно по сторонам.

Он обратил внимание на одного волка. Тот был из бойцовой группы. Бежал так же неторопливо, но чаще остальных смотрел в сторону кареты. Хотя расстояние между людьми и волками было небольшое и даже постепенно сокращалось, волки не собирались нападать. И это понятно, ведь склон был достаточно крут, к тому же, чем черт не шутит, они, видимо, знали, что впереди есть более удобное место.

Их злое и величественное бег продолжался, и Ларин буквально залюбился им. Это действительно было редчайшее зрелище. Силантий подобной сентиментальностью явно не отличался. Он положил рядом с собой топор, правил обеими руками и нервно, зло поглядывал на стаю.

Волк, который заинтересовал Ларина, теперь почти все время смотрел в их сторону, Ларин четко видел его морду, даже движение глаз. Тропа внизу периодически подходила к самому обрыву, и они с волком то и дело встречались взглядами. По этим взглядам Михаил Петрович почему-то четко понял — волки готовы к нападению и нисколько не сомневаются в своей победе.

Откуда в них эта уверенность? Пусть эти места им знакомы, и они знают о развилке впереди, но почему они так уверены, что людей только двое?! Конечно, под искристым солнцем царила абсолютная, какая-то воистину благоговейная тишина. Если бы опасность была, она давно дала бы о себе знать — голосами, стуками, ржанием лошадей, еще чем-нибудь. Звуков же никаких не было, да и волки выть не собирались, чтобы не привлекать внимание к себе.

Умом Ларин понимал безнадежность ситуации. Назад не повернешь из-за узости дороги, да и пока будешь лошадей разворачивать и, бог даст, карета не перевернется, волки тут же нападут. Ни лошади, ни люди не успеют подготовиться к обороне. Господи, неужели волки это понимают?!

Оставалось только мчаться вперед. Силантий, видимо, решил поберечь силы лошадей для битвы, и стал их потихоньку сдерживать, все равно волки уже заметно ушли вперед. Он свирепо глядел им вслед и тихо, сквозь зубы, матерился.

А Ларин пытался понять причину своего глупого, как ему подумалось, бесстрашия. Да, боя не избежать. Да, шансов уцелеть мало. Волки — умелые бойцы. Первыми они убьют лошадей. Их много, в целом, без волчат, все равно больше десятка. Видимо, сначала нападут слабые, и кого-то из них удастся убить из пистолета или топором. Таких слабых, кажется, четверо. Нормально, по двое кинутся с боков, подрежут у коней жилы. Карета, естественно, встанет мертво. Патронов не будет, и тогда придется сражаться руками. Да, лошади обречены. Силантий сверху тоже не спустится — это равносильно самоубийству. Ларину рядом с ним делать нечего, не поместится, а крыша кареты, он потрогал ее рукой, слабовата — не встанешь на нее. Придется сидеть внутри. Не развернешься, но и волкам стены, как говорится, не прогрызть.

— Силантий, как только... сразу спускайся ко мне! — высунувшись в окно, крикнул он.

— Конечно, барин, ... если смогу... — усмехнулся Силантий, он все понимал.

Битва, видимо, неизбежна, но, может быть, волки удовлетворятся лошадьми и уйдут? А тем временем... «аптекарский» возок подоспеет.

И тут Ларина словно холодной водой окатило. Ведь тогда и денщик его попадет в засаду! Возок-то не карета, по сути, тряпками обтянут. Нет, долго Петька не продержится!

— Черт, что же делать?!

Ларин привстал и попытался рассмотреть то, что там впереди. Поля, перелески... и ни души, ни дымка! Он попытался вспомнить дорогу до имения. Конечно, давно уже он был в последний раз в этих местах, многое забыл, но, кажется, километр или два. А что, если выстрелить? Но пистолетный хлопок даже Силантий может не расслышать, лошадиный гон и скрип кареты все заглушат.

Ружье бы!

И тут он вспомнил, что в сумке есть старинный, еще начала века, пистоль. Он нашел его еще во время прусской кампании, и все эти годы зачем-то возил с собой. Мечтал дома организовать небольшой музей, поместить там кое-какие трофеи. От родителей что-то, наверное, осталось, крестьяне что-нибудь принесут.

Господи, о чем это он?!

Ларин судорожно схватил сумку и начал в ней рыться. Чертыхаясь и матерясь, он перерыл ее всю и, наконец, нащупал этот спасительный пистоль в деревянном ящичке. Успокоился, еще раз все просмотрел и нашел все, что нужно — табакерку с порохом, шомпол, даже пыжи. Только пуль не было. Может, где-то и есть, да есть же, есть, он смутно помнил, но где их сейчас искать?! Жалко, а то было бы дополнительное оружие.

Он сел на скамью, постарался максимально расслабиться, потом принялся за работу. Зарядил оба пистоля и высунулся в окно:

— Силантий, в какой стороне деревня?

Силантий сначала удивился, но быстро все понял:

— Вон там! Недалеко уже...но вряд ли услышат... хотя...ветер туда... хрен его знает!

Ларин вытянул руку в сторону деревни, мысленно перекрестился и нажал на курок. Пистоль дернулся, и чуть было не выпал из руки. Раздался такой оглушительный грохот, что даже в ушах зазвенело. Хорошо еще, что не разорвало, подумал Михаил Петрович.

Осмотрел оружие, вроде ничего страшного не произошло, можно еще раз попробовать — вот тебе и старенький! Быстро перезарядил его и выстрелил. Пистоль снова не подвел.

Ларин успел заметить, что волки дружно посмотрели в сторону кареты, значит, звук до них долетел. Он поискал глазами «своего» волка, нашел — тот тоже смотрел в их сторону, как-то особенно внимательно.

Пороха было достаточно, и Ларин снова зарядил оружие — может и в бою пригодиться. Устало откинулся на спинку сиденья. Оставалось только ждать. Совсем немного ждать, вон уже и развилка раскинулась, и волки садятся у дороги.

Внезапно ему пришла в голову мысль, что еще можно сделать. Схватив кортик, он крикнул в окно:

— Силантий, давай лошадей назад! — и махнул рукой.

Силантий резко дернул вожжи. Ларин выскочил из кареты и несколько раз полоснул кортиком по построкам. Возница схватил лошадей под уздцы и начал разворачивать. Те, будто догадавшись, сами вскинулись назад и помчались по дороге.

Мужчины заскочили в карету и заперли двери. В это время половина волчьей стаи уже мчалась к ним.

Ларин выстрелил из обоих пистолетов и, похоже, удачно: два волка закувыркались и остались лежать на снегу.

— Добре, барин! — воскликнул Силантий. — Очень здорово стреляете!

— А то! — усмехнулся Ларин. — Призы брал! И... повоевать пришлось, не забывай! Эх, еще бы зарядов!

Пистоль он не хотел пока пускать в дело, неизвестно, как дальше пойдет.

Подлетевшая стая окружила карету, несколько волков помчались за лошадьми.

Как и предполагал Ларин, на дверцы первыми кинулись явно не самые сильные. Остальные держались немного в стороне, и Ларин решил, что, видимо, ожидали еще выстрелов. Еще раз, уже который в жизни, он поразился молниеносной реакции животных и слаженности действий этой, подумалось ему, «похоронной команды».

Несколько позади остальных сидел крупный волк. Ларин узнал в нем «своего» и смог рассмотреть его получше.

Волк был явно крупнее остальных, сильнее и умнее. Хотя он и не находился в боевой стойке, и шерсть его не была поднята, как обычно у волков перед нападением, чувствовалось, что он на взводе, хотя по морде его это невозможно было предположить. Никакой мимики, лицо застыло как маска, и глаза не мечутся, как у остальных волков, а медленно передвигаются, осматривая все спокойно и обстоятельно. Так он осмотрел карету, снизу доверху, вывернутые оглобли, перевел взгляд на дорогу, куда убежали лошади, и долго смотрел в ту сторону. Потом, резко подняв уши, осмотрел поля, скосил глаза на овраг и опять стал смотреть на карету. Заметив, что Ларин разглядывает его, спокойно, без надрыва или страха, взглянул ему прямо в глаза. Молниеносно ударились друг о друга, как клинки, два мужских взгляда. Это были взгляды двух единственных в этой сутолоке спокойных существ. Два бойца, два опытных, прирожденных, много повидавших воина. Оба были спокойны и медлительны в движениях, такими бывают только опытные солдаты, и лишь во время самого накала боя.

Они долго смотрели друг на друга и отвели глаза только после того, как остальные волки вдруг перестали прыгать на карету и рвать ее когтями, а усталились на дорогу позади. Оттуда донеслись три выстрела с небольшим, немыслимо небольшим, как успел подумать Ларин, интервалом.

— Петька — дурак! — с досадой крикнул он Силантию. — Порвут они его! Уходить надо назад. Что он творит?!

Силантий ничего не ответил, только матерно выругался.

В этот момент Ларин каким-то сто первым чувством уловил опасность. «Его» волк прямо со своего места, не вставая, совершил гигантский прыжок к окну. Он воспользовался тем, что Ларин отвлекся, и все, подлец, угадал, все просчитал.

Его крупное тугое тело пушечным ядром пролетело до кареты, и Ларин совершенно произвольно вскинул руку с саблей. Взмахнуть ею из-за тесноты кабины было невозможно, и развернуть клинок не удалось, он ударил тупым концом рукоятки. Удачно, волчья голова мгновенно облилась кровью. Все же удар показался Ларину слабым, и он выставил в окно клинок, опасаясь, что моментом воспользуется кто-то еще из волков.

— Едут, барин, едут, мать их! — как-то по-бабьи взвизгнув, заорал Силантий.

— Кто едет? Ты что?

— Мужики на лошадях! Из имения. Фу, слава те, Господи, кажется, спасены!

Ларин выглянул в окно. Из-за поворота показалась группа всадников — мужики на лошадях, кто с чем, дубьем каким-то, косами, орут, руками машут.

Увидели их и волки и тут же пустились наутек. Силантий соскочил с кареты и начал плясать, хлопая себя руками по бокам. Мимо него стрелой

промчались два волка, убежавшие за лошадьми, но он даже не обратил на них внимания.

Подлетели мужики. На снегу валялся волк, сбитый Лариным, и никак не мог прийти в себя. На него навалились несколько человек и быстро скрутили какими-то веревками. Сзади подъехал Петька, возбужденный, горластый, с гордостью выволок из возка застреленного им волка.

Все бегали, суеились, что-то бессвязно кричали, хлопали по плечам Ларина и Силантия. Силантий пыжился, то ли от гордости, то ли от радости, и хвалил барина за смекалку и меткость стрельбы.

Волк, наконец, очухался и недоуменно посмотрел на людей. Ларин подошел к нему, присел на корточки. Хотел вытереть кровь с его головы, но, встретившись с ним глазами, не решился.

Глаза волка ничего не выражали, и на морде его не отражалось никаких эмоций. На Ларина он смотрел внимательно, но равнодушно, словно на пустое место. Было понятно, что ни на какую пощаду он не рассчитывает.

Подошел какой-то мужик, бросил волка на попону. Повернулся к Ларину:

— А что, барин, добрая шкура получится. Постелите где-нибудь на полу и будете вспоминать потом.

— Какая шкура? — не понял Ларин. — Ты с ума сошел! Не смейте его трогать! Я его... я отвезу его в столицу, сдам в зверинец.

— Какой зверинец, барин?! — усмехнулся мужик. — Он там недели не проживет, сдохнет от тоски. Видишь, какой он! Не простой волк, видать, вожак стаи.

— Нет, вожака я убил, тот почему-то нападал вместе с другими волками, а этот ... просто боец. Я видел его еще тогда, когда они шли мимо нас.

— Как это, мимо?

— Мы по верху оврага, а они по склону.

— Волки в овраге? По склону? Чудно как-то! Ну, ладно, отвезу его в имение, а ты, барин, потом решишь. Тебе видней.

Мужики поймали и привели убежавших лошадей, перепрягли их, и все двинулись в сторону имения. Несколько молодых парней с гиканьем унеслись вперед предупредить о приезде.

Встречать маленький отряд высыпала чуть ли не вся деревня. Толпились, галдели, разглядывали убитых волков, строили гримасы плененному волку. Тот никак не реагировал, только порой прокатывались по телу какие-то судороги, видимо, веревки сильно давили.

Ларин распорядился выдать мужикам ведро водки, а бабам и детям сделать какую-нибудь сдобу. Все радовались, поздравляли Ларина со спасением и таким триумфальным возвращением домой. Тот, помня приему, что оружие, с помощью которого убит волк, считается испорченным, велел отнести пистолеты на чердак и замкнуть в ларь, а сам стал чокаться с мужиками.

Мужики и бабы покрутились еще во дворе и постепенно разбрелись кто куда. Ларин оставил только своих освободителей, коих набралось с добрый десяток. Прошли в залу, зажгли все свечи. На кухне поднялся гам и чад, и вскоре на столе появились тарелки, стаканы разных размеров и всевозможные кушанья. Мужики посмеивались и даже позволяли себе шутить по поводу того, что барин все же... того... немного испугался, вот и празднует свое второе рождение. Ларин не обижался и смеялся вместе с ними, в который раз пересказывая, каждый раз с новыми деталями, свои приключения. Силантий изредка хмыкал, смотрел плутовато на барина, но не поправлял его. Петька, гордый своей глупой храбростью, трещал без остановки, но вскоре изрядно нализался, и язык его стал заплетаться. Мужики нашли новый повод для своих шуток.

Засиделись допоздна. Трижды меняли свечи, в окно уже несколько раз с любопытством заглядывала круглолицая луна. Наконец потихоньку начали расходиться по домам. Петьку под руки отвели двое мужиков, за ними следом ушел и Силантий. Слуги убирались во дворе, а Ларин сидел в качалке возле камина и курил трубку за трубкой. Курил медленно, табак сгорал почти полностью за две-три затяжки. Он молча сидел в темноте и уже не подбрасывал дрова в огонь, тот медленно остывал, покрывался серой хрустящей коркой.

Михаил Петрович подошел к окну. Блестел под луной снег, метались по нему отблески факелов, укрепленных возле крыльца. Бесформенная туша сарая, куда заперли волка, жутковато смотрелась на этом фоне.

Будто решившись на что-то, он вынул из шкафа пару пистолетов, проверил их, заткнул за пояс и, накинув полушубок, вышел из дому. Снег скрипел под ногами угрожающе громко, собаки с любопытством проводили его взглядом и, словно поняв его намерение, сделали боевую стойку. Ларин махнул им рукой, потрепал по загривку и завел в небольшой сарай, после чего тщательно запер его.

Медленными, нерешительными шагами Михаил Петрович приблизился к сараю с волком. Постоял перед ним немного, прислушался. Было тихо, только собаки шебуршились и тихонько повизгивали. Он снял засов и распахнул дверь, вытянув вперед факел. Не сразу привык к темноте и не сразу увидел волка. Тот лежал, скрученный веревками, на сене и равнодушно смотрел на него. Ларин усмехнулся и, поправив пистолеты и нож, присел на корточки:

— Ах ты, монгольская морда! Лежишь? Как ни в чем не бывало? Что, правда, не боишься? Ой, не верю!

Волк, не моргая, продолжал смотреть на него. Видно было, что веревки ему сильно мешают, изредка легкие судороги пробегали по телу.

Ларин сел возле двери, воткнув в гнездо факел, и достал трубку. Насыпал табаку и не спеша затянулся.

— Что, брат, не получилось у вас? Не взяли нас?! Ты думал, это будет просто?! Нет, я... не так прост. Я и не с такими воевал. А ты молодец, здорово удумал прыгнуть в карету! Не ожидал я. Честно скажу, только случайно от-

бился. Видать, ангел господень спас! Только вот руку ты мне чуток вспорол, ну, да тебе больше досталось. И за это я прощения у тебя просить не буду. Бились мы — этим все сказано! Да, а боец ты неплохой, посильнее своих сородичей.

Ларин замолчал. Волк тоже лежал тихо, все так же поблескивая своими неподвижными глазами. Особой гордости и радости победителя Михаил Петрович не испытывал. Смутно, нехорошо было у него на душе. Какого черта понесло его в сарай? К волку он испытывал невольное уважение. Оно появилось как-то сразу, лишь только разглядел его там, на склоне. Он вмиг узнал в нем воина, такого же, собственно, как и он сам. И этот воин ему нравился. Своим спокойствием, умом, силой. Правда, неизвестно, как бы волк повел себя, доведись ему добраться до его горла. Ларин невольно поежился, вспомнив, что волки не убивают жертву сразу, а рвут ее на куски живьем. Однако битва есть битва, и во враге ценишь профессионала. Ларин усмехнулся и мысленно признался себе, что этому волку он бы доверился больше, чем иным людям.

— Да, брат, видишь, как бывает, — задумчиво произнес он. — Все же война — поганая штука. Я ведь тоже побывал в плену. Понимаю, каково тебе сейчас. И что делать с тобой — не знаю. Давеча мужикам сказал, что отвезу тебя в столицу, в зверинец. А кому ты там нужен, в этом зверинце?! Если же не увезу, мужики тебя убьют. Боятся они тебя. И правильно делают! Тебя надо бояться! Ты тот еще зверь! И я тебя боюсь. Видишь, кинжал взял и два пистолета. Да, брат... такие вот дела...

Зверь молчал. И человек молчал. Потрескивал факел, обещая скоро погаснуть.

Ларин порывисто встал, подошел к волку, осмотрел веревки и понял, что завязаны они наспех, стоит только один узел развязать, и они ослабнут.

— Ишь, ты! — воскликнул он. — А! Суди меня бог! Не могу я тебя, братец, ни убить, ни в силках держать. Будь, что будет!

Он дернул за узел и быстро отошел в сторону. Взял в правую руку один из пистолетов, а в левую кинжал.

Волк продолжал лежать, но явно все понял и напрягся, а потом стал потихоньку извиваться. Через некоторое время веревки ослабли и почти полностью спали. Волк подтянул переднюю правую лапу и оперся на нее, затем подтянул левую и с огромным трудом встал. Видно было, что все тело его затекло, и он им не владел.

Ларин насторожился, однако волк даже не повернул головы в его сторону. Он стоял, слегка пошатываясь, наконец, собрался с силами и, резко тряхнув всем телом, окончательно сбросил с себя веревки. Сделал несколько шагов и только тут повернул голову к Ларину.

Некоторое время оба смотрели друг на друга. Ларин не выдержал первым.

— Иди с Богом, брат! Иди! Только смотри, больше не попадайся! Собака запер, но они все равно тебя чувствуют, слышишь, ворчат. Им только в голову не придет, что ты... того... уже не связан. Иди с Богом!

Волк молча выслушал эту тираду и медленно пошел к двери. На пороге еще раз остановился, снова некоторое время смотрел на Ларина ничего не выражающим взглядом и, потихоньку переходя на бег, заковылял в сторону забора. Юркнул в щель и исчез.

Михаил Петрович стоял в дверях и смотрел ему вслед. Хотя луна светила ярко, ничего не было видно. Он взял почти потухший факел, запер дверь и заложил засов. Потихоньку стали сыпаться снежинки, и он подумал, что скоро пойдет добрый снег. Выпустил собаку, поджег запасной факел, вставил его в паз и вошел в дом. Пройдя в свою комнату, упал, не раздеваясь, на кровать и почти сразу заснул.

Утром его разбудили громкие крики на дворе. Михаил Петрович с трудом поднял голову. Сапоги стояли в коридоре, в полуоткрытую дверь он видел, что они вычищены. Значит, кто-то заходил в комнату. С трудом ему вспомнилось, что, прежде чем бухнуться на постель, сапоги он все же снял, но бросил тут же, возле кровати.

Он выглянул в окно. Мужики толпились на дворе, жестикулировали, гудели голосами и изредка бросали выжидательные взгляды на его окна.

Ларин прошел на кухню, быстро сполоснул лицо под рукомойником. Накинул на себя полушубок, похлопал по карманам в поисках трубки, не нашел и, чертыхнувшись, вышел во двор.

— Барин, ушел он! Нет его! — тут же подбежал к нему Петька.

— Кто ушел? — не понял Ларин.

— Да волк. Волк ушел! Из запертого амбара. Вон смотри. Двери на запоре. На снегу ни следочка, а его ... нет.

Ларин собрался, было, рассказать мужикам обо всем, но вдруг взгляд его поймал угрюмую фигуру Силантия. Он держал в руках обломок факела, который Ларин ночью носил в амбар, и молча смотрел перед собой в никуда, погрузившись в какие-то свои мысли.

А Петька все не унимался:

— Это оборотень! Точно! Я еще вчера это понял. Он же как истукан лежал. Не огрызался, просто смотрел. И взгляд у него такой... такой...

— Да, брось ты, Петька, — буркнул Силантий, — обычный волк. Только крупный очень... и умный. Все понимал. И что он мог сделать?!

— Да нет, не обычный! Не обычный! Говорю, это оборотень. Надо было сразу его убить. Только ведь ни ножом его не возьмешь, ни пулей простой.

Мужики еще сильнее зашумели. Многие согласились с Петькой и на все лады стали обсуждать, оборотень это, в самом деле, или обычный волк.

Ларин еще раз покосился на Силантия и снова промолчал. Тот бросил на снег обломок факела, подошел и стал, как ни в чем не бывало, спрашивать, что ему делать сегодня. Ларин хмуро, пряча глаза, поговорил с ним и напра-

вился к амбару. Открыл дверь. Снег каким-то образом проник даже внутрь и припорошил сено, веревки.

Зашли Силантий, Петька и другие мужики. Стали ворошить сено, вертеть в руках веревки. Силантий спокойно и внимательно осмотрел каждую вещь, задержал взгляд на углу, в котором ночью стоял Ларин.

— Пошли, мужики, опохмелиться надо. Я угощаю, — поспешно вскинулся Михаил Петрович.

Все радостно загалдели. Ларин послал мальчонку на кухню распорядиться. Не успели подойти к крыльцу, а там уже на небольшом столике стоял жбан с водкой, несколько мисок соленых огурцов, еще какие-то закуски. Он усмехнулся — нянька, видно, еще с вечера все приготовила.

Выпили, еще больше зашумели. Ларин решительно прервал общий гвалт:

— Нет, ребята, никакой он не оборотень. Просто, Силантий правильно сказал, умен он очень. Вы вчера на радостях и по пьяни, видимо, связали его наспех и дверь в сарай не закрыли толком, вот он и убежал. Если уж и называть его как, так я бы назвал Адольфом. Чего смеетесь? У германца это имя означает главного волка, ведущего. Для меня вот он и есть самый главный волк в моей жизни, самый важный зверь. И я не жалею, что он ушел. Такие в лесу нужны, и не дело над такими измываться.

Мужики заспорили с ним: что, мол, мы не умеем волков вязать? Кто-то вспомнил, что сам лично запирает дверь и даже засов задвинул.

Ларин с Силантием присели на завалинку, закурили. Говорить не хотелось, только один раз Михаил Петрович не удержался: мол, все же добрый воин был этот волк. Однако Силантий ничего не ответил, молча рассматривал кончик сигарки, и Ларин, обиженно засопев, набил новую трубку.

О волке еще несколько дней поговорили, а потом стали вспоминать все реже и реже. Лишь обратили внимание, что волки, свирепствовавшие в лесах соседей, особенно после прошлогодней эпидемии, когда они вволю наелись человечины, и она им понравилась, их поместье почему-то обходили стороной. Или так только казалось? Тоже одно время посудачили об этом и снова пришли к выводу, что без оборотня здесь не обошлось. Стали говорить, что видели стаю, у которой вожаком крупный самец со шрамом на лбу. Разглядели даже его подругу, тоже крупную волчицу. Они иной раз вдвоем появлялись в разных местах.

Один раз увидел их и Ларин. Он проезжал вдоль опушки леса и разглядел их. Те стояли рядом и молча провожали его карету взглядом. Ларин не утерпел, остановился и вышел из кареты. Какое-то время они смотрели друг на друга и, хотя расстояние было изрядным, ему показалось, что он разглядел и монгольскую морду, и шрам. Михаил Петрович махнул рукой, а волки повернулись и не спеша ушли в лес.

Ларин всю дорогу смотрел на округу, высунувшись из окна. Силантий наверху молчал, только иногда как-то странно шевелились его усы, будто губы что-то шептали... □

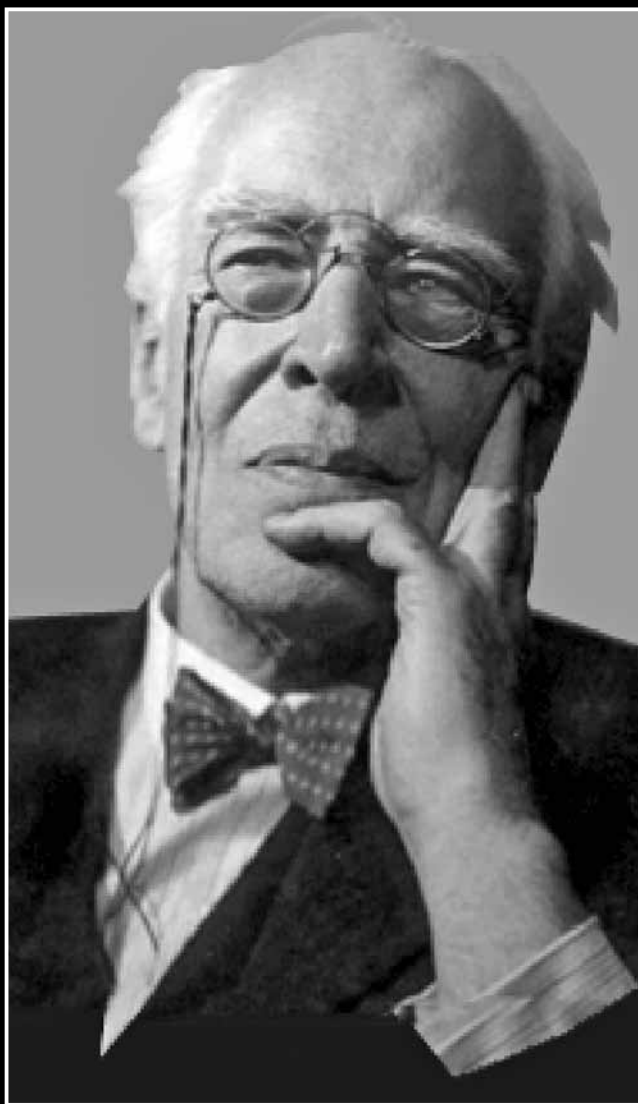
Евгения Гордиенко

ТЕАТР

В любой истории есть моменты, без которых не обойтись. Когда рассказывают о Станиславском, не обходится без упоминания многочасовой встречи в «Славянском базаре», когда пишут о МХАТе, всегда «взлетает» чайка — и с фасада здания, и с главного занавеса.

Эти детали настолько прочно вошли в наше сознание, что без них история уже кажется неполной, а каждый, кто помнит об этих фактах, считает себя знатоком театра в целом, и МХАТа в частности.

Между тем история этих отношений — между Станиславским и Немировичем-Данченко, между ними обоими и МХАТом, между театром, его основателями и труппой, между всеми ними и государством — гораздо глубже и интересней, гораздо неожиданней и небанальней, чем можно себе представить из наших общих знаний.

ОДНОГО РЕЖИССЕРА

Начать стоит, пожалуй, не с актера и режиссера Станиславского, а с купца Константина Сергеевича Алексеева. Не будь его, не будь этого статуса «купца», над которым всю жизнь тайно потешался Немирович, не было бы и театра в том его виде, в котором он появился тогда, каким был, и как менялся на протяжении многих лет. Да и сегодняшнего МХТ (уже без академической «А») тоже не было бы.

Купец Алексеев, наследник богатого дома, занимавшегося золотоканительной промышленностью, обладал тем складом ума, который был необходим для построения учреждения — будь то фабрика или театр. Он умел пользоваться своими знаниями, умел видеть не сиюминутную выгоду, а перспективу.

В одном из писем к Немировичу он писал: *«Я не практичен для данного сезона и очень практичен для будущего дохода дела. То, что выгодно для будущего, о котором я пекусь, то — в большинстве случаев невыгодно в настоящем».*

Известно, что Чехов предполагал Станиславского на роль Лопухина в «Вишневом саде» (не похоже на «деликатнейшего» Антона Павловича, верно?). Константин Сергеевич отказался — то ли обиделся, то ли посчитал, что образ для него мелковат — особенно по сравнению с образом рушащейся России, так уверенно верховодящим в пьесе. Зато прекрасно сыграл дворянина Гаева, доказав таким образом неверность прямолинейных аналогий в искусстве.

Он ухитрялся быть и Алексеевым, четко осознающим, что необходимо для будущего театра, и Станиславским, придумывавшим актерам необычные задания, создавший Систему, которой до сих пор пользуются во всем мире. И никакого раздвоения личности это не предполагало.

Константин Алексеев появился на свет в 1863 году. *«Я родился в Москве на рубеже двух эпох. Я еще помню остатки крепостного права, сальные свечи, карселевые лампы, тарантасы, дормезы, эстафеты, кремневые ружья, маленькие пушки наподобие игрушечных, — вспоминал он. — На моих глазах возникли в России железные дороги с курьерскими поездами, пароходы, создавались электрические прожекторы, автомобили, аэропланы, дредноуты, подводные лодки, телефоны — проволочные, беспроводные, радиотелеграфы, двенадцатидюймовые орудия... Поистине разнообразная жизнь, не раз изменявшаяся в своих устоях».*

Он жил не только на рубеже веков, ему выпал и рубеж другого свойства — полностью изменилась страна, в которой он родился, точнее — ее просто не стало, появилась другая, чуждая, незнакомая. Но он сумел выжить и в ней, оставаясь при этом человеком, никогда не терявшим своего лица.

В семье Алексеевых детей воспитывали в строгости. Но будущему Станиславскому удалось избежать участи быть «мальчиком в конторе», его воспитывали уже по-европейски. Как и положено молодому человеку, он отправился в Европу —

посмотреть на мир, научиться чему-то новому, узнать о том, каково это — не в России.

Уже тогда, изучая в Европе интересовавшие его вещи, Станиславский понял, что интересуют его две области — собственно, золотоканительное дело, которым занималась семья, и — театр.

К театру в семье Алексеевых приучали с детства — возили на спектакли в абонированную ложу, устраивали собственные представления в подмосковной Любимовке.

В Москве семья жила близ Красных ворот, и потом это географическое название плотно слилось с об-

стоять явно списанный со Станиславского, что даже неловко, имеет мало общего как с четким, ответственным, спокойным купцом Алексеевым, так и с талантливым, уверенным в своем таланте режиссером Станиславским.

Откуда взялась в нем эта уверенность? Он никогда не был первым учеником — ни в школе, ни в Лазаревском институте восточных языков, куда перевелся из гимназии. Даже на курсе актерского мастерства выдержал всего несколько недель.

В семье спокойно относились к его подходу к учебе и нисколько не осуж-

стретившись в «Славянском базаре», оба искали удобного союзника, но оба просчитались. Немирович получил гения Станиславского, с которым в течение многих лет впоследствии пытался соперничать, разумеется, безуспешно. Станиславский же, мечтавший о хорошем «административном директоре», получил амбициозного Немировича-Данченко, желавшего славы и успеха ничуть не меньше, чем его будущий партнер. Но... они встретились, и каждый вложил в дело тот «капитал», которым обладал...

разом Станиславского. Говорили: «ехать к Красным воротам», «у Красных ворот одобрили», «надо посоветоваться у Красных ворот». Над этим благоговением потом произдевался Булгаков: герои «Театрального романа» то и дело спрашивали: *«А как к этому отнесутся на Сивцевом вражке?»*

Вообще, inferнальный, странный образ Ивана Васильевича в «Театральном романе» Булгакова,

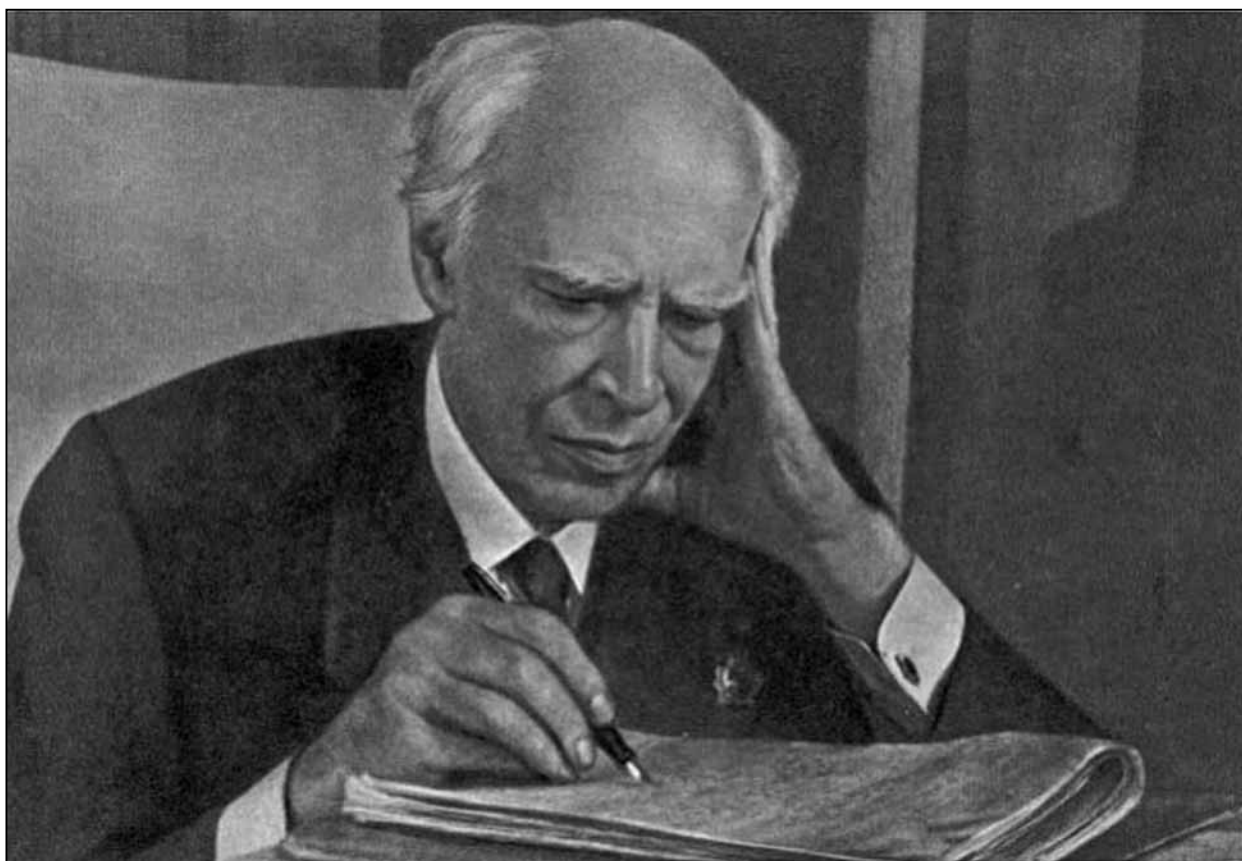
дали. Так, когда студент Алексеев провалился в Лазаревском на экзамене, отец подарил ему дорогую лошадь. Подарок уже был куплен, и отцу не пришло в голову, что можно его не дарить, раз экзамен не сдан. Напротив, сын словно получил утешительный приз.

Было в юности Станиславского и еще одно событие, которое во многом повлияло на него и его дальнейшее поведение.

Юношей тогда было принято «сводить» с молоденькими хорошенькими горничными, чтобы уберечь от публичных домов. Такая горничная — Дуняша — была и у Константина. Когда стало ясно, что она ждет ребенка, семья не отвернулась от нее, а оставила в доме и помогала воспитывать малыша. До конца своих дней Станиславский считал для себя необходимым заботиться о сыне.

Но этот эпизод стал для него столь сильным впечатлением, что навсегда поставил крест на всех дальнейших возможных романах. Была жена — Мария Петровна Лилина, были дети — сын Игорь и дочь Кира. На этом точка. И хотя Константин Сергеевич был мужчиной интересным, на которого дамы постоянно обращали внимание, всем, даже самым настойчивым, включая Айседору Дункан, было отказано.

Поскольку работой (в отличие от учебы) Алексеев привык заниматься со всей ответственностью, он так же отнесся и к организации Общества искусства и литературы, где надеялся изучать современный театр, решать его проблемы, развивать его.

Открытие Общества состоялось в 1888 году. Именно с этого момента Алексеев становится Станиславским — псевдоним он «позаимствовал» у ушедшего со сцены актера-любителя доктора Маркова. Причина — не хотелось «трепать подмостками» почтенную фамилию Алексеев. Играли в Обществе вполне серьезные пьесы, но потребовалось еще несколько лет, чтобы из актера Станиславского вырос режиссер и реформатор Станиславский.

Ну а дальше случилась приснопамятная встреча в «Славянском базаре», о которой все знают.

Оба искали удобного союзника, но оба просчитались. Немирович получил гения Станиславского, с которым в течение многих лет впоследствии пытался соперничать, разумеется, безуспешно. Станиславский же, мечтавший о хорошем «административном директоре», который позволил бы ему заниматься исключительно постановками, получил амбициозного Немировича-Данченко, желавшего славы и успеха ничуть не меньше, чем будущий партнер.

Но... все равно. Они встретились, и каждый вложил в дело тот капитал, которым обладал: у Станиславского были талант режиссера, день-

ги и члены Общества искусства и литературы, как часть будущей труппы. У Немировича-Данченко — административные умения и выпускники его Филармонии — вторая часть труппы. Тут паритет более или менее был соблюден.

Константин Сергеевич привел с собой также художника Виктора Симова, который впоследствии занимался оформлением спектаклей МХАТа. Именно он создавал среду, которая производила впечатление живой, подлинной, даже если была на сто процентов фантастической.

Но о Симове стоит говорить много и отдельно — может быть, когда-нибудь...

Пока же Станиславский и Немирович-Данченко вознамерились создать новый театр. Но каким он будет — никто еще не знал, шли наощупь.

Станиславский в процессе реформирования столкнулся с серьезным сопротивлением. Уже сложившиеся в театре отношения перестраивались трудно, новые — пока не появились. Константин Сергеевич ввел жесткий режиссерский диктат, чего раньше в театре не водилось. Прежде «хозяином» пьесы — и в театре в том числе — был автор, фигура режиссера была, скорее, второстепенной. Теперь же она вышла на первый план. Именно режиссер отныне решал, что первично, что пройдет вторым, а что и вовсе будет выброшено за ненадобностью.

В первые месяцы репетировали за городом, неподалеку от алексеевской Любимовки. Атмосфера бы-

ла семейной, все старались друг другу помочь, вели хозяйство, убирались, готовили, но, в то же время, и рабочей: репетировали по много часов в день.

Результат известен — открытие МХАТа состоялось в 1898 году спектаклем «Царь Федор Иоаннович». Зрители были поражены не только и не столько игрой актеров, сколько декорациями, гримом, бутафорией... Никто прежде в русском театре так подробно не «выписывал» сцены и окружение артистов.

Но уже вскоре за успехом последовал внутренний разлад — между двумя сооснователями театра. Станиславский желал, наряду с основной труппой, «растить» новое поколение, которое встраивалось бы в существующий коллектив, забирая соответствующие возрасту роли. И он создал при театре студию. И хотя уже через год был вынужден ее закрыть, так как студийцы не оправдали его надежд, он остался верен своей идее. Студии возникали одна за другой, что невероятно бесило Немировича.

В целом у Станиславского получилось. Первая студия — самая блистательная — стала самостоятельным театром МХАТ-2, но в 1936 году была закрыта. Об уровне ее талантов можно судить по тому, что именно в ней учился гениальный Михаил Чехов, окончивший свои дни на чужбине. Вторая студия влилась в коллектив МХАТа, третья теперь известна как театр им. Вахтангова...

Множество талантов вышло из студий МХАТа — возможно, именно

это имел в виду Константин Сергеевич под «инвестициями в будущее»?

Внутри самого театра студийцам были рады далеко не всегда, и это вполне естественно: старики-основатели едва ли хотели воспринимать новое — в частности, знаменитую Систему, а новички с готовностью следовали слову режиссера и еще не были испорчены наработанными за годы штампами.

Здесь следовало бы дать хоть какое-то описание тому, что мы называем «Системой Станиславского». Но определения нет, кроме того, что это некая «метода актерской техники». Есть записанные принципы, но сути Системы они не раскрывают. За пределами записанного Станиславским и изданного после его смерти — множество набросков, заметок, порой полностью противоречащих тому, что опубликовано. Поэтому остается лишь поверить, что Система — живой организм, который и сегодня до конца не изучен. Однако именно она помогает актерам не «играть», а проживать роль.

Станиславский очень много помогал своим актерам. Он мог месяцами расписывать «партитуру» спектакля, чтобы Книппер или Москвин, придя в театр, уже примерно знали, что именно они должны делать, им оставалось только довести рисунок роли до совершенства. Однако же если он играл сам, то свою роль оставлял нерасписанной — и актер, который надеется на собственное мастерство, здесь побеж-

дал режиссера, требовавшего четкости и плана.

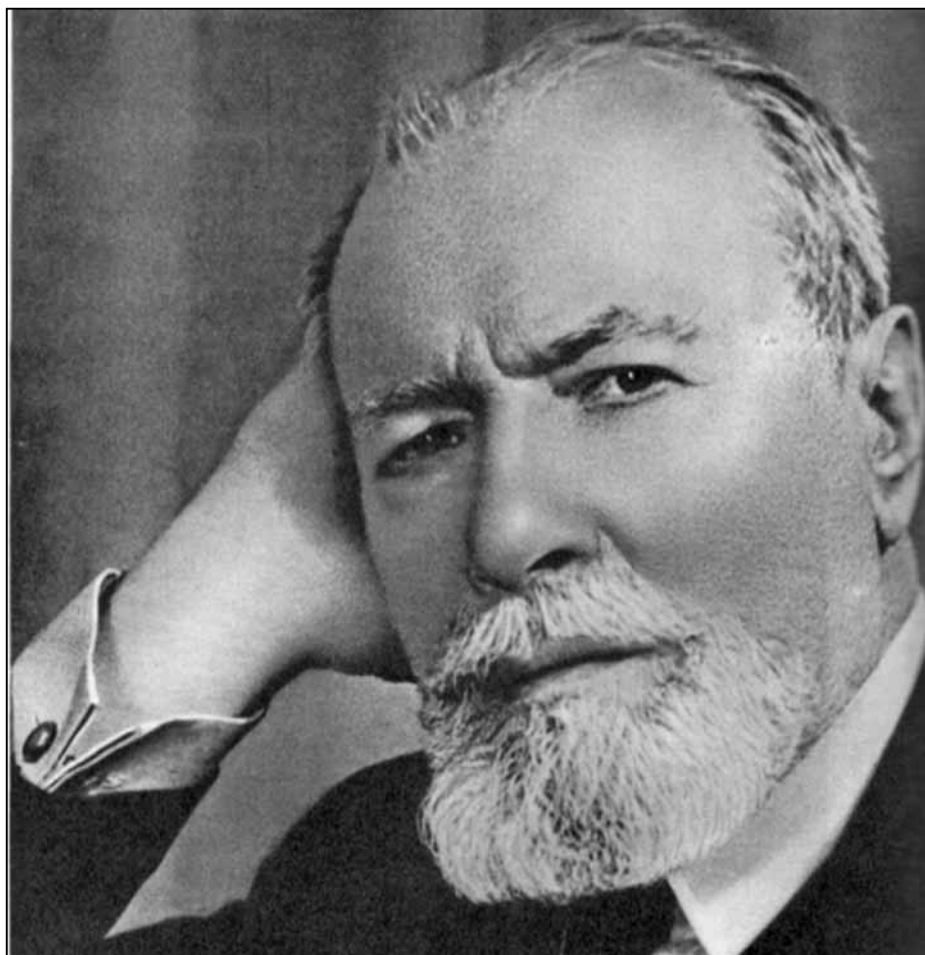
Однако в один из дней Константин Сергеевич раз и навсегда отказался от актерства, целиком посвятив себя режиссерскому поприщу. Сделал он это по собственному желанию, но подтолкнул к этому «заклятый друг» Немирович-Данченко.

Ставили «Село Степанчиково». Станиславский играл Ростанева. Но его собственная трактовка и трактовка Немировича расходились так сильно, что конфликт только нарастал. Не в силах более сражаться, Константин Сергеевич отказался от роли, и ее передали Массалитинову. А Станиславский сказал, что отныне не будет играть на сцене. Жить ему оставалось еще 21 год.

В стране, между тем, тоже все катилось кувырком. Будучи человеком богатым и умным, Станиславский не мог не понимать, что новой власти он будет неуютен. К первым разорениям он отнесся философски: *«Меня пощипали. Пощиплют еще»*.

Впоследствии к «пощипыванию» добавилась серьезная проблема: из квартиры в Каретном Ряду, где Станиславский прожил 20 лет, его выселяли — здание отдавали под автобазу. Ни его имя, ни помощь друзей не смогли помочь — и Константину Сергеевичу пришлось переехать в Леонтьевский переулок, в квартиру, выделенную ему и его семье советской властью.

В качестве некоего отдохновения от всех этих бытовых неурядиц образовалась поездка МХАТа за границу — в Европу, а затем и в Америку.

Гастроли на европейском континенте прошли отлично — да и труппа успела снова привыкнуть к бытовым удобствам. Но Европа — своя, родная в чем-то даже, а вот путешествие за океан пугало и актеров, и Станиславского.

Он боялся многого: и плыть через океан, и того, что не удастся заработать (в личном списке, составленном перед поездкой, даже значилось: «Нажить 150–200 тысяч»). Трудно осуждать его за такую «тягу к наживе» — за счет Константина Сергеевича жило множество его родственников — порой их количество доходило до тридцати.

Также он постановил себе: *«Писем и статей не пишу. Речей не про-*

изношу. Соблюдать мою этику и приличие». Он хорошо понимал: в новообразованную страну придется возвращаться, там осталась семья, поэтому не стоит портить себе репутацию непродуманными речами.

Именно во время американских гастролей Станиславский начал писать «Мою жизнь в искусстве» — у него было достаточно времени, общества труппы вне работы он старался избегать, и писал, писал у себя в номере.

Книга стала своеобразным учебником для тех, кто тянется к искусству, но несколько не раскрывает личности автора. Станиславский не описывает в ней трудные годы — даже в первой редакции. А будет

и вторая — под чутким влиянием Владимира Ивановича, желавшего подчеркнуть свою роль в становлении МХАТа. Станиславский не стал спорить, а просто вставил куски Немовича в свой текст.

Театр вернулся с гастролей в августе 1924 года. Уже был в разгаре НЭП, и казалось, что страна возвращается на прежние рельсы. Но

впечатление, как известно, было обманчивым.

Успех театра в Европе и Америке только подчеркнул чужеродность МХАТа новой советской действительности. Более того, сам Станиславский, во время написания записок окунувшийся в прошлое, вдруг понял, как отличается сегодняшний МХАТ от того, который он хотел

создать. Это не добавляло хорошего настроения, но Константин Сергеевич, привыкший держаться, справлялся и с этим.

А вот здоровье стало подводить. Вопреки собственному обещанию не выходить больше на сцену, на юбилейном вечере Художественного театра, где давали «Три сестры», Станиславский играл Вершинина. Во время спектакля ему вдруг стало плохо. Оказалось — инфаркт. И вот с этого момента сцена действительно навсегда осталась без актера Станиславского.

О последних его годах вспоминают многие, но всегда — противоречиво. То упоминают тихого и спокойного человека, смилившегося с болезнью и старающегося прожить оставшиеся годы наиболее

рался подводить итоги своей жизни. Умел и пошутить на эту тему: так, в Музее Художественного театра предложил выделить комнатку для его праха и запирать в ней провинившихся молодых актеров, чтобы он с ними «разобрался»...

Когда Константина Сергеевича не стало (и именно в 1938 году), его похоронили рядом с художником Симовым, вместе с которым они создавали Художественный театр, и Антоном Павловичем Чеховым. Вдова Станиславского, Лилина, писала сыну: *«Эта троица начинала театр, и теперь все трое кончили свое служение искусству. Мне приятно и утешительно, что они вместе».*

Немирович у могилы сказал: *«Здесь начинается бессмертие».*

О последних годах Станиславского вспоминают многие, но всегда — противоречиво. То упоминают тихого и спокойного человека, смилившегося с болезнью и старающегося прожить оставшиеся годы наиболее плодотворно. То всплывает какой-то совершенно безумный старик, полнейшая копия Ивана Васильевича из булгаковского «Театрального романа». Истина же, как всегда, где-то посередине

плодотворно. То всплывает какой-то совершенно безумный старик, полнейшая копия Ивана Васильевича из булгаковского «Театрального романа». Истина, как всегда, где-то посередине.

Станиславский часто говорил, что умрет в 1938 году. Что наводило его на эти мысли — бог его знает. Но, начиная уже с 1937-го, он ста-

Несмотря на все прижизненные разногласия со Станиславским, тут он сказал чистую правду. Именно бессмертие — театра, актерского мастерства — начал человек, рожденный купцом Алексеевым, но волею судьбы и своей собственной волей ставший тем, кого нынче знают во всем мире как Станиславского. □

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ

Роман

(продолжение)

16

Новый рабочий день Анатолий Петрович начал с небольшого совещания с управляющим центрального отделения и главным агрономом. Оба еще не успели в полной мере изучить характер недавно назначенного директора — и потому были не в силах предугадать, о чем пойдет речь. Войдя и осторожно поздоровавшись, несколько смущенные его строгим, острым, словно насквозь пронизывающим взглядом, они тихо молчали. Не отводя глаз со своих подчиненных, Анатолий Петрович заговорил:

— Я пригласил вас, уважаемые коллеги, для того, чтобы объявить о решении, созревшем у меня еще до поездки в город. Заключается оно в необходимости создать из работников управления, в том числе и меня, директора, кормозаготовительное звено, которое трудилось бы на подхвате и у силосных закладчиков, и у сенозаготовителей, работающих на самом ближнем участке — за речкой Нюей, причем, без освобождения от своих прямых должностных обязанностей!

— Звено создать не проблема! — сказал Геннадий Васильевич. — Только когда же специалисты будут управляться со своими делами?

— Как всегда, в рабочее время, поскольку звено будет трудиться только два дня в неделю — в субботу и в воскресенье!

— Ну а что скажем своим женам, привыкшим, что выходные дни мы проводим в кругу семьи? — не унимался главный агроном.

— Геннадий Васильевич, ты мне тут, пожалуйста, дурака не валяй! Ведь сам же совсем недавно где-то под Москвой возглавлял совхоз, поэтому не можешь не знать, что в сельском хозяйстве во все, без исключения, ответственные кампании никаких выходных не было и быть не может! Если привык при моем предшественнике работать через пень да колоду, то советую тебе как можно скорей отвыкать! Слово даю, я пришел надолго! А чтоб следующий раз тупо не умничал, назначаю тебя руководителем создаваемого управленческого звена! Приказываю к работе приступить немедленно! Правда, меня завтра не будет — планирую выехать на день в Беченчу, чтобы на месте ознакомиться с ходом сенокоса, но ты со своим звеном будешь отряжен в помощь отделенческой бригаде, занимающейся закладкой силоса. Вопросы есть? Вижу по глазам, что нет! Да, и, будь добр, подготовь мне соответствующий приказ с пунктом, говорящим о приобщении рабочих выходных дней к отпуску, ибо я, к твоей и некоторых других главных специалистов радости, трудовое законодательство нарушать не намерен! Свободны, коллеги!

— Анатолий Петрович! — вдруг удивленно спросил управляющий. — А меня, что-то я никак не пойму, зачем приглашали?

— Вы что, сговорились дурака валять?!

— Ни в коем случае!

— А коль так, то сначала ответь мне на очень простой вопрос: ты управляющий какого отделения?

— Центрального!

— Как думаешь, должен знать все, что происходит на твоём производстве в полном объеме?

— Конечно!

— В таком случае включи мозги — и сам себе откровенно ответь, для чего, в самом деле, я тебя пригласил?!

И когда руководители, в первую очередь озабоченные волевым напором директора, не оставляющего никаких возможностей работать иначе, чем было им приказано, уже подошли к двери, он вдруг ровным голосом произнес в спину главному агроному:

— Геннадий Васильевич, ты уж меня завтра, как товарища, прошу, — не подведи! Я на тебя очень надеюсь, ибо ты по своему опыту знаешь, насколько важен в такое жаркое время каждый день! Да что там — час!

Беченчинское отделение было самым большим в совхозе, и находилось в национальном — якутском селении с одноименным эвенским названием — аж в целых ста километрах от центральной усадьбы. Поскольку

оно в поселении являлось единственным — производственной базой, формирующей бюджет сельского Совета, то все социальные объекты: больница, двухэтажная школа-десятилетка, клуб, магазин и детский садик — стояли на совхозном балансе, что значительно прибавляло хлопот по их надлежащему содержанию управляющему отделением Семену Кирилловичу Захарову, в прошлом учителю-историку, мужчине предпенсионного возраста, невысокому, но коренастому, с черными, как смоль, и густыми, жесткими, словно конская грива, волосами, аккуратно подстриженными и зачесанными назад. На его плоском, как блин, скуластом желтоватом лице, изрезанном густой сетью жизненных морщин, узкие глаза светились добродушием и той наивной мудростью, которая позволяла душе, наперекор времени, оставаться молодой.

Родившийся и выросший в родовом наслеге, где люди испокон века занимались скотоводством, а с приходом русских первопроходцев, в основном из числа казаков, — и растениеводством, сельское хозяйство он знал хорошо. А, обладая умением с пониманием решать не только многочисленные производственные проблемы, но и личные нужды своих рабочих, то и дело возникающие, пользовался в отделении заслуженным, даже можно сказать, непререкаемым авторитетом. Одевался он всегда по-рабочему — летом в темный, повидавший виды пиджак поверх серой рубашки с длинными рукавами, не изменяя ни в зной, ни в дождевую слякоть кирзовым, с короткими голенищами, сапогам. Зимой же ноги обувал в жаркие унты из сохатиных камусов, накрепко подшитые просмоленной дратвой войлоком, а тело дополнительно утеплял стеганой ватной телогрейкой. Как многим образованным якутам, ему было свойственно с почтением относиться к вышестоящему руководству, но с тем природным достоинством, которое, кроме ответного уважения, ничего у умного начальника вызвать не могло.

До отделения и зимой, и летом можно было добраться, сначала проехав по трассе, ведущей в райцентр, а потом, свернув на семидесятом километре вправо, по такому же гравийному, насыпному полотну, с глубокими кюветами, заросшими кустарником и иван-чаем, в пору цветения пыляющему ало, как костер на ветру. Где-то с половины пути, дорога несколько километров все поднимающаяся и поднимающаяся по пологому склону на самую круглую вершину сопки, густо поросшей хвойным лесом, богатым белым оленьим мхом, вдруг круто, по длинному серпантину с дугообразными поворотами, врывалась в поселение и, прошив его в самой середине, обрывалась на берегу в срединном течении таежной реки Нюя.

Эта дорога одновременно являлась и центральной улицей, от которой вправо — в сопку, а влево — под уклон к берегу, как отростки от пышного растения, расходились узкие проулки с неизменными глубокими колеями

от тракторных и автомобильных колес, поскольку грунт, на котором располагался поселок, был сильно глинистым и в дождливую погоду превращался в жидкую земляную красную массу. До тротуаров, хотя бы дощатых, ни у местной советской власти, ни у руководства совхоза руки из-за постоянной нехватки финансовых средств не доходили, так что каждый шаг в ненастную погоду по грязи людям давался с трудом, ибо ноги скользили, разъезжались, на подошвы налипала глина, отчего казалось, что обувь, словно водолазные непромокаемые бахилы, утяжелялась свинцом. Давно ушли в прошлое на протяжении многих веков надежно служившие якутам уютные, утепленные звериными кожами конусообразные яранги. Теперь на их месте стояли рубленые в лапу из окантованных лишь с внутренней стороны ядреных сосновых бревен крепкие дома, с высокими, из обрезного теса — продукта местной пилорамы, — двухскатными крышами, почти в каждом из которых были устроены летнего типа легкие мансарды с просторными балконами, защищенные от непогоды лишь шиферными козырьками.

Каждый, кто впервые приезжал в Беченчу, не мог не обратить внимания на то, что во всех приусадебных участках, обнесенных надежными, из лиственничных жердей и кольев, изгородями, картофеля посажено в самом центре на небольшом клочке ровно столько, сколько необходимо для семейного пропитания. На всей остальной площади всего за первый летний месяц вырастал аж до самого пояса густой, жесткий, как тальниковый прут, но очень богатый каротином пырей, который, после раскрытия семенных колосьев, вручную — литовками — скашивался на сено, для прокорма скота в зимнее время. Это говорило о том, что якуты, успешно освоив возделывание и выращивание овощей и картофеля на совхозных многогектарных полях, глубоко в душе своей продолжали оставаться умелыми, как их деды и прадеды, скотоводами и охотниками, пополняя свой личный бюджет за счет денег, вырученных за сдачу государству добытой зимой пушнины и произведенного на своем подворье с содержанием в морозы крупнорогатого скота в хлевах, по-якутски называвшихся хотонами, экологически чистого, питательного мяса.

Анатолий Петрович в своем самом отдаленном отделении не раз бывал, еще работая в совхозе главным производителем строительных работ, возводил новую котельную из лично им изобретенного материала, названного чурко-бетоном. А еще раньше, учась в десятом классе, в Беченче, являвшейся еще и одним из центров подготовки республиканских лыжников, лихо накручивал на лыжне по окрестным сопкам с резкими крутыми поворотами, с крутолобыми подъемами — «торчками» и с выматывающими душу и силы затяжными подъемами.

Анатолий Петрович выехал на самом восходе солнца, чтобы, во-первых, успеть по прохладе преодолеть более чем стокилометровый путь, во-вторых, иметь до вечера больше времени для проверки всего хода сенозаготовительных и растениеводческих работ. Однако к оговоренному по телефону с управляющим времени прибыть не смог...

Когда начали спускаться с сопки, то на серпантине, изогнувшемся пологой дугой, на скорости в восемьдесят километров Анатолий Петрович вдруг сначала почувствовал, что машина стала оседать левой стороной, потом впереди увидел колесо, бешено катящееся по дорожному полотну, и только успел ошарашено подумать: «Что за чертовщина!..», как «уазик» окончательно клюнул передком и, словно человек, которому на быстром ходу поставили подножку, слетел с трассы в глубокий кювет, где пропал буфером глинистый грунт и, на счастье, лишь в метре от огромной листовенницы остановился, круто накренился, но не перевернулся, а, лишь секунду-другую побалансировав, словно на лезвии ножа, плавно опустился, подминая кузовом ало цветущий иван-чай. Несмотря на то, что Анатолий Петрович крепко держался за ручку, инерционная сила оказалась такой, что он головой больно ударился о лобовое стекло, которое тотчас треснуло, но не рассыпалось на куски, а лишь покрылось сплошь частыми длинными трещинками. Водитель вообще отделался легким испугом, лишь продолжая до белизны суставов пальцев сжимать баранку да ошалело смотреть на здоровенное дерево, которое только каким-то чудом не стало их с директором могилой. Прийдя в себя, не спеша вылез из машины, грубо выругался, сплюнул и недоуменно взглянул на Анатолия Петровича. А он, потирая ушибленный лоб, уже молча обходил машину, внимательно ее рассматривая. Но, увидев, что левого колеса на месте нет, ступица глубоко зарылась в суглинистый грунт, еле сдерживая себя от крика, сквозь зубы злобно спросил водителя:

— Петр! Это каким же надо быть разгильдеем, чтобы доездить до того, что колеса на ходу отваливаются! Почему перед дальней дорогой, зная, насколько опасен этот спусковой серпантин, не подкрутил ступичные гайки? Почему, мать твою?! Или жить надоело?!

— Анатолий Петрович! Анатолий Петрович! Да я из-под этого «уазика», можно сказать, целыми вечерами не вылажу: то одно отремонтирую, то другое, — ведь машина-то, хоть и не старая, но прежним водителем основательно раздолбанная! А гайки, крепящие колеса, я все — до единой! — вчера, как приехал после работы домой, так сразу и подкрутил, вернее, проверил — не ослабли ли!

— И что?

— Каждая была накрепко — до упора! — затянута!

— Правду говоришь?

— Как на духу!

— А во время быстрой и долгой езды каким-то образом гайки сами не могли открутиться? — строго спросил Анатолий Петрович, хотя и знал, что не могли, и уже начинал догадываться о причине аварии. — Скажем, от сильной тряски или от разбитой, изношенной резьбы на болтах?

— Ну, никоим образом, поскольку ступичные гайки закручиваются в противоположную сторону от вращения колес!

— Значит, сам собой напрашивается вывод, что их кто-то специально ослабил, а то, что только на одной ступице — лишь подтверждает это!

— Да за все время моей работы водителем, такого извините, наглого вредительства в совхозе я даже и не припомню! Ведь пойти на такое — не иначе как совершить уголовное преступление!

— Ладно, проехали!.. Ты лучше скажи мне, кто бы мог это сделать?

— А черт знает! Хотя недавно слышал в гараже разговор между водителями, что некоторые главные специалисты слишком недовольны вашим крутым руководством — говорят, мол, сел в директорское кресло сопляк — и ведет себя так, будто самого Бога за бороду ухватил!

— Сопляк, говоришь?! Ладно, все более или менее, но понятно! Необходимые выводы я, конечно, непременно сделаю! А сейчас выбирать на дорогу надо! Трос, надеюсь, в машине есть?

— В как же! В кузове за задними сиденьями лежит!

— Доставай его, крепи к фаркопу и иди за колесом! А я остановлю первую же грузовую машину, чтобы с ее помощью «уазик» вытащить!..

Вскоре на резкий взмах руки Анатолия Петровича остановился, проскрипев тормозными колодками, и дыхнув выхлопными черными газами, сельповский «КамАЗ» с полуприцепом, груженный продуктовыми ящиками и коробками. Водитель, молодой, не старше двадцати пяти лет белобрысый парень со светло-голубыми глазами, в которых светился живой интерес к жизни, не только выволок на трассу слетевший без переднего левого колеса «уазик», но и, хитро, то ли с осуждением, то ли с сожалением, поглядывая на Петра, но здраво при его начальнике не задавая никаких лишних вопросов, помог сначала крепкой вагой, сделанной при помощи топора из срубленной березы, а потом и домкратом поднять за передний мост на необходимую высоту передок. Колесо, по его же смекалке, прикрепили на три гайки от других ступиц. Поскольку до поселка ехать оставалось всего ничего, Анатолий Петрович не стал больше размышлять о случившемся дорожном происшествии, но строго-настрого наказал Петру о нем никому, даже своей ненаглядной жене, не рассказывать! Он думал так: «Если живы остались, значит, со временем все тайное станет явным —

и я сам найду способ, как покончить с подлыми завистниками или завистником...»

Управляющий отделением не дождался директора и не имел возможности с ним связаться. Из слов молоденькой бухгалтерши-якутки, которая при входе директора в кабинет небольшого здания конторы, стоящей в самом начале поселка, встала из-за рабочего стола, было ясно, что ее начальник уехал на капустное поле и велел передать, что будет ждать директора там. Анатолий Петрович понимал, что только какое-то серьезное дело могло заставить Захарова не встретить своего прямого руководителя, и велел водителю поскорей ехать вслед за управляющим. Десятигектарные капустные посадки находились в самом конце правобережной, затопляемой в весеннее наводнение настолько обширной поймы, что на ней еще выращивался на площади ста гектаров картофель, и заготавливалось более половины всего отделенческого сена, необходимого для прокорма в период зимне-стойлового содержания скота, насчитывающего больше тысячи голов. Спустившись на сплошь застланный мелким белым галечником пологий берег, проехав по нему метров пятьсот и преодолев небольшой, но крутой подъем, как раз выехали на сенокосные угодья, где полным ходом шла работа.

Анатолий Петрович велел Петру остановить машину, вышел — и ему в нос ударил терпкий, тонкий запах свежескошенной травы. Тотчас вспомнилась юность, когда он, встав с рассветом и надев для защиты от многочисленного, страсть как надоедливого гнуса круглую шляпу с прикрепленной к ней с мелкими-мелкими ячейками сеткой, по серебряной, обильно выпавшей росе косил литовкой, ладно отбитой и заточенной каменно-зернистым брусом, густую, зеленую-зеленую траву вокруг тальниковых и осиновых раскидистых кустов, вдыхая еще сохранявший ночную влажность свежий воздух, который, словно живая вода, придавал новые силы, крепил старые, хотя слегка и кружил озоном голову, словно многолетней выдержки сухое виноградное вино.

От светлой нагрузки крепкие мышцы, привыкшие с детства к физической работе, сладко звенели, словно гитарные, туго натянутые, струны — и душу сполна охватывала такая несказанная благодать, что хотелось радостно петь. «Да, какая была золотая пора, — довольно подумал Анатолий Петрович, — трудись в радость да на совесть, лишь за себя одного в ответе, но вместе если не с другом, то с добрым напарником, — полнись всей душой счастьем, что живешь на этом прекрасном свете! Не то что теперь — с огромным грузом забот о сотнях других жизней рабочих вверенного мне совхоза, рядом со злобными завистниками и мерзавцами, в первую очередь пекущимися о себе, а не об обществе, государстве, ко-

торое дало им все для созидательного, честного труда... Грустно! Но стой, уж не жалею ли я о своей судьбе? Нет, просто констатирую упрямые факты, понимая и принимая невозможность хоть что-нибудь без воли свыше изменить ни в худшую, ни в лучшую сторону. И все же — зачем я неустанно, как заведенный, ковал и ковал свою волю, закаливал характер, словно раскаленную сталь в холодной воде? А затем, чтобы, по крайней мере, не стать очередным директором-неудачником, а если и оказаться таковым, то с сознанием, что все, мне посильное, сделал на совесть!»

Однако, как же слаженно шла работа на лугах, словно качественные часы: трактористы навесными, стрекочущими, как полевые кузнечики, косилками с двухметровыми стальными полотнами, по которым с бешеной скоростью взад-вперед хлестко бегали режущие сегменты — круг за кругом, валили разнотравье, среди которого своим ростом и красотой выделялся осот, словно разлившееся огромным зеленым озером, цветущее желтыми и белыми цветами, а ту, еще три дня назад скошенную траву, что просохла и была собрана в пышные валки, крепкие плечистые мужики, в свободных белых рубашках навыпуск, в широких холщовых брюках, заправленных в кирзовые сапоги, с повязанными белыми кусками материи головами для защиты от солнечного удара, ловко и быстро складывали в крупные копны, а другие работники, еще поздоровее, с конных волокуш метали сено в островерхие стога, устраиваемые прямо на тракторных саях, изготовленных из ошкуренных бревен, чтобы зимой на подвозке этого первосортного, богатого каротином корма сэкономить и время, и деньги. «Умно придумано, ничего не скажешь! Эх, самому бы пометать во всю свою молодецкую силу! Да увы, увы — некогда!» — то ли с грустью, то ли с радостью, вспыхнувшей в душе от ладно начавшейся страды, вновь довольнo подумал Анатолий Петрович.

Повернувшись, уже было хотел садиться в машину, но невольно замер — в ста метрах от него, выйдя из одного поворота и ровно пробежав с полкилометра, входя в другой, еще более крутой, поверхность петляющей между тальниковыми низкими берегами таежной реки, хоть и была гладкой и прозрачной, как стекло, серебрилась от солнца, уже вошедшего во вторую половину пронзительной синевы неба, так сильно, что невольно казалась покрытой густой морщинистой рябью, в которой даже не было видно глубоких отражений редких, белых-белых, как первый снег, кудлатых облаков. От природной речной красоты восторженно захватило дыхание, сердце в упоении забилося часто-часто, словно на первом свидании с любимой девушкой.

Однако сначала до слуха донеслось звонкое, ровное гудение лодочного мотора, а вскоре из-за поворота показалась и сама «казанка» с одиноким

человеком, словно влитым в заднее сиденье — в виде короткого отрезка доски, встроенного в корму. Охотник или рыбак уверенно правил своим суденышком, держась левой рукой за ручку газа, так называемый румпель. Форштевень стремительно приближавшейся лодки безжалостно, словно добротный алмазный стеклорез, разрезал надвое водную красоту — и от него, морщина реку, словно старя, в разные стороны к берегам бежали невысокие волны, а сзади, за низкой кормой, вода, взвихренная винтом, бурлила и бурлила белым кипятком. Анатолий Петрович дождался, когда лодочник поравняется с ним, и, как своему старому знакомому, добродушно и энергично помахал ему рукой. Тот секунду-другую вглядывался в него, видно, пытался узнать, кто это интересный такой, что в рабочую сельскую страду стоит в белой рубашке с синим галстуком у вездеходной машины на берегу. Узнал, не узнал ли, но посчитал и для себя нужным в ответ высоко вскинуть руку...

За сенокосными угодьями, отделенными от них лишь песчаной дорогой, проложенной прямо по траве, которая в середине упорно продолжала расти, словно от обиды, хлеща по буферу «уазика» верхними колосьями, прогибаясь под мостом, чтобы тотчас снова встать во весь рост за машиной, начинались картофельные плантации. Вовремя и качественно прополотые, они уже разрослись настолько, что вверху ботва сомкнулась — и в междурядьях образовался тот тенистый микроклимат, который даже в самую жару позволял долго сохранять в грунте питательную влагу. Сиреневый цвет на ботве давно отпал, о чем говорили круглые, величиной с ноготь указательного пальца, несъедобные, но притягивающие взгляд своей свежестью светло-зеленые плоды. «А картофель-то наливается!» — глядя ни них, весело подумал Анатолий Петрович и велел остановить машину.

Выйдя из нее, он зашел в самую гущу посадок, выбрал средний куст с мощными, густыми стеблями ботвы, вырвал его из земли, резко, с силой встряхнул — и светлые, наполовину созревшие плоды, оторвавшись от корней, скатились на рядок. Анатолий Петрович выкопал из него еще несколько молодых картошек, собрал все вместе и, взвесив на ладони, про себя удовлетворенно проговорил: «Грамм триста будет!..» Потом вдаль рядка сделал тринадцать шагов, на ходу насчитав более тридцати кустов, перемножил их на вес клубней — и навскидку определил, что к осени можно смело ожидать урожай, намного больше планового!.. После дорожного происшествия, больно резанувшего по душе, жизнь, словно в искупление за нежданно нанесенный удар, вслед за сенокосом, идущим полным ходом, порадовала еще и надеждой на щедрую плодovitость якутской земли, и он поневоле чуть ли не вслух проговорил: «Нет, что там ни говори, а жизнь земная — прекрасна!» И поехал дальше с поющей светло душой...

Еще издали Анатолий Петрович увидел управляющего, медленно идущего по обширному полю между капустными рядками с опущенной головой — явно что-то разглядывающего, чем-то удрученного. И когда сам оказался среди полных ходом завязывающихся кочанов ранней капусты, понял, что заставило Захарова не дожидаться своего непосредственного начальника. Но, подумав: «А он-то догадывается, какая беда поселилась на поле...», решил сначала выслушать его. И когда он, подойдя, за руку поздоровался с ним, как бы между прочим, спросил:

— Семен Кириллович, что голову-то повесил?

— А чему, Анатолий Петрович, радоваться, когда с капустой что-то неладное происходит — еще позавчера кочаны светло зеленели, и я, смотря на них, планировал уже завтра начать рубку, а то ведь, перезрев, они начнут лопаться, терять товарный вид. Но сегодня по вызову бригадира, чье звено закреплено за капустным полем, приехал — и глазам своим не поверил: почти каждый второй кочан начал чернеть, покрываться какой-то склизкой, густой, как сметана, плесенью! Думаю, надо срочно вызывать из района агрохимика, чтобы установить причину этой явно какой-то болезни и узнать, как с ней бороться!

— Согласен, агрохимика вызвать придется — и чем быстрее, тем и лучше, хотя бы для того, чтобы на основании углубленных лабораторных анализов составить соответствующие акты, необходимые для списания того количества продукции, которую придется при рубке работникам звена как можно быстрее и качественнее ликвидировать!..

— Это чем?! — придя в некоторое смятение от последних слов директора, недоуменно спросил управляющий.

— Обыкновенно — топориком! Да-да, им, очищая пораженные плесенью верхние листья до здоровых. А причину этой заразы я тебе и без химических анализов назову... И думаю, что не шибко ошибусь! Но прежде ты ответь еще на один важный вопрос: сколько уже лет на одном и том же поле, скажем так, капусту по капусте сажаете?!

— Пожалуй, пятый год!

— Так я и подумал! Но разве ты, человек от земли, не знаешь, для чего крайне необходим в растениеводстве севооборот?

— Знаю! Для устойчивости урожайности!

— Ну а что ж тогда если нет свободных паровых земель, то хотя бы картофель с капустой не поменял местами, а?

— Я и хотел так сделать еще прошлой весной, но ведь в руководстве совхоза такая чехарда, что просто некому рассматривать мои докладные, рапорты! А нынче перед посевной обращался к новому главному агроному в надежде, что он позволит посадить капусту на другом поле,

но, к сожалению, не дождался необходимого приказа и от него! А взять инициативу на себя не решился, поскольку, сами знаете, что за самоуправство у нас порой бывает!..

«Да, этот мой заместитель по растениеводству, товарищ Хохлов, фрукт еще тот, если не с одного поля ягодка с Бахтиным, то точно с гнильцой. Надо будет к нему приглядеться: безответственный помощник — хуже врага открытого!» — подумал Анатолий Петрович, а управляющему спокойно сказал:

— Знаю! В лучшем случае — объявили бы строгий выговор, если партийный, то еще бы на собрании коллеги-коммунисты вынесли порицание, ну а в худшем — уволили — и все дела!

— Вот-вот! А мне до пенсии два года осталось! Уйти на заслуженный отдых по-человечески хочется, а не с «волчьим билетом», ведь этому родному отделению почти двадцать лет сознательной жизни отдал! — Но спохватившись, что сейчас главное не это, спросил: — А все-таки с капустой-то что произошло, не скажете?

— Скорей всего, плесень появилась в результате отравления пестицидами, то есть ядами, применяющимися против бабочек, откладывающих яйца, из которых появляются самые страшные враги капусты — такие зеленоватые, страшно прожорливые многоножки-гусеницы. Запомни, причем крепко: если минеральные удобрения за год-два вымываются из почвы подземными водами, то яды — нет! И когда их скопление становится критическим, то они, корневой системой всасываемые в растение, заявляют о себе сначала плесенью, а потом и черным налетом верхних листов. Но ничего, твои работники быстро счистят их топориками — и пусть с потерями, но все же хоть какой-то урожай снимешь. Только давай накрепко условимся, что пока я работаю, ты, вместо того чтобы заглядывать мне и моим заместителям в рот, если оправданно считаешь, что в том или в другом деле прав, действуй самостоятельно! Как у себя дома, будь и в отделении рачительным хозяином! Ведь, в конце концов, победителей не судят! Договорились?

— Договорились, Анатолий Петрович! И спасибо за доверие! И за урок агрохимии! А я ведь уже чуть в панику не ударился, ибо подумал, что всей капусте на самом деле конец пришел!

Посмотрев на часы «Полет» в металлической оправе, с истертым пластмассовым белым стеклом, охватывавшими запястье черным кожаным ремешком, он порывисто взмахнул руками:

— Время-то уже к вечеру подходит! А вы ведь, Анатолий Петрович, еще, наверное, и не обедали! Поедьте ко мне домой, я вас угощу наваристой ухой из щуки, только утром пойманной!

— Спасибо за приглашение! Но не хочется время терять!

— Тогда посмотрим, как идет сенокос?

— По дороге сюда я уже видел — и остался его ходом доволен! Только на одной луговине насчитал аж десять сметанных стогов! Да и, как видно из ежедневных сводок, график заготовки намного опережаешь! Молодец! Поэтому есть предложение навестить доярок. Через два часа начнется вечерняя дойка, а до нее они будут принимать горячую пищу — вот с ними за разговорами и подкрепим силы!

— Анатолий Петрович, вы даже не представляете, как женщины будут польщены вашим посещением, да еще с разделением вместе с ними нехитрой крестьянской снеди, зато приготовленной в полевых условиях!

— Может, так и будет! Но мне важно, польстят ли они меня своим откровением обо всех существующих проблемах! А в том, что они есть, я уверен, да и ты лучше других знаешь. И потом, — не зная, так сказать, производства с низов, нельзя наверху принять верного решения! Извини за прямоту, но все райкомовские, управленческие приказы и распоряжения в работу, идущую непосредственно на местах, только сумятицу вносят!

— Однако вы, Анатолий Петрович какой-то уж больно рисковый!

— Это почему же?

— Да о высоком начальстве смело говорите!

— Зато правду! А волка бояться — в лес не ходить! Поехали!

После разговора с доярками, который длился больше часа и, как считал директор, удался, ибо был начат не с производственных проблем, а с житейских, можно сказать, с семейных, заехали еще в школу, чтобы своими глазами увидеть, что конкретно уже сделано по подготовке к новому учебному году. И здесь в этот день жизнь не устала радовать — качеством и графиком хода ремонтных работ Анатолий Петрович остался доволен. И выйдя из двухэтажного здания школы, стены которой, умело обитые «вагонкой», еще остро пахли голубой краской на олифе, он на прощание крепко пожал руку управляющего, сказав:

— Семен Кириллович, ты хозяин настоящий! Вот и руководи своим отделением в том же духе и дальше. Слово даю, любую твою толковую, творческую инициативу буду горячо поддерживать. И ты, пожалуйста, не о пенсии думай, а о том, как можно дольше поработать. Такие опытные руководители, как ты, в наше время — на вес золота!

На обратной дороге, едва в душе улеглись треволения еще одного дня, прошедшего в плотном, напряженном рабочем режиме, в поостывшем сознании под стройное гудение, похожее на паутинное жужжание, двигателя почему-то вспомнились стихи, написанные в первые дни директорства: *«Деревня, свет очей, привет!/ Мы не видались тыщу лет,/ и вот я здесь —*

прими с душою,/ не для гармошки и гульбы/ и ранних ходок по грибы,/ хоть и они нужны порою./ Прими на утренних лугах,/ ты помнишь, как в моих руках/ коса свет-пламенем горела:/ ночь опускалась над землей,/ а я косил все, как чумной,/ вершил стога свои умело./ Не подведу тебя, о, нет!/ И если тем, что я — поэт,/ тебя смущаю я невольно,/ могу на празднике труда/ стихи забросить навсегда,/ как это мне ни будет больно./ Лукавлю? Точно! Ибо мне/ в краю моем, в моей стране/ поэзия — как мать родная./ Ну, значит, принимай, как есть,/ иначе все равно я здесь/ умру, — прощенья ожидая...»

Конечно, каждый человек, рано или поздно, вдоволь побродив по свету, показав себя во всей удали, набив при этом немало болевых шишек в неудачах и спорах, должен непременно, как лосось для метания икры, возвращаться к своим верховым истокам, вспоившим и вскормившим его, налившим молодое тело недюжинной силой, а пытливую душу до самых краев заполнившим желанием продолжать аж до самой подлюги-смерти вершить созидательную жизни. Ведь, что бы ни происходило на этом свете, народная поговорка, говорящая, что где родился, там и сгодился, будет всегда оставаться неоспоримо верной!

17

В Ньюю въезжали уже в синих сумерках, ставших с началом августа настолько густыми, что пришлось включать на дальний свет фары. Да, предосенний месяц с каждым днем заявлял о себе все сильнее, все явственнее вернувшейся вечерней, переходящей в ночную, теменью, в которой всегда чувствуется если не таинственность чего-то неизведанного до конца, то тревожное ожидание чего-то нового в природе, в родной жизни, в горячих трудовых хлопотах — везде, где присутствие человека определено свыше. Полуденное солнце по-прежнему светило со своей небесной вершины золотоносно, мощно, но в его искрящихся, густых лучах уже не было того молодого задора, той смелости, того огня, что неумоимо прогревали воздух до звона.

Небо, продолжавшее бодро синеть, отливая лазурью, как бы стало ниже, все чаще и чаще цепляясь медленно, словно натужно, плывущими на север плотными, белесыми облаками за верхушки могучих лиственниц, венчающих скалистые сопки правобережья Лены. По утрам от сильного падения температуры воздуха над рекой образовывался такой густой непроглядный туман, медленно клубящийся, что пароходы вынуждены были, во избежание наскочить на мель или того хуже — на береговые

скалы, бросать якоря и подавать всю ночь длинные, глухие, словно вязнувшие в тумане, предупредительные гудки на случай, если бы какой-нибудь капитан-ухарь, пренебрегая правилами судоходства, все-таки решился на продолжение слепого плавания в темноте.

В полуночном мраке, плотно окутывающим реку, местные мужики перешли на рыбалку с лодки, для этого на носу ставился ярко горящий от батарей фонарь, чтобы светом пронизывать до берегового дна прозрачную воду со стоящими против течения линьками и тайменями. Лодка в безветренную погоду сплавлялась по речной глади так бесшумно, что совершенно не пугала их, пока в спину не вонзалась смертоносная острога, метко направленная в броске рукой рыбака. Но густой темнотой пользовались еще, черт их подери, и ленивые охотники. Дело в том, что подросшие зайцы, еще совсем неопытные, испытывающие от дневной жары сильную жажду, по ночам из прибрежных тальниковых кустов безоглядно выбегали к реке попить воды. Но по дороге к ней или от нее неожиданно ослеплялись ярким автомобильным светом — и вместо того чтобы нырнуть в спасительную темень, словно заколдованные, бросались наутек в световых границах, становясь легкой добычей для меткого стрелка. Назвать такое промысловое занятие иначе, чем убийством, было нельзя. Люди с тонкой, жизнелюбивой душой страшно жалели бедных зайцев, а к так называемым охотникам относились с нескрываемым негодованием. Между тем, и такой промысел являлся суровой правдой жизни. Можно было не понимать ее, но не принимать — значило считаться или человеком, как бы свалившимся с луны, или просто духовно слабым, не способным бороться со злом в любом его проявлении.

Анатолий Петрович в юности немало пострелял водоплавающей птицы, добывал величественного, могучего, с ветвистыми рогами-коронай, гордого лося. Один раз даже на таежной тропе столкнулся с медведем. От охватившего душу испуга, щелкнув курками двустволки, резко вскинув только исключительно с целью защиты, прицелился в грудь лесного великана. И, скорее всего, не нажал бы на курок, если бы царь таежных зверей, вместо того чтобы, как обычно летом, свернуть с тропы, спровоцированный враждебным поведением человека, вдруг встал на задние могучие лапы и, грозно рыча, был готов в любую секунду наброситься на него. К сожалению, ничего не оставалось, как только, выстрелив картечью, свалить зверя наповал. О чем потом Анатолий Петрович очень долго и мучительно сожалел, ибо от природы был неисправимым романтиком, а добытчиком стал, можно сказать, поневоле — исключительно с целью пропитания в глухой тайге, находясь от дома в нескольких десятках километров на заготовке сена для совхозного скота.

Со временем, летящим большим, пусть невидимым, но острокрылым, образно говоря, вскрикивающим гортанно соколом, в таежной глухомани напрочь отпало желание охотиться вообще — и вскоре птицы и звери иначе, как братья меньшие, не воспринимались. Когда мать попросила юного Анатолия зарубить курицу для супа, он, хотя сразу стало тяжело на душе, все же нашел в себе силы поймать ее, положить головой на чурку, занести над птичьей шеей остро отточенный топор, а вот опустить его уже ну никак не смог. Вместе с тем в поселке во всех драках, то и дело возникающих между ребятей, он являлся самым активным, самым упорным, самым жестким бойцом: если считал, что прав, то бился до последних сил, порой до крови. Со временем дать сдачи, конечно, не стало ярко выраженной чертой его характера. Но однажды в большом и шумном городе, в трамвайной сутолоке, получив от пассажира, протискивающегося к выходу, нечаянный резкий толчок в бок, он еле сдержался, чтобы не ударить «обидчика» кулаком по лицу. Прослужив в армии всего лишь первую неделю, умудрился подраться с хохлом, за что при вечернем разводе получил три наряда вне очереди. И за ним, как среди сослуживцев, так и офицеров части, даже закрепилась кличка «драчун». Повзрослев, осмыслил свою горячность, сопровождавшую всю юность, пришел к выводу, что она была, скорее всего, вызвана природным, острым чувством желания справедливости всегда и во всем....

Еще на дальнем подъезде к дому Анатолий Петрович заметил, что оба фасадных окна гостиницы, ставшей его семейным гнездом, хоть и были плотно зашторены, но матово светились в темноте, освещая деревья и кусты в палисаднике. «Несмотря на поздний час, Мария, моя — да-да моя! — жена, нежданно-негаданно, словно с неба, свалившаяся в мою такую непростую судьбу, ожидает меня, как и подобает верной супруге! Счастье-то какое!..» — солнечно подумалось Анатолию Петровичу. От этой мысли душу окатила волна глубокой нежности и та трогательная умиленность, от которой сладко замирает, становясь мягким, податливым, словно пластилин, крепкое мужское сердце. Отпустив водителя, он ветром влетел в дом. На шум открываемой двери из кухни вышла Мария со следами легкой тревоги на лице, но тотчас приветливо улыбнулась:

— Что так поздно? Ладно, все разговоры потом! Сейчас давай быстро мойся и садись за стол — я тебя кормить буду!

Анатолий Петрович скороговоркой ответил:

— Конечно, конечно! Я мигом!..

Но, продолжая находиться во власти нежности, охватившей его душу, подошел к жене, обнял ее за хрупкие девичьи плечи, и страстно, словно после годовой разлуки, поцеловал в губы. По телу огнем пролетело жела-

ние близости, голова пошла кругом, но Мария, как обычно, в ответ не стала оплывать горячей свечой, а как-то неожиданно внутренне туго напряглась — и это чуткими своими пальцами тотчас ощутил Анатолий Петрович. Не выпуская жену из объятий, а лишь откинув голову и сверху пытливым взглядом в ее огромные глаза, удивленно спросил:

— Что-нибудь случилось? Дома? На работе?

— Дома, как видишь, все нормально! А вот на работе действительно произошла неприятность, но она, мне кажется, не настолько значительна, и я не хотела бы сейчас, когда ты так устал, так голоден, с дальней дороги, говорить о ней: завтра утром придешь в контору — и сам все узнаешь! Во всем разберешься! Хорошо, милый?

— Хорошо! — не без сожаления согласился Анатолий Петрович и, быстро приведя себя в порядок, сел за стол. Он, в самом деле, как никогда, по-настоящему сильно проголодался, поэтому ел быстро, словно боясь опоздать на какое-то очень важное дело. Запил второе горячим чаем со смородиновым вареньем — и только теперь, откинувшись на спинку стула, посмотрел взглядом сытого человека на жену, за весь ужин не проронившую ни слова, но с благодарностью отмечавшую что приготовленный ею ужин очень пришелся мужу по вкусу.

— Спасибо, милая! Ты меня спасла от голодной смерти! — шутливо поблагодарил жену Анатолий Петрович.

Потом взял ее теплую ладонь в руки, слегка сжал пальцами и, не отводя от лица серьезных глаз, неожиданно проникновенно заговорил:

— Несмотря на свою семейную неопытность, ты, надеюсь, знаешь, что семья без детей, как кирпичная кладка, не скрепленная цементным раствором, не может быть крепкой. Поэтому я очень прошу тебя, когда поймешь, что беременна, тотчас сообщи мне об этом. Моя просьба естественна — и вряд ли нуждается в обсуждении!

— Я согласна с тобой! — ответила Мария, тронутая теплой мужней заботой о ребенке. — Но по совести — откровенно, скажи мне, кого ты больше хочешь — мальчика или девочку!

— К счастью, я не принадлежу к тем эгоистическим мужчинам, для которых крайне важно, чтобы первенцем был мальчик! Поэтому любому ребенку я буду рад, ведь его мне подарит дорогая женщина! Мужчин, думающих иначе, я не осуждаю, поскольку их самолюбием правит на протяжении многих веков сформировавшаяся в сознании необходимость иметь наследника, так сказать, продолжателя рода. И сегодня это важно в странах с монархическим строем для коронованных особ, а мне — сыну учителя и ветеринарного фельдшера — несколько!

Довольная рассудительным ответом мужа, Мария, пленительно улыбаясь искрящимися глазами, воскликнула:

— Анатолий, какой ты милый! — И посмотрела на него таким выразительным, томно-пьянящим горячим взглядом, что он тотчас утонул в нем со всей вспыхнувшей в душе, как порох, глубокой страстью.

На днях вторую комнату, единственное окно которой выходило во двор, было решено превратить в спальню. Для этой цели в нее перенесли кровать — и, какой она ни казалась маленькой, еще осталось свободное место для будущего бельевого шкафа и трюмо. Мария от природы была жаворонком — обычно ложилась спать рано, и засыпала сразу, едва положив голову на подушку, а Анатолий Петрович, наоборот, — сова, поэтому раньше двенадцати не отходил ко сну, и то лишь после обязательного обдумывания всего пережитого за день. И в этот поздний вечер, вернее, в начале ночи, он, еще раз посмотрев с нежностью на супругу, заснувшую прямо в его расслабившихся объятиях, чье милое лицо в лунных лучах, льющихся сквозь белый тюль, казавшийся нежно-матовым, было еще прекраснее, осторожно лег на спину и, привычно закинув правую руку за голову, устремил взгляд в окно, словно там, в небесной выси, серебряно мерцающей светом бесчисленных звезд, хотел найти ответ, что же, в самом деле, днем случилось на работе.

Но все-таки, каким вихрем ни проносились в голове разные тревожные мысли, в конце концов, усталость взяла верх — и он заснул беспокойным сном. Поэтому ранним утром, когда проснулся, ему подумалось, что лишь малость дремал, — и он, конечно, не смог сполна отдохнуть, тем более что во сне перед мысленным взором проходили какие-то странные, черные видения. Во всем теле остро чувствовалась угрюмая, свинцовая усталость. Тем не менее, Анатолий Петрович, стараясь не разбудить продолжавшую сладко спать жену, поднялся. Но только стал одеваться, как за спиной услышал ее сонный голос:

— Дорогой, ты без меня позавтракай, ладно?

— Нет проблем! Поспи еще немного — время есть!

Зарождающийся новый день щедро обещал быть погожим: малиновое огромное солнце, поднявшись над горизонтом, светило ярко, весело, как праздничное лицо молодки на Масленицу, в сгустившейся за долгую ночь синеве, по краям с дымкой-туманом, величаво плыли в своем извечно строгом молчании легко клубящиеся розоватые облака, с реки дул свежий, еще прохладный ветерок, игриво шелестя начинающей темнеть листвой берез и тополей, незлобиво покачивая верхними ветвями, на которых, рассевшись поудобней, свистели во все свои сладкозвучные дудки

чижи и дрозды, и, стараясь не отстать от них в утреннем пении, заливисто, им в унисон, свистели синицы и красногрудки.

Анатолий Петрович, стремительно сбежав с крыльца и войдя под лесную сень, не мог не восхититься природой, не проговорить в душе: «Красота! Только жить бы да радоваться!..» Пройдя через небольшую сосновую рощу по тропинке, сплошь застланной прошлогодней хвоей, с валявшимися сухими старыми шишками и ветками, издававшими под ногами легкий хруст, вышел на улицу Новую, наполовину застроенную в его пору совхозного прорабства. Двухквартирные дома, возведенные из соснового бруса, стоящие под двухскатными шиферными кровлями, с застекленными верандами и штакетными заборами, смотрелись добротнo, как бы ненавязчиво свидетельствуя, что порученное дело было им выполнено на совесть — и теперь вызывает в душе глубокое, заслуженное удовлетворение собой, говорит, что жизнь проходит не зря.

На половине пути к конторе повстречался лет пять тому назад поселившийся в поселке Добрынин Константин Иванович, фронтовик. Хотя и вышедший по возрасту и рабочему стажу на заслуженную пенсию, он, обладавший редким для поселка даром печника, продолжал трудиться на благо односельчан: одному заменит прогоревшие колосники, другому дымоходы прочистит, а третьему и вовсе печь переложит. При этом за свою работу плату брал умеренную, а поскольку еще и алкоголь употреблял лишь строго по праздникам, то среди односельчан, особенно их женской половины, пользовался непререкаемым уважением. На ходу поздоровавшись с ним, Анатолий Петрович прошел было мимо, как печник вежливо, но твердо окликнул его. Тотчас повернулся:

— Константин Иванович, хотите со мной поговорить? Я не против, только, прошу, конкретней, времени почти нет!

— Да-да, если вы не против, обмолвился бы с вами парой слов! И в первую очередь о том, что по тому, как вы, словно быка за рога, взялись за свое директорство, можно верно судить о вашем намерении наконец-то навести в совхозе подобающий порядок. Только, уверен, ваши ближайшие помощники сделать это вам не дадут!

— Почему так считаете?

— Анатолий Петрович, а разве вы в самом деле еще не в курсе, что произошло вчера на закладке силоса в траншею?

— К сожалению, нет!

— Неприятно первому сообщать о плохих вестях, но, как говорится, коли назвался груздем, так полезай в кузов! Дело в том, что назначенный вами руководителем управленческой бригады главный агроном Хохлов, после обеда прямо на рабочем месте, а именно в силосной траншее, устроил, так

сказать, с коллегами, вернее, собутыльниками, празднование своего дня рождения. Надрались так, что управляющий их по домам целый вечер на машине развозил. Стыд и срам!

Услышав эту недобрую весть, Анатолий Петрович вдруг ощутил такой жар на лице, словно по нему с оттяжкой кожаной плетью ударили. Все же нашел в себе силы более-менее спокойно спросить:

— А что вы еще хотите сказать?

— О происшедшей в траншее пьянке уже через несколько часов совхозные рабочие только и говорили!

— И что же?

— Они, как и я, прекрасно понимают, что вчерашняя организованная безответственная гулянка — это не что иное, как наглый, ничем не прикрытый вызов вам! В связи с этим, естественно, у всех возникает вопрос: как директор отреагирует — примет его или, подобно своим предшественникам, сделает вид, что ничего страшного не произошло?

— Не переживайте — приму вызов и, как смогу, отреагирую на него!

— Это хорошо! Только говорить — что по ветру листву пускать, а вот сделать задуманное по совести, да так, чтобы другим неповадно было даже подумать о плохом, — ох, сколько для этого стальной воли, кремневого терпения иметь надо! Ну, ладно, иди милый!

— Спасибо за напутствие! Я его непременно учту!

Оставшийся путь до конторы, чтобы хоть как-то сбить охватившее душу негодование, Анатолий Петрович преодолел на пределе сил. Взяв крыльцо, обратил внимание, что в кабинете главного ветеринара Олега Сергеевича Очирова, бурята из Улан-Удэ, сорокапятилетнего, низкорослого, полноватого, с кривыми ногами, с круглым, как полная луна, лицом, на котором синели узкие глаза-щелочки, а в уголках рта часто бегала то ли легкая улыбка, то ли усмешка, собрались все главные специалисты и о чем-то с похмелья лениво говорили...

Вместо того чтобы пройти в кабинет и в рабочей обстановке трезво, в присутствии председателя профкома разобраться с происшествием, Анатолий Петрович, словно влекомый какой-то высшей волей, с сильно бьющимся сердцем, с гудящим шумом в ушах от резко прихлынувшей крови, ринулся на судьбу в лоб — шумно распахнув двери, предстал перед своими заместителями так неожиданно, с таким злым огнем в глазах, что они, опешив, тотчас замолчали. На несколько секунд в кабинете повисла глубокая, давящая душу тишина — даже было отчетливо слышно жужжание мухи, бессмысленно пытавшейся сквозь оконное стекло вылететь на улицу. В это короткое время в голове Анатолия Петровича вихрем проносились мысли в поисках верного решения, но оно никак почему-то

не приходило, и тогда он, наконец, стараясь не сорваться на крик от никак не проходившего негодования и устремив пронизывающий взгляд на главного агронома, медленно, словно языком ворочал что-то тяжелое, заговорил:

— Хохлов, я думал ты порядочный человек, ответственный специалист, как никак совсем недавно сам совхозом руководил, а на поверку о тебе иначе, как о мерзавце, сказать нельзя! С Бахтиным повелся? Или сам насквозь гнилой, с душой размером с вошь? Если это так, то я ведь не его назначил руководителем силосной бригады, а именно тебя! Значит, в любом случае — нет, не перед совестью, поскольку она у людей подлых спит непробудным, дремучим сном, а по трудовому закону будешь отвечать по всей строгости! Надеюсь, меня хорошо понял?

— Понял! Но только то, что не тебе, пока еще товарищ директор, мне мораль читать! — И подойдя почти вплотную, пальцем нервно тыча своему начальнику в грудь, продолжил: — Сам ты — вошь! И, знай, мы и тебя раздавим так, что только мокрое место останется!

Последние слова Хохлова еще больше усилили и без того kloкочущий гнев в душе Анатолия Петровича. Тотчас в нем словно проснулась, многие годы дремавшая, молодецкая драчливость — и он, не помня себя, со всей силой так точно ударил заместителя в скулу, что тот, всплеснув руками, точно подбитый селезень крыльями, перелетел через стол и обязательно грохнулся бы на пол, если бы коллеги не подхватили его под мышки. Увидев непростительное дело кулака своего, Анатолий Петрович мгновенно проникся сознанием совершения серьезной ошибки, которой не может быть никакого оправдания, но почувствовал, что, накопившийся в душе гнев, словно крутая волна, стал понемногу остывать, — и он, тяжело дыша, вышел в коридор.

В горле пересохло, страшно захотелось пить, а от злости на себя за проявленную несдержанность, которая сделала его еще больше уязвимым как руководителя, хотелось еще и загнанным волком выть. Секретарша, с кем-то живо говорившая по телефону, увидев директора с пылающим лицом, одновременно со следами то ли дикой усталости, то ли острой боли — с чем именно, она никак не могла понять, — быстро положила трубку и своего начальника, уже входящего в кабинет, с тревогой, чуть слышно спросила:

— Чай пить будите?

— Извини, не понял!.. Повтори, пожалуйста! — в ответ приглушенно, словно из-за двери, прозвучал директорский голос.

— Я спросила про чай!

— Да-да, принеси!

Оставшись один, Анатолий Петрович залпом выпил горячий свежесваренный напиток, молча принесенный секретаршей, и, переосмыслив свой никуда не годный поступок, задался вопросом: «Что же делать дальше?» В попытке ответить на него невольно стал думать: «Если следовать моему правилу, то надо пойти и извиниться перед Хохловым. И я это без колебания сделал бы! Но ведь он, на самом деле, получил лишь немного от того, что в полной мере заслужил. Подумать только — в самый разгар кормозаготовительных работ, когда если не день, то неделя точно год кормит, преследуя подлые цели, на глазах рабочих, своих подчиненных, устроил самую настоящую пьянку, чем потерял всякое моральное право руководить ими и запятнал позором весь управленческий аппарат! Из любых правил есть исключения — вчерашнее происшествие, являющееся вызовом не только мне, но в моем лице и всему трудовому коллективу хозяйства, и без того пользующегося недоброй репутацией, подтверждает это и говорит лишь об одном: надо и дальше, конечно, без всякого распускания рук, давить на зарвавшихся заместителей, ибо в противном случае они меня сами точно, как вошь, раздавят...» От этой мысли-ответа на свой вопрос на душе стало легче, словно после долгих скитаний во тьме впереди вдруг забрезжил спасительный свет, и Анатолий Петрович дал указание секретарше срочно собрать расширенное совещание — с приглашением всех руководителей среднего звена.

Вскоре кабинет полностью заполнился — явился даже Хохлов с заметно припухшей скулой, скромно сел у самой двери, опустив глаза. «Ага! — подумал Анатолий Петрович. — Все-таки поняли товарищи главные специалисты, которые ну совсем мне, к сожалению, пока не являются товарищами, что я играть в поддавки с ними никоим образом не намерен. И выходит, снова оказалась права мой, можно сказать, земной ангел-хранитель — Клара Исааковна Усман, как-то в разговоре в качестве наставления сказавшая, что, если люди по каким-то причинам, от тебя не зависящим, не хотят уважать, то пусть боятся! Конечно, это к заместителям неприемлемо, но коли вначале нельзя иначе, то пусть будет так, а дальше — посмотрим...» И вслух как можно тверже произнес:

— Ни для кого из вас, приглашенных на совещание, не секрет, что произошло вчера в силосной траншее, поэтому сразу строго заявляю: терпеть подобные вопиющие факты нарушения трудовой дисциплины не собираюсь. Каждый, не понявший этих слов, будет мной жестко наказываться! В подтверждение этого объявляю всем участникам пьянки вчерашний день прогулом! А конкретным наказанием за него, поскольку для многих выговор все равно, что слону дробина, будет стопроцентное лишение квартальной, а значит, согласно трудовому положению, согласованному

с профкомом и утвержденному приказом директора, и годовой премии в полном объеме! Вопросы есть?

— Есть! — тотчас выступил Бахтин. — А не слишком ли круто, словно с места в карьер, берете?

— А это уж позвольте мне самому решать в рамках директорской власти! — ответил не без вызова Анатолий Петрович и закрыл совещание.

В самом конце рабочего дня позвонил начальник сельхозуправления. Поздоровавшись, начал разговор издалека:

— Заготовка кормов, если судить по сводкам, то вот-вот должна войти в график! Это хорошо! А как семейные дела?..

— Владимир Андреевич, извините, но вы же мне не с этой доброй целью позвонили, — вместо ответа несколько нервно сказал Анатолий Петрович, — а о моем рукоприкладстве! Так вот, опережая вас, скажу сразу, что о своем ну совсем неверном поступке сожалею, но в то же время ничуть в нем не раскаиваюсь!

— Как это?! Или ты не даешь себе отчет?!

— Даю! Но, повторяю, хоть режьте на куски, не раскаиваюсь — и все!

— В таком случае я должен тебе сообщить, что Хохлов намерен подать заявление в милицию. Свидетелей у него, сам знаешь, — больше, чем надо, чтобы привлечь тебя к ответственности, вплоть до уголовной!

— Пусть подает, если кишка тонка! Я и этот вызов приму!

На несколько секунд Пак замолчал, потом, хорошо зная упрямый характер Анатолия Петровича, примирительно проговорил:

— Что ж — оставайся при своем мнении! Но, прежде чем лететь в Якутск на обкомовское утверждение, зайди ко мне — разговор есть!

— Непременно!

— Вот и хорошо!

Между тем, контора опустела, лишь в приемной секретарша продолжала, как дятел по дереву, стучать на печатной машинке. В кабинетной тишине было ясно слышен каждый железно-бумажный звук. Он казался таким однообразным, что Анатолию Петровичу невольно подумалось: «Сколько же надо иметь терпения, чтобы день за днем, лишь с небольшими перерывами, делать одно и то же дело? Значит, несколько дел, одновременно совершаемых, могут в одночасье запросто лечь непосильным, словно гранитная глыба, бременем на душу, придавить ее — и она или от боли, или от удушья в крик закричит! Не произошло ли нечто подобное со мной утром — и я вовсе не от гнева, а оттого, что надел на себя, образно говоря, тулуп явно с большего плеча и шапку ну совсем не своего размера, как бы враз обессилел — и в слепом отчаянии, забыв о последствиях, ударил Хохлова?.. Как же будет мучительно горько сознавать верность моего предположения, эх!»

Тем не менее, Анатолий Петрович домой, в сгущающихся сумерках, спустившихся с темных, словно недовольно насупленных небес, где одна за другой серебряно вспыхивали звезды, как лампочки новогодней гирлянды, вернулся, словно ничего сверхъестественного на работе не произошло. Как всегда, помывшись, нежно улыбнулся жене и, будто неделю не ел, набросился на ужин. Утолив голод, прошел в гостиную, сел в кресло, откинулся на спинку, ноги вытянул, руки безвольно скрестил на животе и закрыл глаза. Таким образом он привык снимать накопившуюся за день психологическую и физическую усталость. Но едва Мария, стараясь не шуметь, на цыпочках стала проходить мимо него, он поймал ее за руку, притянул к себе, усадил на колени.

— Ой, а я думала, что ты вздремнул! — воскликнула она.

— И правда, хотел, да вдруг вспомнил, что не предупредил тебя о завтрашней поездке в Якутск, по словам Пака, для соблюдения чисто формальных протокольных процедур, связанных с моим назначением! Оказывается, в самом деле должность директора совхоза относится к республиканской кадровой прерогативе. Вот так-то! Гордись!..

— Так я только это и делаю! — засмеялась Мария. — А меня с собой в столицу возьмешь, скажем, в качестве секретаря?!

— Возьму, милая, возьму! Как же я без тебя!..

— Как здорово! — от радости чуть не захлопала в ладоши, словно девчонка-школьница с аккуратно заплетенными косичками, Мария. — Я первым делом навещу своего доброго знакомого!

— Это какого же? — враз до звона напрягаясь душой, будто струна, ревниво спросил Анатолий Петрович.

Увидев, как чуть ли ни мгновенно натянулась кожа на острых скулах мужа, Мария поспешила его успокоить:

— Да начальника кадров республиканского управления «Сельхозхимии». Кого же еще?! — И, чтобы окончательно успокоить мужа, добавила: — Он тебе как раз в отцы годится! А мне за все время летней практики столько по-отцовски доброго сделал!.. Я благодаря общению с ним более-менее сносно пережила разлуку с домом!.. Если хочешь, то я вас познакомлю, тем более что он тебя заочно знает!

— Я не против, если, конечно, время позволит!

На минуту-другую в гостиной установилась тишина, только ясно был слышен цокающий ход настенных часов, да где-то под полом, в углу, словно наперегонки, шумно бегали мыши. Каждый из супругов задумался о чем-то своем: Анатолий Петрович вновь некстати вспомнил Хохлова, увидел его припухшую скулу, словно наяву услышал его угрозы — и на душе стало не то чтобы тоскливо, но как-то неуютно, скорее всего, от со-

знания невозможности исправить свою ошибку, связанную с его горячей от природы натурой, и значит — остается только один путь — вперед! Но он же — ох, как не прост, труден, ох, как буквально выстлан острыми шипами, так и норовящими проткнуть кожу до крови... Но, может быть, только этим и интересен для настоящего мужчины.

А Мария уже в мыслях пролетела по воздуху тысячу километров до якутской столицы — и уютно сидела в кабинете своего ангела-хранителя, такого доброго, отзывчивого, убеленного сединой и умудренного долгой северной суровой жизнью, вела с ним задушевную беседу, в которой вспоминала о днях, проведенных на летней практике. При этом она так светло, нет, лучезарно улыбалась, что со стороны могло показаться: во всем мире нет счастливее ее человека. Наконец она, спустившись с мысленных небес, вдруг спросила мужа:

— Дорогой, а почему ты никогда не назовешь меня просто Машей или еще ласковей — Машенькой, как это всегда в родительском доме делала мать, да и отец тоже?

— Знаешь, — ответил Анатолий Петрович, — я как-то совсем не задумывался над тем, как к тебе обращаться! Наверно, это связано с тем, что ты носишь мое самое любимое женское имя. Для меня его произношение почему-то связано с торжественным звучанием органа, которое, кажется, возносится до самых-самых небес, где его слушают ангелы, рассевшись в задумчивости по золотистым облакам, подперев скулы руками, а крылья сложив на спине. Чаще всего это происходит, когда исполняется бессмертная музыка таких великих композиторов, как Бах, Шопен, Моцарт. Вот послушай сама, как твое имя действительно прекрасно звучит! — и по слогам, нараспев, с искрящимися глазами Анатолий Петрович словно душой несколько раз выдохнул: — «Ма-ри-я... Ма-ри-я... Ма-ри-я...» — И восторженно спросил: — Не правда ли, здорово!

— И правда! Зови меня, милый, и впредь так, как тебе нравится! □

Продолжение следует.

КРОВАВАЯ НОЧЬ в Дамаске

Москва. Институт

Вид у Шувалова был хуже некуда. На лице двухдневная щетина, под левым глазом, который обращен к водителю, кровоподтек, брюки смялись до состояния тряпки, а куртка разорвана в двух местах.

Водитель посматривал на него подозрительно, но Шувалов, сидя с важным видом, спокойно назвал адрес института, всей душой надеясь, что Лиза на месте. Когда подъехали, он попросил встать подальше от фонаря и позаимствовал у водителя мобильный телефон, пообещав:

— Заплачу за все.

Тот, поколебавшись, протянул трубку, и Шувалов дрожащими от усталости и напряжения пальцами набрал номер.

— Где ты? Я уже думала, тебя нет, все морги обзвонила! — услышав его голос, воскликнула Лиза.

— Я рядом. Выйди с деньгами. Мне заплатить нечем, — коротко проговорил он.

Через пару минут Лиза выбежала из ворот в распахнутом пальто. Шувалов вылез, стараясь держаться в тени, чтобы охранники не увидели

Окончание. Начало в №10, 2016 г.

его лицо, и она крепко обняла его. Щеки у нее были мокрые — то ли от слез, то ли от моросившего дождя.

— Что ты со мной делаешь? Как же ты мог пропасть? Не позвонив, не дав о себе знать... Что я должна была думать после смерти Алика? Я решила, что кто-то и с тобой расправился...

— Слышь, кореш, мне пора, — показалась из машины голова водителя.

Шувалов со смущенным видом попросил Лизу:

— У меня с собой ни копейки... Будь добра, надо заплатить водителю.

— Какие глупости, возьми, сколько надо, — с готовностью раскрыла она сумку.

Когда «Москвич» растворился в темноте, Лиза, вытерев слезы, попросила:

— Теперь ты, наконец, объяснишь, где пропадал, и что вообще происходит?

— Именно это я и хотел сделать. Можешь как-нибудь провести меня в институт?

— Разумеется, сейчас выпишу тебе пропуск, — немного удивленно ответила она.

— У меня нет ни паспорта, ни вообще никаких документов, — обрисовал ситуацию Шувалов.

— Тогда не знаю, как это сделать, — задумалась Лиза.

— Твою машину проверяют?

— Конечно, нет!

— А у тебя по-прежнему «ауди» с темными стеклами?

Лиза вернулась в институт и минут через десять выехала на своей машине. Шувалов, успевший основательно промокнуть под усилившимся дождем, с наслаждением расположился на переднем сиденье дорогого авто и коротко пересказал ей все, что происходило с ним в последние дни.

— Значит, этот следователь грозился меня арестовать? — переспросила Лиза.

— Он прокурор, — заметил Шувалов.

— Они не посмеют! К тому же есть человек, который не позволит им это сделать.

— Ты уверена?

— Стоит ему только слово сказать, они подожмут хвосты, и мы больше никогда о них не услышим, — с гордым видом кивнула она и добавила: — В девять меняется караул у ворот, я могу смело возвращаться, новая смена, увидев меня, не удивится, в последнее время я часто приезжаю поздно вечером. А ты ложись на заднем сиденье, стекла темные, так что они ничего не увидят. Да и смотреть не станут.

Притормозив у ворот, Лиза кивнула охранникам, немедленно открывшим ворота, въехала на территорию института и загнала машину в подземный гараж. На лифте они поднялись на директорский этаж. Теперь Лиза могла хорошенько его разглядеть.

— Тебе необходимо принять душ и переодеться, — покачала она головой. — Я дам тебе белье и одежду Каримова. Он хранил здесь запасной комплект.

После знакомства с тюремной камерой Шувалов стал значительно менее брезгливым. Он подхватил стопку хорошо выглаженного и приятно пахнущего белья и отправился в комнату отдыха...

А вот с едой у Лизы оказалось хуже, чем с одеждой. Чая с печеньем было в избытке, бананы и персики тоже нашлись. Но из настоящей еды обнаружили только два бутерброда с засохшей икрой, оставшиеся от вчерашнего приема гостей. Шувалов не любил икры, но бутерброды проглотил в один присест.

— И что ты намерен предпринять? — поинтересовалась Лиза.

Он посмотрел на часы, отбивавшие время в углу просторного кабинета, — времени у них было максимум до утра.

— Какие эксперименты проходят в спецблоке? Что ты о них знаешь?

Лизин ответ разочаровал его.

— Ничего не знаю, меня туда не допускали. Всем занимались Каримов и Усманов. Вернее, Каримов вел дела с военными, а Усманов самостоятельно руководит лабораторией. Он нелюдим, общества избегает.

— А пройти в спецблок можно?

Сначала Лиза твердо ответила «нет», потом задумалась. Прошла в тот угол, где стоял сейф, и открыла его. Из внутреннего отделения вытащила связку ключей, лист бумаги и неуверенно произнесла:

— Попробуем. Это ключи Каримова и его личные коды доступа в любое помещение института. Если только их не отменили.

Не отменили.

Они спустились на нижний этаж. Лиза, глядя в бумажку и шевеля губами, набрала пять цифр, и дверь открылась. Они оказались в большой лаборатории, где Шувалов не увидел ничего интересного.

— Что здесь еще есть? — осведомился он.

— Посмотрим. Я тоже в первый раз.

Они прошли через анфиладу одинаковых лабораторий. Лиза включала свет. Шувалов обводил глазами ряды столов с неизвестными ему приборами и посудой для опытов, и они двигались дальше.

— Здесь, видимо, кабинет Усманова, — предположила Лиза, когда они оказались в комнате с письменным столом и большим шкафом.

Стол был девственно чист. Зато в углу красовался сейф высотой в человеческий рост. Шувалов вопросительно посмотрел на Лизу.

— Доступа к личным сейфам не было и у Каримова, — развела она руками.

Шувалов подергал ящики письменного стола. Все, как один, были заперты.

— Только дипломаты и разведчики так старательно прячут свои бумаги, — разочарованно проговорил он. — Что еще здесь есть?

— Мы все обошли, — ответила Лиза.

Шувалов в этом сильно сомневался. Он, не отрываясь, смотрел на стену рядом с книжным шкафом, в деревянные панели которой была аккуратно врезана дверь.

— Тут нужен ключ, — сказал он Лизе.

Она протянула ему увесистую связку. Шувалов методично перебрал все, пока один — с затейливыми бороздками — не начал поворачиваться.

Они вошли в приемную и увидели еще одну дверь. Здесь уже был стандартный для всего института цифровой замок. Следуя шпаргалке из сейфа Каримова, пришлось перебрать множество вариантов, прежде чем дверь поддалась.

Большой зал напомнил Шувалову комнату отдыха для караульной службы. Зал был разделен невысокими ширмами на отсеки, в каждом — кровать и столик. Три кровати были заняты. Завернувшись в одеяла, там спали трое мужчин.

— У вас тут что, профилакторий для ветеранов института или комната отдыха охраны? — невольно понизив голос, спросил он. — Может, вы кого-то лечите?

— Нет, — уверенно ответила Лиза. — У нас научно-исследовательский институт. Лечебная деятельность не предусмотрена, тем более в стационаре. У нас работают биологи, химики, а медиков, как таковых, нет.

— Ты заметила, что они не стрижены и не бриты?

— Да. И что?

— Это означает, что они здесь давно. — Шувалов без стеснения откинул одеяло у одного из спящих: — И ногти какие длинные! Я не знаю, сколько же надо пролежать, чтобы отросли такие ногти.

— Может, их привезли в таком виде? — выдвинула свою версию Лиза.

— Что-то не похоже, — покачал головой Шувалов. — Все чистенькие, ухоженные, пахнет от них хорошо. Белье на них свежее.

К голове и телу каждого из спящих были присоединены датчики. Посмотрев на мониторы, Лиза заметила, что пульс и артериальное давление у всех отличные.

— Надо, конечно, проверить их мозговую активность, но на первый взгляд они здоровы, — констатировала она.

Шувалов заглянул в столик рядом с кроватью. Оказалось, что внутри маленький холодильник, до отказа набитый картонными упаковками с соком и готовой едой. Он вытащил несколько упаковок, прочитал рекомендации.

— Что это? — спросила Лиза.

— Соки и молочные смеси. Пища для младенцев, а питаются этим вполне взрослые люди.

— Знаешь, что я подумала? — совсем не удивилась Лиза. — Наверное, профессор Усманов положил здесь участников своих экспериментов и лечит их глубоким сном. Есть такая методика. А еду подобрал такую, чтобы желудок не раздражать. Может, они радиации нахватались?

Они говорили уже в полный голос, но ни один из троих не проснулся. Только спавший с левого края плотный мужчина с крупными чертами лица повернулся на другой бок и сладко зевнул. Крепыш показался Шувалову знакомым. Он подошел поближе, внимательно всмотрелся в него и, повернувшись к Лизе, предложил:

— Давай вернемся к тебе.

Они поднялись на директорский этаж. Лиза открыла свой кабинет, и Шувалов сразу спросил:

— Где у тебя «вертушка»? — Он имел в виду аппарат телефонной правительственной связи.

Лиза указала на приставной столик.

Шувалов сел в директорское кресло и, взявшись за трубку аппарата с российским гербом, набрал пятизначный номер. Трубку сняли на втором гудке.

— Приемная заместителя министра обороны, — пророкотал мощный бас. — Дежурный — полковник...

— Когда будет Щипачев? — небрежно спросил Шувалов, зная, что именно так говорит по телефону высокое начальство.

— Генерал-полковник в командировке, — ответил дежурный.

— Вернется...

— Через неделю.

— Благодарю, — сказал Шувалов и, повесив трубку, повернулся к Лизе:

— У тебя в подвале сладко спит заместитель министра обороны по вооружению генерал-полковник Щипачев, который на данный момент числится он в командировке. Кстати, он редкий счастливец. Летал вместе с прежним министром в Дамаск и единственный остался в живых. Многие полагали, что именно он станет новым министром, но президент назначил другого.

— Не может быть! — с сомнением посмотрела на него Лиза. — Ты обознался.

Шувалов обогнул стол, взял с журнального столика пачку свежей прессы, быстро просмотрел ее и развернул перед Лизой газетный лист. «Красная звезда» на первой полосе поместила интервью с заместителем министра по вооружению.

— Похож, — согласилась Лиза. — Может, у него есть брат-двойник?

— Прочитай! Корреспондент пишет, что заместитель министра воспитывался в детском доме. Родители погибли, из всей семьи он остался один. Ни братьев, ни сестер.

— А что он у нас делает? — наивно спросила она.

— Позвони своему профессору Усманову, — вместо ответа предложил Шувалов. — Посмотрим, что произойдет.

Лиза, не колеблясь ни секунды, достала из сумочки записную книжку, заглянула в нее и набрала номер. Профессор, вероятно, уже спал и ответил не сразу. Лиза извинилась за поздний звонок и спросила Усманова в лоб:

— У нас в лабораторном помещении спят какие-то люди. Кто они, профессор? И почему мне о них ничего не известно?

Шувалов не слышал, что сказал разбуженный профессор, но лицо Лизы сохраняло маску вежливого интереса.

— Хорошо, — ответила она и, положив трубку, произнесла: — Сейчас приедет.

Шувалов кивнул.

— Мне смертельно хочется спать, — потянулась Лиза. — Не возражаешь, если я подремлю, пока он едет?

Она ушла в комнату отдыха, а Шувалов позвонил Валерке Лебедеву. Заместитель директора Федеральной службы безопасности уже уехал с Лубянки, но «вертушка» была у него и на даче.

Лебедева интересовало только одно:

— Ты уверен, что это заместитель министра обороны Щипачев? Ни с кем не спутал? У него внешность самая обычная. Ты, наверное, устал. У тебя галлюцинации, а?

— Приезжай — увидишь. Советую поторопиться, а то другие приедут раньше.

— Позвонил бы мне первому, — бросил в трубку Лебедев и отключился.

На самом деле все действующие лица появились в институте примерно одновременно.

Майор Осадчий, конечно же, успел раньше всех. Его автоматчики ворвались в директорский кабинет, как в оборонительную точку врага. Двое схватили Шувалова, двое вытащили из комнаты отдыха ошеломленную Лизу.

Вслед за Осадчим появился неизменный военный прокурор Горинович, который придерживал под руку немолодого человека с восточными чертами лица. Шувалов предположил, что это и есть профессор Усманов. Горинович разыграл свою роль, как по нотам. У него нашлись и ордера на арест — теперь уже два. Близоруко прищурившись, он объявил Шувалову:

— Я задерживаю вас. Одно обвинение — прежнее, соучастие в убийстве. К нему добавилось новое — побег из-под стражи. Тут уж вам не выкрутиться. — Затем повернулся к Лизе: — Вы — Каримова Елизавета Ивановна?

Она кивнула.

— Вы арестованы по обвинению в соучастии убийства вашего мужа, — произнес Горинович и приказал Осадчему: — Наденьте на них наручники и уведите.

Майор Осадчий только этого и ждал. Еще никогда Шувалов не видел майора таким довольным. Но миг торжества оказался кратким. В директорский кабинет без предупреждения ворвались новые игроки, и картина радикально изменилась.

Лебедева окружало два десятка вооруженных бойцов весьма угрожающего вида. Располагая численным перевесом, он высокомерно поинтересовался у Гориновича:

— Что здесь происходит?

— В соответствии с указанием главного военного прокурора, я задержал соучастников убийства заместителя министра здравоохранения Каримова, — четко доложил Горинович. — Следствие располагает неопровержимыми доказательствами их вины. Гражданин Шувалов к тому же бежал из-под стражи. Надеюсь, вы не намерены помешать проведению следственных действий?

Глядя на Лебедева, нетрудно было предположить, что он намерен сделать именно это.

— В соответствии с указанием директора Федеральной службы безопасности, — не менее громко произнес он, — я должен доставить этих людей на допрос к нам в Следственное управление. На всякий случай предупреждаю, что меня сопровождает группа физической защиты ФСБ.

— У вас есть ордер? — растерялся Горинович, не ожидавший увидеть заместителя директора ФСБ.

— Да, мы получили ордер в Генеральной прокуратуре. Больше того, у меня есть ордер на обыск в здании института, — объявил Лебедев и пристально посмотрел на майора Осадчего: — Не очень понимаю, что вы здесь делаете? Неужели это место вашей службы? Прошу всех посторонних

немедленно покинуть здание! — Он вдруг повернулся к профессору и добавил: — К вам это не относится. Вы мне понадобится для объяснений. Готовьтесь к откровенному разговору, профессор. Предупреждаю, что ваша дальнейшая судьба зависит от степени вашей откровенности.

Майор Осадчий, оценив соотношение сил, хладнокровно пожал плечами и вышел первым. Вслед за ним кабинет покинули его автоматчики. Последним удалился посрамленный Горинович.

Профессор Усманов по инерции сделал шаг к двери, но один из чекистов аккуратно придержал его за локоть.

— Нет-нет, профессор! — преувеличенно оживленно обратился к нему Лебедев. — Не покидайте нас. Не представляете себе, как мне хочется познакомиться с вами поближе. Мы горим желанием узнать, какие такие интересные опыты вы проводите в спецблоке, кто там у вас лечится и от чего... Начнем с имен. Назовите тех, кто сейчас там находится.

Профессор молчал, его смуглое лицо побелело.

— Не хотите разговаривать по-дружески, я вас допрошу официально, — предупредил Лебедев. — Сейчас я осмотрю спецблок, и все вместе поедем на Лубянку.

Он повернулся к Лизе:

— Выдайте нам, пожалуйста, ключи и коды. У нас есть, конечно, специалисты на все руки. Но я не хотел бы начать знакомство с вашим загадочным институтом со взлома.

Лиза вновь открыла сейф и передала одному из чекистов ключи и бумажку с кодами, после чего молча отошла в сторону и встала рядом с Шуваловым.

— Мы спустимся вниз, — уведомил их Лебедев.

Шувалов сделал шаг вперед, но он остановил его:

— Нет-нет, в твоей помощи, Виташа, мы уже не нуждаемся. Вы уж тут отдыхайте вместе с Елизаветой Ивановной, расслабляйтесь. А для компании оставлю вам пару ребят.

— Валера, — начал Шувалов.

— Я вам не Валера, — с неожиданной злостью в голосе произнес Лебедев. — Вы, я вижу, не понимаете ситуации. Рекомендую вам держать себя скромнее. А вы, профессор, — повернулся он к Усманову, — пойдите с нами, будете нашим экскурсоводом.

Профессор, который не сказал ни одного слова, неуверенно потоптался и вдруг бросился к полуоткрытой балконной двери. Никто не успел его остановить. Да присутствующим и в голову не могло прийти, что он решил покончить с собой. Усманов рванул на себя дверь, вы-

скочил на балкон, перевалился через поручень и с диким криком бросился вниз.

Лиза охнула и опустилась на кресло. На Лебедева словно столбняк нашел. Чекисты переглянулись, не зная, что предпринять. Старший схватился за рацию, приказал оставшимся на улице:

— Посмотрите, что с ним! Живой?..

В рации затрещало, но привычное ухо уловило отрицательный ответ. Он поднял глаза на Лебедева и покачал головой.

Тот плюхнулся на директорское кресло и схватился за трубку «вертушки». Прежде чем набрать номер, рявкнул:

— Прошу всех выйти!

Шувалов и Лиза устроились в приемной, где чекисты включили свет и заодно телевизор. Показывали трансляцию хоккейного матча, и они сгруппировались у экрана.

Лизу била крупная дрожь.

— Не могу поверить! — повторяла она. — Зачем он это сделал? Чего так испугался? Он же не совершил ничего противозаконного. Пусть даже что-то и нарушил, зачем же лишать себя жизни?..

Тут в приемную выглянул Лебедев. Он вновь был бодр и энергичен, как человек, получивший от начальства ясные указания.

— Где личный сейф Усманова? — спросил у Лизы.

— Внизу, в спецблоке.

— У вас есть ключи от него?

— Нет.

Лебедев подозвал к себе старшего из чекистов:

— Звони в департамент, пусть пришлют мастера. Немедленно! Объясни: это мой личный приказ. — И повернулся к Лизе: — Спустимся вниз. Покажете, где сейф. И вообще пора познакомиться с тем, что там происходит. А то мне такие истории про ваше заведение рассказывают — волосы дыбом встают.

Шувалов взял Лизу за руку, показывая, что не оставит ее одну. Лебедев секунду колебался, но после самоубийства Усманова все же не стал возражать, и они направились в подземную лабораторию.

Все было, как в прошлый раз. Только почему-то повсюду горел яркий свет. И кровати опустели. Еще недавно сладко спавшие на них мужчины исчезли. Лебедев устремился напрямик к сейфу. Мастер по вскрытию сейфов не понадобился, профессорский сейф был открыт. Широко распахнутая дверца демонстрировала его вызывающую пустоту.

— Осадчий! — с нескрываемой злобой констатировал Лебедев. — И когда только успел?

Впервые за последние несколько дней Шувалов попал домой. Оказалось, что совсем неплохо оказаться в собственной квартире, где тобой никто не командует и никто за тобой не следит.

Но вот, что плохо, — это резкий телефонный звонок, возвращающий к реальной жизни со всем ее несовершенством. И не подойти нельзя — вдруг что-то важное?

— Слушай, — послышался в трубке голос майора Осадчего. — Ты, наверное, знаешь, что я забрал из института все, что там было.

— И всех, — добавил Шувалов для точности.

— Верно, — весело согласился Осадчий. — Раз ты такой шустрый парень, что все знаешь, то я тебе кое-что расскажу. Забрал я все, что было. Но не все, что нужно. Не хватает самых главных документов. Без них никуда. А я твердо знаю от покойника Усманова, что документы были. И сейчас существуют. Вопрос — где они?

— Не знаю, — искренне ответил Шувалов.

— А я не к тебе обращаюсь. — Осадчий был на редкость покладистым. — Я думаю, что документы хранил у себя Каримов, и вдова его тоже знает, где эти документы. Вариантов два. Или я спрашиваю Лизу, где они, или ты.

— Твоя манера беседовать с женщинами мне не нравится, — признался Шувалов.

— Так я и не настаиваю. Ради бога, спроси сам... Мы же можем договориться. Рассуди по-деловому. Ты получишь не те гроши, за которые продал домик, а ровно в десять раз больше. Понял? В десять раз больше! Ты таких денег в жизни не видел! Бумаги сразу меняю на деньги. В любом удобном месте. Безопасность гарантирую. Но времени могу дать только сутки... Да, и последнее. Если материалы отдашь кому-то другому, я Лизу убью. Ты мне веришь? — Осадчий не стал ждать ответа и повесил трубку.

Но помимо майора еще кто-то желал поговорить с Шуваловым. Этим «кто-то» оказался Валерка Лебедев. Потеряв профессора Усманова, он опять стал ласковым и любезным.

— Ты, вот что, — мягко проговорил он, — садись-ка в свой шикарный лимузин и приезжай ко мне.

— У меня нет машины, — признался Шувалов.

— Господи, даже на машину не нажил... Ладно, посылаю тебе транспорт. Вместе с водителем приедет мой человек, он тебя проводит. Документ какой-нибудь имей. Паспорт, я надеюсь, ты уже получил?

Лебедев встретил Шувалова у двери, отвел его в угол кабинета, подале от письменного стола и массивной приставной тумбы с телефонами, и произнес:

— Виташа, я слишком поздно узнал о том, что происходит вокруг института. Я должен объяснить тебе, что стоит за всем, чему ты был свидетелем. Институт Каримова, по закрытому постановлению правительства, работал на военных, поэтому он оказался вне нашего контроля. — Лебедев говорил очень тихо, чуть шевеля губами, но Шувалов не пропустил ни одного его слова. — У нас появились оперативные данные о том, что эксперименты в институте вышли за рамки потребностей Министерства обороны. Но точные данные мы получили недавно. Каримов проводил эксперименты на людях. Запрещенные эксперименты. В бумагах значилось испытание препаратов, снимающих боль. Ну, на случай военных действий. А в реальности с помощью специальных методик из этих людей делали убийц... В этом году профессор Усманов впервые добился успеха, и тогда организаторы этих экспериментов стали избавляться от тех, кто им больше не нужен. Поэтому убили Каримова. Они захотели напрямую управлять этой фабрикой по созданию убийц. Зарезали Каримова, еще какую-то женщину и собирались спрятать концы в воду, но твое присутствие спутало им карты.

— Мне кажется, тебя ввели в заблуждение, — прервал его Шувалов. — Я же тебе говорил, что видел троих пациентов в спецблоке. Одним из них был заместитель министра обороны Щипачев. Это же нелепо — превращать замминистра в киллера.

— Я поручил проверить твой рассказ о Щипачеве, — ответил Лебедев и, вернувшись к столу, нажал кнопку переговорного устройства.

— Слушаю, Валерий Семенович, — донеслось из динамика, — добрый день, какие будут указания?

— Ты выяснил, где Щипачев из Минобороны?

— Так точно, Валерий Семенович. Он полтора месяца был на Кольском полуострове на испытаниях. А когда прилетел, его положили в госпиталь. Инфекционное заболевание. Лежит в боксе.

Лебедев повернулся к Шувалову:

— Как видишь, местонахождение генерала известно. Не может такой человек просто исчезнуть и валяться на койке в каримовском институте. Думаю, что ты просто обознался. Принял за Щипачева другого человека.

Шувалов пожал плечами. На зрительную память он не жаловался и остался при своем мнении.

— Так вот, я не закончил, — спохватился Лебедев. — У нас есть веские основания полагать, что организаторы всех этих экспериментов готовятся к антиконституционным действиям. Это хитрые и умелые люди. У нас

есть оперативная информация, вызывающая беспокойство на самом вер-ху. Вполне возможно, что кто-то из пациентов спецблока попытается убить президента.

— И вы не в состоянии защитить президента?!

— Мы не знаем возможностей людей, которые прошли через спецблок каримовского института, — осторожно ответил Лебедев. — А вдруг они обрели какие-то сверхъестественные способности? Люди Осадчего следо-вали за убийцей неотступно. Они получили приказ уничтожить его сразу по-сле убийства Каримова, чтобы не оставлять следов. Но в какой-то момент едва его не потеряли. Он бросился в реку, с которой только что лед сошел, переплыл ее и на берегу голыми руками убил спецназовца, который его об-наружил. Переоделся в его одежду и побежал к ресторану. Кто на такое способен? Нормальный человек это сделать не в состоянии... У нашего пре-зидента прекрасная охрана, может быть, лучшая в мире. Но как его уберечь от того, что невозможно предугадать? Нужно узнать, кто прошел через спец-блок, и кто этим руководил. Предположения у нас есть. А доказательств нет... Мы все находимся в подвешенном состоянии. И тебя Осадчий не оста-вит в покое. Как, кстати, и твою Лизу. Виташа, ты должен нам помочь. По-мочь президенту, стране. Лиза не может не знать, где Каримов хранил се-кретные институтские документы. Найдем документы — обезвредим убийц, которые где-то бродят, и спасем страну, бог знает, от каких неприятностей.

Шувалов сразу почему-то подумал о том, что есть, есть одно место, где Каримов мог прятать свои документы. У него на даче, ведь Алик попросил пожить там, пока искал клиентов для продажи дачного домика, и Шувалов охотно согласился...

Подмосковье. Дача

Утром Шувалов сразу отправился на Ярославский вокзал. Ближайшая электричка на Сергиев Посад отходила через сорок минут, которые он провел в сторонке, укрывшись раскрытой газетой...

На третьей после Пушкино остановке он вышел и двинулся в сторону по-селка. Приблизившись к своему домику, он увидел зеленый забор, и сердце екнуло. Ворота были новые — Каримов постарался. На них висел замок, но это Шувалова никогда не смущало. Убедившись, что его никто не видит, он легко перемахнул через невысокий забор и пошел по дорожке, выло-женной битым кирпичом.

Дом стоял в глубине участка, под вековыми соснами. На обеих дверях — парадной и черной — также красовались замки. Но Шувалов знал, что

одна ставня не запирается, а окошко там без шпингалета... Он залез в дом через окно. Ввернул пробки, лежавшие на полочке, и включил в доме свет. Холодно было смертельно, поэтому соображать следовало быстро. Дом Шувалов знал, как свои пять пальцев. Если Каримов хранил свои бу маги здесь, то он должен их найти.

Осмотр начал с ящиков стола в большой комнате, где они с Таней обедали. Пошарил в маленькой комнатке, где, судя по новой мебели, си барит и гедонист Каримов валялся на диване, затем в шкафу с журналами и книгами, но там тоже ничего интересного не обнаружилось. Прошел в прихожую и откинул люк, который вел в небольшой погреб, где в ста родавние времена, еще при родителях, хранились продукты. Погреб был пуст.

Шувалов ходил из комнаты в комнату, пытаясь представить себе, куда же Каримов мог засунуть то, что не предназначалось для чужих глаз. И вдруг сообразил.

Как-то он, под настроение, поведал Каримову, как в детстве, когда дом ремонтировали, обнаружил, что над чуланом есть небольшое простран ство, сдвинул доски, залез туда, и его два часа не могли найти. Родители бегали по всему дому, а он сидел на чердаке, счастливый. Когда слез, то получил хорошую трепку. Доски тогда старательно приколотили. Но не намертво. Если их поддеть в нужном месте...

Шувалов поставил лесенку и, вооружившись топориком, полез вверх. Оторвал две доски, заглянул внутрь: там лежал небольшой чемоданчик, какие в их доме раньше не водились. Конечно, это имущество Каримо ва. Он спустил вниз чемоданчик и приколотил доски на прежнее место. Ему не терпелось посмотреть содержимое чемодана, но в доме он ри сковал заработать воспаление легких, поэтому так же через окно по кинул дом.

Впоследствии он никому не расскажет, что документы, за которыми охотились разные спецслужбы, он читал в пустом станционном буфете.

Предусмотрительный был Алик Каримов. Все сделал, как надо. При прятал документы, как говорят чиновники, высшей категории секрет ности. Думал, тем самым обезопасил себя. Гарантировал безбедную старость.

И чем ему это помогло?

История оказалась долгой. Запутанной. В каком-то смысле фантасти ческой.

Но самое поразительное состояло в том, что на чердаке собственной да чи Шувалов действительно нашел ответ на вопрос, который больше всего волновал президента: кто предатель?

Гюнтеру Валле предложили принять участие в акции по добыванию денег для боевых групп халифата. Деньги боевикам были нужны. Он поехал с ними в Лондон. Надеялись захватить посла Объединенных Арабских Эмиратов и обменять его на сорок миллионов долларов. Богатейшее в мире государство, торговавшее нефтью, свободно могло заплатить такой выкуп.

Две недели с утра до вечера они вели наблюдение за посольством и тщательно охраняемой резиденцией посла. Но за две недели им только два раза удалось увидеть в лицо посла и его двух телохранителей. От плана пришлось отказаться.

Гюнтер вернулся в Германию. В лесу возле Франкфурта-на-Майне он встретился с Дитером Рольником и Петрой Вагнер, только что вернувшейся из Ливана. Они сидели на траве и курили. Петра очень спешила. Сразу спросила Гюнтера, не пора ли и ему взяться за настоящее дело.

— Я только что из Ракки, — рассказала она. — Положение тяжелое. Они в кольце врагов. Против них затеяна настоящая война. Богатые арабские государства совершенно не помогают. Надо заставить их участвовать в создании халифата.

— Что ты предлагаешь? — спросил Гюнтер.

— Не я, Дитер и Салим. У них идея — захватить всех нефтяных министров, — не без гордости в голосе ответила Петра. — В Бейруте соберутся министры из Организации стран — экспортеров нефти. И заставить их заплатить за свое освобождение в фонд халифата.

Рольник лежал на траве, смотрел в небо и молчал. Петра сильно изменилась с тех пор, как они виделись в последний раз после убийства судьи Конто. Она провела несколько месяцев в тренировочном лагере, похудела и закалилась.

Идея сногшибательная! Правда, Гюнтер полагал, что план не выполним, но это не имело никакого значения. Ему сделали новый паспорт. Он уложил дорожную сумку и поехал на поезде в Цюрих. Из Швейцарии они вместе с Фрицем и Петрой полетели на Кипр и договорились, что каждый снимет себе по номеру, только в разных гостиницах. Но за завтраком в гостиничном кафе Гюнтер с удивлением увидел Фрица.

Он поселился в той же гостинице, потому что в другом отеле не оказалось свободных мест. Сделали вид, что не знают друг друга. После завтрака бродили по городу. И кто же вышел им навстречу из греховно дорогого магазина — сам Дитер Рольник. Они вернулись в гостиницу, чтобы поговорить о деле. План у Рольника был грандиозный. Группа захватывает министров и требует от ливанских властей каждый час зачитывать по радио

манифест о величии халифата, обращенный ко всему миру. Потом ливанцы предоставляют авиалайнер, на котором они облетают одну за другой все страны, входящие в Организацию экспортеров нефти.

— И по одному освобождаем нефтяных министров, — пояснил Рольник. — Но только после того, как его правительство делает заявление о поддержке халифата.

Если требования не будут выполнены, два министра будут немедленно расстреляны — иракский и иранский: оба шииты. Для операции мы получим от наших друзей два автомата, шесть пистолетов, восемь ручных гранат и достаточное количество взрывчатки вместе с запалами. Кроме того, мы будем хорошо знать, как выглядит здание изнутри, систему охраны и так далее.

Я хочу объяснить вам правила поведения с заложниками. Кто окажет сопротивление, будет убит на месте. Кто не выполнит наши приказы, будет расстрелян. Если кто-то попытается бежать, стрелять немедленно. Если кто-то впадет в истерику и начнет визжать — расстрелять. А если кто-то из членов команды не подчинится моим приказам или не выполнит своего задания, я его сам расстреляю.

И тут Гюнтер сорвался. По его мнению, было слишком много стрельбы. Он почти закричал на Рольника:

— Разве ты не понимаешь, что оружием можно не только убивать, но и ранить? Я не убийца и не собираюсь им становиться! Я не буду стрелять в того, у кого начнется истерика. И если иначе невозможно, то можешь вычеркнуть меня из списка!

— В здании будет сто с лишним человек, многие вооружены — полиция и охранники министров, — разозлился Рольник. — Если кто-то из них не подчинится нашим приказам и попытается сопротивляться, его придется пристрелить. Иначе они нас убьют. Твои слова — это просто чушь. Все, что нам предстоит сделать, это не убийство, а необходимость. Мы ведем войну, а в войне приходится убивать, если хочешь победить.

Гюнтер остался при своем мнении, он не станет этим заниматься, хватит с него бессмысленной смерти судьи Конто, и решил про себя, что, если кто-то выстрелит, он выстрелит в ответ, но постарается ранить, а не убить.

Когда Дитер Рольник вышел из номера, молчавший до этого Фриц попытался успокоить Гюнтера:

— Послушай, мы, конечно же, не убийцы. Не надо воспринимать все, что говорит Дитер, так буквально. Ты единственный, кого он не мог проверить в тренировочном лагере. У него свои способы разбираться в людях. Они, правда, несколько своеобразны, но если это полезно для дела, то что тут возразишь?..

После совещания у заместителя начальника управления нелегальной разведки генерал Калганов жестом подозвал полковника Козлова из ближневосточного отдела:

— Виктор Петрович, присядьте. Мы пришли к общему выводу, что на встрече министров стран-экспортеров нефти разумным будет участие наших наблюдателей.

Сидевшие рядом кадровики повернулись в сторону Козлова. Две пары глаз в очках уставились на полковника.

— Мы знаем, что вы едете в Бейрут по другой линии, — скрипучим голосом добавил Калганов. — Но совещание нефтяных министров не менее важно. Они приглашают дипломатов, так что наш посол пойдет обязательно. Он получит инструкцию из МИДа, правда, будет исполнять чисто протокольные функции, а там нужен сильный аналитик, знающий арабский язык и ситуацию в Сирии, так что вам целесообразно пойти вместе с ним.

Козлову вручили билет и командировочные. Он заказал машину, которая должна была отвезти его в аэропорт, отправил телеграмму в резидентуру.

Первый, кого Виктор Козлов увидел в Бейруте, был его старый знакомый Ахмед Шараф из сирийской разведки.

В Москве он считался постоянным подопечным Козлова. Когда Шараф приезжал, Козлову поручали возиться с ним: встретить, повозить по городу, переводить, кормить и поить. Веселый, компанейский Шараф нравился Козлову, но последний год он его не видел, видимо, сириец утратил интерес к поездкам в Москву.

Сейчас Ахмед Шараф встречал вовсе не его, а человека, которого Виктор Козлов сразу узнал. Это был Самир Кунтар, один из самых заметных боевиков шиитской организации Хезболла, которая пришла на помощь правительству Башара аль-Асада. Самира, человека с богатым прошлым, в узких кругах называли маньяком. Шараф обнял его и пригласил в ожидавший их лимузин с затемненными стеклами.

Встреча с сирийцами уже заканчивалась, когда Козлова вызвали с совещания и попросили позвонить в российское посольство. Дежурный сказал, что посол просит его приехать. В кабинете с длинным столом для заседаний кроме самого посла сидел еще и широко улыбавшийся полковник Олег Виленович Червонцев, исполнявший обязанности резидента в соседней Сирии.

Олега Козлов помнил по институту международных отношений. Червонцев был младше его на два курса. Перед распределением Олег, который приехал в Москву из Астрахани и жил в общежитии, женился на дочери

сотрудника КГБ и сам попал в это ведомство. Начал в контрразведке, но добился перевода в разведку, получил полковничьи погоны и первую же вакантную должность заместителя резидента в Сирии.

Окна в кабинете посла были наглухо закрыты металлическими шторами — по соображениям безопасности. Даже в ясный солнечный день приходилось включать свет.

— Садись, Виктор, — сказал посол Козлову, — попьем чаю и поедем на встречу к нефтяным министрам.

— Встреча начнется ровно через час, — уточнил пунктуальный Червонцев. И добавил: — Рад тебя видеть, Витя.

...Все члены группы собрались еще накануне. Рольник и Салим притащили оружие в двух больших сумках. Дитер Рольник каждому присвоил номер и объяснил, что кому предстоит делать:

— Номер один — это я. Вооружение — один автомат и один пистолет. Номер два — Салим, один автомат, две ручных гранаты. Наша с ним задача — пробиться в конференц-зал и захватить министров. Номер три — Юсеф, один пистолет и взрывчатка. Он должен последовать за нами, заложить взрывчатку и подготовить все для взрыва по моему приказу. Номер четыре — Гюнтер, один пистолет и две гранаты. Он должен загнать всех, кто находится в коридоре, в конференц-зал, предварительно проверив их на наличие оружия. Когда это будет сделано, мы вместе обыщем все помещения. Номер пять — Фриц, один автомат и две гранаты. Он помогает Гюнтеру. Номер шесть — Петра, один автомат, она прикрывает вход.

Все устроились на полу, накрытом толстым ковром, и внимательно слушали Дитера. Никто не шутил, не улыбался. Несмотря на привычную браваду Рольника, все понимали, на что идут.

— Есть вопросы? — спросил Рольник. — Нет. Тогда пошли, вздремнем.

У Гюнтера не было вопросов, но была одна просьба. Он хотел, чтобы в случае тяжелого ранения, которое сделало бы его калекой, его бы немедленно застрелили. И еще Гюнтер попросил Рольника обязательно забрать раненых, даже если они будут говорить, что не перенесут дороги. Если погибать, то лучше в дороге, среди своих, чем в тюрьме. Так и было решено.

В семь утра Гюнтера разбудили и велели еще раз сходить и проверить, будут ли на заседании присутствовать министры из Ирана и Саудовской Аравии. Дождавшись приезда этих министров, Гюнтер сразу побежал назад. В отряде вовсю шла подготовка. Все снаряжение, включая автоматы и взрывчатку, надо было тащить на себе. Это был большой груз, и выглядели они странновато со своими сумками.

У входа в здание стоял полицейский в парадной форме. Он взял под козырек и пропустил группу иностранцев, приняв их за участников встречи, даже не стал требовать документы и не поинтересовался, что они с собой несут. Дитер Рольник с большими сумками в руках по-английски вежливо поздоровался с ним, и боевики беспрепятственно прошли внутрь.

Российского посла Вавилова и полковника Козлова, который поехал вместе с ним, сопровождали три машины, набитые полицейскими. Не сбавляя скорости на поворотах, машины вырвались из города и доставили их в старинный особняк для важных встреч.

В вестибюле посла и Козлова сердечно приветствовал аль-Халиль, который работал в Министерстве иностранных дел. Аль-Халиль был частым гостем российского посольства. Отношениями с ним в посольстве дорожили, щедро угощали водкой и икрой, потому что через него можно было без проволочек получить важную информацию, которая в расколотовой стране была на вес золота.

— Замечательно выглядишь, Виктор! — Аль-Халиль хлопнул Козлова по плечу, демонстрируя окружающим высокую степень личных отношений с высокопоставленным русским. — В Москве столько перемен, один ты не меняешься.

Внизу у лестницы толпились журналисты. Дитер Рольник любезно осведомился у них, началось ли заседание. Они ответили утвердительно. Тогда он деловито расстегнул молнию на своей спортивной сумке и вытащил автомат. Это было сигналом к началу операции. Боевики достали оружие и бросились вверх по лестнице.

Первые выстрелы прозвучали почти сразу же — возле лифтов, где действовала Петра. Стоявшие у лифта люди не спешили подчиниться ее приказу, и она, не раздумывая, нажала на спусковой крючок. Несколько человек рухнули на пол. Двое или трое из них были убиты.

Гюнтер сбросил пальто и надел маску. Выстрелы раздались и в конференц-зале. Безоружный ливиец бросился на Рольника. Дитер выстрелил ему в плечо, а потом, разозлившись, вогнал в раненого ливийца весь магазин.

Гюнтер занялся теми, кто стоял в фойе. Там оставалось человек семь-восемь. Одна женщина с кем-то говорила по телефону. Мужчин он стволом пистолета отогнал в угол, а женщине приказал бросить аппарат на пол и поднять руки. Испуганные выстрелами мужчины сгрудились в углу, но с женщиной вышла незадача.

Ему никак не удавалось втолковать этой молодой смуглой даме с надменным взглядом, что сейчас не время звонить по телефону, она никак не желала этого понять. Фриц куда-то исчез, и ему приходилось одним глазом следить за мужчинами, а другим за говорливой дамой. Она совершен-

но не испугалась нападения и продолжала себе названивать кому-то по телефону.

Гюнтер стоял перед ней и не знал, что ему делать. Он почувствовал, как в нем закипает ненависть — еще минута, и выстрелит в нее. И тогда он выпустил магазин в потолок. Сверху посыпались осколки разбитых плафонов. Звон стекла подействовал на даму, она испуганно отскочила и присоединилась к остальным.

Гюнтер потратил на нее почти минуту. За это время его самого могли преспокойно застрелить, ведь он еще не проверил, есть ли у них оружие. Вспомнив свои скудные познания в английском языке, он скомандовал:

— Снять пиджаки! — и пистолетным стволом указал на противоположную стену.

Один за другим мужчины выходили вперед и снимали пиджаки. Удостоверившись, что оружия нет, Гюнтер по одному стал запускать их в конференц-зал. Краем глаза он вдруг заметил, что какой-то мужчина пытается улизнуть, медленно отступая с поднятыми руками в сторону выхода, но решил для себя, что не станет ему мешать: пусть уходит, заложников и так предостаточно.

Но в этот самый момент у входа появилась Петра Вагнер, возбужденная первой пролитой кровью. Она поступила на редкость глупо. Увидев, что человек пытается бежать, вместо того чтобы прицелиться с безопасного расстояния, она ткнула в него пистолетом и приказала вернуться в здание. Но тот не растерялся и из отступления мгновенно перешел в наступление. Ловко схватил Петру, не давая ей выстрелить, и потащил ее к выходу.

Гюнтер бросился к ним и услышал выстрелы. Петра все-таки сумела выстрелить буквально в упор. Мужчина рухнул, и она упала вместе с ним. Гюнтер увидел, что мужчина был вооружен. Пиджак задрался, и стала видна наплечная кобура с матово блестящей рукояткой пистолета. Он нагнулся и вытащил у него пистолет из кобуры, недоумевая, почему тот не пустил в ход оружие.

Виктор Козлов стоял с поднятыми руками и с ужасом наблюдал за происходящим. Посла Вавилова как почетного гостя сразу провели в зал заседаний, захваченный террористами, а Козлов и аль-Халиль задержались в фойе, и здесь их прихватили. Смелчак аль-Халиль решил бежать, чтобы вызвать подмогу...

Козлов увидел лужу крови на лестнице и голову аль-Халиля посреди этой лужи. Ливанец был еще жив и страшно хрипел...

Тем временем Гюнтер поспешно загнал всех в конференц-зал и вместе с Фрицем занял оборону у закрытых дверей. Теперь следовало подождать, пока власти не вступят с ними в переговоры, чтобы узнать, чего, собственно,

они хотят. Террористы контролировали все подходы к конференц-залу, и профессионалы должны были понять, что освободить заложников силой будет не просто.

И тут в здании появились четверо бравых молодцов в стальных касках и с автоматами в руках. Они вошли в здание и озирались. У Гюнтера было три возможности: он мог расстрелять их из укрытия, потому что пуленепробиваемые жилеты не спасают от прямого попадания, мог забросать их ручными гранатами или просто отступить.

Он предпочел отодвинуться за колонну. В эту минуту раздались автоматные очереди. Стреляли полицейские. Зачем они это делали, было непонятно. Прорваться к заложникам они не могли: без ручных гранат им здесь нечего было делать, а бросать гранаты им не разрешалось — чтобы не задеть заложников. Но и стрелять им тоже не следовало. Автоматные пули летели во все стороны, и если хотя бы одна залетела в конференц-зал, Рольник сразу бы отдал приказ взорвать здание, решив, что Гюнтер и Фриц уже убиты. То, что у террористов, захвативших здание, могут быть гранаты, видимо, не приходило полицейским в голову, иначе они бы вели себя осмотрительнее. Но они продолжали поливать коридоры огнем, и все кончилось тем, что Гюнтер получил рикошетом пулю в живот.

Он выпустил пистолет из рук, вытащил рубашку из брюк и осмотрел рану. Это была не дырка, а, скорее, щель, кровь пока не шла. Он отступил к кухне и показал рану Фрицу.

— На помощь, Дитер! — сразу заорал тот.

А полицейские продолжали палить во все стороны, будто им приказали снести здание до основания. Рольник выскочил, оценил обстановку, что-то прорычал Фрицу и опять исчез в конференц-зале. Фриц равнодушно швырнул в фойе одну за другой две гранаты. Свет погас, и в головах полицейских, наконец-то, прояснилось. Прекратилась бессмысленная пальба, полиция вступила в переговоры.

Один из нефтяных министров, врач по профессии, наскоро осмотрел Гюнтера. Рольник спросил министра, сможет ли раненый уйти из здания на своих ногах.

— Нет, — твердо ответил министр. — Ему нужна операция, и как можно скорее. Пока что не давайте ему ни есть, ни пить.

Рольник приказал Гюнтеру сидеть в конференц-зале и охранять заложников. Но тот начал слабеть, его мучила ужасная жажда. Когда он почти потерял сознание, Рольник забрал у него бумажник и оружие, сказал:

— Иди!

Гюнтер, покачиваясь, вышел в фойе. Там совершенно открыто стояли полицейские, как будто ожидая, чтобы их кто-нибудь пристрелил. Поли-

цейский офицер спросил его, не заложник ли он. Гюнтер помотал головой. Он сел прямо на пол, натянул пиджак на голову и перестал отвечать на вопросы. Он еще увидел, что несут носилки, и окончательно вырубился. Во время рентгеновского обследования он на короткое время пришел в себя. Какие-то типы снимали с него отпечатки пальцев, а он не давался.

Врачи связались с Рольником и сказали, что раненый не переживет перелета, поэтому они не дают согласия на его транспортировку. Дитер ответил, что требует доставить Гюнтера в самолет к моменту вылета. Живым или мертвым.

Когда его привезли к самолету, он был скорее мертв, чем жив. Газеты писали, что Гюнтер не выживет. На самом деле через пять дней он поднялся на ноги, а еще через пять дней с него сняли швы.

Германия. Кельн. Федеральное ведомство по охране Конституции

Хайнц Риттген, начальник германской контрразведки, был спокойным и жестким человеком. Он потребовал от подчиненных заняться левыми террористами, которые стремительно меняли свои взгляды и присоединялись к неонацистам или принимали мусульманство и сотрудничали с исламскими боевыми организациями.

Его старший помощник Марион проработала с начальником почти двадцать лет. Она была старой девой, любила и почитала своего шефа. Марион позвонила начальникам двух отделов, чтобы они срочно подготовили справки.

Ровно в полдень первая справка была готова. В приемную ее принесла личный помощник начальника отдела по борьбе с правым и левым терроризмом Кристина фон Хассель. Вот уже год она трудилась в ведомстве по охране Конституции. Первый месяц осваивала новую специальность, а еще через два месяца начальник отдела, отметив ее уникальную работоспособность, преданность делу и блестящие аналитические способности, назначил ее своей помощницей.

Кристина вошла в секретариат с папкой в руках. Две секретарши с завидно прямыми спинами, сидя у компьютеров, выбивали дробь всеми десятью пальцами, прилизанный молодой человек за столиком в углу что-то записывал, прижав плечом телефонную трубку. Марион придирчиво осмотрела Кристи. Она не одобряла молодых, да ранних барышень, которые подозрительно быстро делают карьеру в чисто мужском обществе. Но придраться к Кристи было невозможно. Накрахмаленная белая блузка, идеально

выглаженная темно-синяя юбка, аккуратная стрижка, минимум косметики, очки в тонкой золотой оправе.

Марион провела ее в небольшую приемную и, оставив одну, вошла в кабинет Риттгена. Кристи присела на краешек потертого кресла, положив папку на колени. Ждать ей пришлось недолго. Из кабинета донеслись раскаты начальнического баса, дверь широко распахнулась, и в приемную вылетел багровый от гнева Хайнц Риттген:

— Я его самого вышибу из правительства! Да я этого паршивого министра знаю, как облупленного, со всеми его грязными делишками!

Вслед за начальником появилась взволнованная Марион, которая не успела предупредить шефа, что в приемной сидит посторонний человек.

— Господин директор, — остановила она Риттгена, — справка, которую вы заказывали, готова.

Хайнц Риттген повернулся в сторону Кристи, сразу успокоился и, улыбаясь, протянул руку за папкой:

— Давайте вашу справку. — Затем пригласил Кристи в свой кабинет и продолжил: — У меня есть сведения, что ставший знаменитым Гюнтер Валле на самом деле остался в Ливане. Никуда они не улетели. Они обосновались где-то в долине Бекаа. Вместе с Гюнтером там находятся и известный нам Дитер Рольник, и Петра Вагнер. Можно предположить, что они готовятся к новой акции. Мне бы не хотелось, чтобы они повторили налет у нас в стране.

Кристи слушала его очень внимательно, хотя читала те же материалы, что и Риттген. Догадалась, что ей предстоит дальняя дорога.

— В том, что сейчас происходит в Бейруте, как в Дамаске, сам черт ногу сломит, поэтому будьте крайне осторожны, — сказал Риттген. — Но при таком многообразии интересов найдутся силы, которые захотят нам помочь. Подумайте о лидере ливанских христиан Башире Амине. Для него нападение террористов на нефтяных министров, которые собрались в зоне его ответственности, — личное оскорбление. Он полон жажды мести и мечтает расквитаться со своими врагами — сирийцами. Возможно, он тот самый человек, который нам нужен. Наши интересы совпадают. Он хочет избавиться от тех, по кому плачут наши тюрьмы. Попробуйте установить с Баширом контакт.

Гордая поручением Кристи вышла в приемную, но Марион охладила ее пыл.

— Вы свободны, милочка, — холодно сказала она и распахнула перед ней дверь.

Два дня Кристи провела у родителей. Мать и отец были счастливы. Перед отъездом ей захотелось проститься с родным городом, почему-то казалось,

что она его больше никогда не увидит. Отправившись на прогулку, она остановилась на мостике через Вюрм. Под мостиком в светлой воде мелькали стаи рыбок, а вдалеке возвышались Альпы, подернутые легкой дымкой. Был прекрасный летний вечер. Кристи стояла на мосту, смотрела на голубовато-сумрачное небо над городом и думала об Алексее. Интересно, что он сейчас подделывает...

Она жила ради одного месяца в году, когда они соединялись в укромном европейском уголке, и не теряла надежды на то, что рано или поздно они смогут пожениться и жить открыто, как муж и жена.

Алексей почти всегда молчал. Но по его глазам она видела: придется потерпеть. Москва не готова позволить им жить тихой семейной жизнью.

Она, конечно же, понимала, что любовь к Алексею превратила ее в шпионку, что она работала на разведку чужой страны. Утешала себя тем, что не приносит никакого ущерба своей родине. Но главное состояло в другом. Ее любовь нисколько не угасла. Алексей был для нее мужчиной на всю жизнь. И он поклялся любить ее до смерти.

Ливан. Бейрут

Город показался Кристине пустыней. После стольких лет гражданской войны люди предпочитали лишний раз не выходить на улицу. Только дети бесстрашно играли среди бетонных развалин. В этом городе винтовка рождала власть. А винтовок было много.

Война разорвала некогда процветавший Ливан на клочки, каждый из которых превратился в самостоятельное княжество под управлением сильного человека, достаточно богатого и решительного для того, чтобы обзавестись собственной армией.

Она поселилась в сравнительно тихом отеле «Александр», где останавливались европейцы и богатые провинциальные ливанцы, приезжавшие в столицу по делам. Кристина приехала в Бейрут с корреспондентским удостоверением немецкого радио и попросила организовать ей интервью с Баширом Амином. Это оказалось не трудной задачей, вниманием иностранных корреспондентов в Ливане дорожили все.

Окольным путем она отправила письмо Алексею и через три дня услышала зашифрованный ответ по радио: любимый мужчина желал ей успеха, счастливого пути и просил быть осторожнее, пока он к ней не присоединится.

В Бейруте Кристину ждала удивительная встреча. Петра Вагнер, подруга ее детства, как ни в чем не бывало, сидела за рулем своего автомобиля и наблюдала за тем, что происходит в доме патриарха.

Кристи сразу не заметила Петру, тем более что она очень изменилась: коротко постриглась, сильно похудела и загорела дочерна. Но Петра узнала ее и тут же бросилась к ней. Она рада была увидеть знакомое лицо. Ей нужно было с кем-то поговорить. Петра увела Кристи в свою машину с помятым крылом, но с исправным кондиционером, и, не спрашивая, желают ли ее слушать, начала рассказывать о своей неразделенной любви к Гюнтеру.

После захвата нефтяных министров Гюнтер стал в арабском мире героем. Операция ничем не закончилась. Рольника заставили освободить министров, не причинив им никакого ущерба. Халифат получил значительно меньше денег, чем рассчитывал. Но имя Гюнтера с восхищением произносилось на всем арабском востоке благодаря его мужественному поведению после ранения. А вот к Петре, влюбленной в него по уши, он относился с прохладцей. Она была слишком некрасива и груба для него...

Выслушав Петру, Кристи повезла ее к себе в гостиницу. Однажды то же самое она сделала из сострадания. На сей раз она руководствовалась исключительно интересами дела. Одна из самых опасных в мире террористок готова была выплакаться ей в жилетку. Как же упустить такую возможность?

По дороге Кристи рассказала Петре, что удачно устроилась на радио, занимается международной журналистикой, хорошо зарабатывает и очень довольна жизнью.

Когда они добрались до Бейрута, наступила ночь. Гостиничный бар, где можно было получить спиртное, закрылся. Но Кристи позвонила дежурному, и тот прислал официанта с бутылкой виски, льдом и содовой и большим блюдом с очищенными и нарезанными фруктами.

Голодная Кристи глотала ломтики яблок и груш, а Петра вообще есть не стала, зато храбро поднесла стакан с виски к губам и, залпом осушив его, вдруг заплакала.

Кристи смотрела на нее с искренним сочувствием. Перед ней сидела не опасная террористка, а глубоко несчастная женщина, которая поняла, что она никому не нужна, что у нее нет и никогда не будет семьи, что природа и судьба лишили ее обычного женского счастья.

Кристи вытрясла сумочку в поисках успокоительных таблеток, но ничего не нашла. Тогда она заставила Петру дотянуть виски. Последние шесть месяцев Петра безвылазно провела в лагере, где царил сухой закон, и, с непривычки мгновенно опьянев, начала сползать со стула. Кристи помогла ей добраться до кровати.

Все было, как тогда, несколько лет назад, когда Кристи везла ее из тюрьмы. Да только сама она была теперь совсем другой. Ей нужно было, чтобы Петра заговорила, и она стала расспрашивать ее о жизни, друзьях,

планах. И Петра разговорилась, рассказала все, что знала о боевиках халифата, а затем раскрыла главную тайну:

— Салим и Рольник задумали новое дело, в котором примет участие и Гюнтер.

— Где?

— В Дамаске.

Наконец Кристи оставила Петру в покое. Прикрыла ее одеялом и ушла в соседнюю комнату, чтобы хоть немного поспать. Она оставалась совершенно спокойной. Это была просто работа...

Утром Петра, у которой раскалывалась голова, решительно ничего не могла вспомнить. Кристи, напротив, помнила все, что узнала от Петры Вагнер и что следовало незамедлительно сообщить Алексею.

Москва. Ясенево

Заместитель начальника управления нелегальной разведки генерал Калганов был очень доволен последними шифровками из Бейрута:

— Кристина дает хорошую информацию. Надо ее поблагодарить. Я решил Карманову командировку в Бейрут. Кристина пробудет на Ближнем Востоке долго. Пусть порадует девушку. Она этого заслужила.

— Я категорически не согласен, — немедленно ответил полковник Федоровский.

Он непосредственно руководил работой Кристины фон Хассель и регулярно встречался с важным агентом. Правда, Кристина знала его как «Григория Константиновича». В реальности полковника звали Игорем Мокеевичем.

— Это почему же? — недовольно спросил Калганов.

— Очень опасно, — объяснил Федоровский. — Когда они встречаются в Австрии, шансы провала невелики. Но в Ливане все западные люди на виду, им совсем ни к чему показываться там вместе.

— Хорошо, — выдавил из себя Калганов. — По вашему настоянию, я отменяю распоряжение о командировке Карманова. Но вот что необходимо предпринять. В Сирии трудная оперативная обстановка. Теперь, когда мы имеем настораживающую информацию от Кристины, ее нужно умело реализовывать. Ради безопасности столь важного агента мы не можем ссылаться на ее данные в шифрпереписке с резидентурой в Дамаске. Следовательно, вам нужно самому отправиться в Дамаск. Вы один знаете, чего следует опасаться.

Когда капитану Карманову, который уже получил ливанскую визу, кадровик сообщил, что его командировка отменяется, он чуть не заплакал.

Для него это был удар. Ежегодные заграникомандировки были главным удовольствием его жизни.

А полковник Федоровский, напротив, был счастлив. Генерал Калганов думал, что унижает Федоровского, отправляя его всего лишь заместителем резидента, хотя полковник мог рассчитывать на самостоятельную должность. Но Федоровский рвался на оперативную работу, считая, что засиделся в центральном аппарате.

Сирия. Дамаск. Резидентура

Поздно вечером шифровальщик резидентуры политической разведки в Дамаске получил срочную телеграмму из Центра. Но расшифровывать не стал — на телеграмме была пометка — «только для резидента». Он знал, что советник посольства в Дамаске Олег Червонцев находится на приеме, устроенном в честь пятидесятилетия крупного банка.

В посольстве все решили, что история с захватом заложников на конференции нефтяных министров в соседнем Ливане закончилась для посла Вавилова относительно благополучно. Его выпустили с первой группой заложников, в него не стреляли, его не били. Террористы даже не знали, что среди заложников оказался российский посол.

Но ужасный день, проведенный под дулами автоматов, сломал Михаила Петровича Вавилова. Страх, который он испытал, нельзя сравнить с обычным страхом, который время от времени испытывают люди.

В тот день посол не сомневался, что его убьют. Он постоянно думал о том, как именно это произойдет. Отчетливо представлял себе, как его тело обнаружат в луже крови после того, как полиция все-таки одолеет террористов.

Полковнику Козлову пришлось еще хуже. Ему, как и другим мужчинам, завязали глаза, а это только усиливало чувство беспомощности. Каждый выстрел, крик, вопль, грохот, вообще любой шум вызывал страх. Человек не способен все это спокойно выносить. Эмоциональная система не выдерживает. И Вавилов, и Козлов вышли из этой истории тяжело больными людьми, любое напоминание о том, что тогда произошло, немедленно возвращало их в состояние животного страха, пережитого в Бейруте.

На пятый день после освобождения у Вавилова развился обширный инфаркт. Его вывезли в Москву и с почетом отправили на пенсию.

Виктор Козлов улетел на родину первым самолетом. Но к работе не вернулся. Врачи из ведомственной поликлиники, осмотрев, рекомендовали госпитализацию. Через три месяцапустили домой. Козлова пристроили в кабинет истории разведки. Для углубленных занятий далеким про-

шлым, рассудил начальник управления кадров, душевные переживания не помеха.

Олег Червонцев на приеме отвел в сторону владельца большого автомобильного магазина. Он предполагал, что в Москве уже подобрали ему замену, и вплотную занялся устройством хозяйственных дел. Присмотрел себе дорогой «мерседес» и обрабатывал владельца магазина насчет скидки. В самый ответственный момент к Червонцеву подошел официант:

— Вас срочно просят подойти к телефону.

Чертыхнувшись, Червонцев последовал за ним. В буфетной взял трубку.

— Олег Иванович, звонят из Министерства иностранных дел, хотят немедленно с вами связаться.

Он узнал голос своего шифровальщика и понял, что сегодня договорить о «мерседесе» не удастся. Срочную шифровку из Москвы следовало расшифровать самому и прочитать немедленно. Приехав на территорию посольства, Олег пошел не к себе в кабинет, а сразу наверх, в помещение резидентуры.

В телеграмме из Центра говорилось:

«В ближайшие дни следует ожидать попытки покушения на офицеров нашего советнического аппарата в сирийских войсках со стороны радикальных элементов исламистского движения. Примите меры к обеспечению их безопасности. Лично посетите Министерство обороны Сирии и попросите обеспечить наших советников дополнительной охраной. Для усиления личного состава резидентуры вводится дополнительная должность заместителя резидента».

Червонцева заинтересовала вторая часть шифровки.

Действительно еще один зам придет ему в помощь вместо Козлова, которого готовили на эту должность, и которому фатально не повезло, или же Москва под благовидным предлогом присылает будущего сменщика? Освоиться, а заодно и за ним присмотреть?

Швейцария. Женева

Дитеру Рольнику позвонили из Бейрута в тот день, когда он занимался подводным плаванием в Женевском озере.

Немецкая полиция и контрразведка были уверены, что Рольник, конечно же, давно покинул Европу. Интерпол искал его по всему миру, а он неплохо устроился в Женеве. Правда, ему сделали в Аммане щадящую пластическую операцию и снабдили новыми документами, так что он чувствовал себя вполне уверенно.

Не успел Рольник вылезти из воды, как раздался телефонный звонок.

— Дитер, это я, Салим, — услышал он, сняв трубку. — Ты нам нужен. У нас возникли некоторые проблемы. Ты можешь быстро присоединиться к нам?

Обычный гонорар Рольника составлял триста тысяч долларов, не считая оплаты всех расходов. За эти деньги он соглашался, бросив любые, даже самые важные дела, немедленно прибыть в любую точку земного шара, дабы выслушать предложение. Эти деньги какая-нибудь частная компания переводила на его счет в банке, указывая, что речь идет об оплате услуг консультанта по размещению инвестиций в странах арабского Магриба.

Салим принадлежал к числу старых соратников. Последний раз они виделись три месяца назад в Багдаде.

— Твой номер в Швейцарии не изменился? — уточнил Салим.

— Нет.

— Я могу позвонить тебе туда?

— Да.

— Ты по-прежнему можешь быстро раздобыть все необходимое снаряжение?

— Конечно.

— И, надеюсь, сам приедешь?

— Разумеется.

Через неделю, убедившись, что стандартные сто тысяч аванса поступили на его счет, Рольник прилетел на Кипр. В аэропорту Ларнака, если вез с собой очень много взрывчатки или оружия, он обычно договаривался со своими людьми, чтобы те провели его через линию таможенного контроля.

На сей раз можно было ни о чем не беспокоиться, Салим не попросил взять с собой снаряжение, и Рольник прилетел с пустыми руками.

Возле остановки такси он увидел знакомое лицо — Салим. Высокий, совершенно не похожий на араба парень, с которым они познакомились три года назад в Европе. Салим обычно выдавал себя за испанца и путешествовал с хорошо изготовленным дипломатическим паспортом по всей Европе, хотя его искала немецкая полиция и, по ее просьбе, Интерпол.

Задание не понравилось Рольнику — перебраться в Сирию, проникнуть в штаб сирийских войск и похитить одного из российских офицеров.

Сирия. Дамаск

В Сирию полковника Федоровского оформили за неделю. Труднее всего было уговорить посольство в Москве выдать ему визу быстрее установ-

ленного срока. Долго объясняли сирийцам, что российский торговый представитель должен немедленно вернуться в Москву, поэтому совершенно необходимо отправить в Дамаск замену, дабы не останавливались поставки всего необходимого Сирии.

Штат посольства был полностью укомплектован. Федоровскому подобрали единственную в тот момент вакантную должность прикрытия — заместитель торгового представителя. Ее обладателю полагался дипломатический паспорт, что имело определяющее значение для разведчика. Правда, возникла еще одна сложность — в принципе место замторгпреда обычно занимал сотрудник военной разведки.

Политическая разведка и военная давно поделили места в заграничном аппарате. Сотрудники внешней разведки обычно работали под посольской «крышей», офицеры военной разведки — в аппарате военного атташата и в консульстве. Впрочем, это не было догмой, иногда «крыши» делили и по-другому или менялись ими, что и произошло в данном случае.

Игорь Федоровский прилетел в Дамаск вечером. Просидел несколько часов в посольстве, знакомясь с коллегами. Поздно вечером его отвезли на выделенную ему квартиру. Машину ему сразу не подобрали, и Федоровский, выяснив в посольстве, кто обитает неподалеку, попросил ближайшего из соседей — корреспондента телеграфного информационного агентства Виктора Косенко — забрать его утром и отвезти на работу в посольский комплекс.

В условленное время Косенко позвонил в дверь торгпредовской квартиры. Раньше весь подъезд занимали российские граждане, но после сокращений заграничного аппарата за ними остались только две квартиры. Косенко нажал на кнопку звонка несколько раз. Федоровский не открывал. В квартире было тихо.

«Спит после вчерашнего, или, наоборот, встал рано и отправился пешком?» — недоумевал Косенко. У него была куча своих дел, и он нетерпеливо стукнул кулаком по двери, которая со скрипом распахнулась.

Незапертая дверь?.. Косенко не без колебаний переступил порог и тут же отпрянул назад...

Через полчаса взбудораженный Виктор Косенко был в посольстве. Молодой дежурный, скучавший за столиком с телефонами, обрадовался корреспонденту:

— Какие новости из Москвы, Витек?

Обычно старавшийся ладить с посольскими, Виктор не подхватил шутивого тона:

— Червонцев на месте?

Дежурный, демонстрируя легкую обиду, снял трубку внутреннего телефона, набрал номер советника по политическим вопросам.

— Не отвечает.

— Где он? У посла?

— Посол уехал к себе в резиденцию, — помявшись, ответил дежурный и добавил: — Скорее всего, Червонцев поднялся на четвертый этаж... Жди, пока спустится.

— Звони туда, — потребовал Косенко. — У меня неотложное дело.

— Ты что? — засмеялся дежурный. — Не имею права.

— Тогда я сам поднимусь, — ринулся вверх по лестнице Виктор.

— С ума сошел?! — Дежурный поднялся со стула, чтобы остановить его, но потом решил, что, если корреспонденту нужны неприятности, пусть лезет на рожон.

Четвертый этаж обширного посольского здания не был похож на три остальных. Во-первых, на четвертый этаж не поднимался лифт. Во-вторых, в длинный коридор четвертого этажа выходили только две двери. На одной была табличка с надписью «Архив», но никто из посольских за справками туда не обращался. На второй, дальней, металлической двери надписи и вовсе не было. Отсутствовала и ручка. Только глазок и отечественный звонок с облупившейся краской.

Косенко первый раз оказался на четвертом этаже. Он проскочил мимо «Архива» и, задышавшись, помчался к угловой двери. Вздурораженный, даже не заметил звонка и, толкнув дверь, влетел в большую комнату без окон.

За накрытым столом под люстрой (окна были наглухо закрыты металлическими ставнями) сидели советник посольства Червонцев, первый секретарь Вострухин, пресс-атташе Кузьмищев и шифровальщик Барабанов. Это был костяк резидентуры внешней разведки, работавшей под посольской «крышей».

Олег Червонцев исполнял обязанности резидента. Российской колонией правили двое — посол и резидент. Советник-посланник, второй по рангу в дипломатической иерархии, был человек образованный, опытный, знаток арабского языка, но трусоватый.

Увидев Косенко, Червонцев метнул злобный взгляд на Колю Барабанова, которому полагалось следить за тем, чтобы дверь в помещение резидентуры была закрыта, но сдержал себя и проговорил:

— Заходи, Сережа. Что-нибудь срочное?

— Федоровский... Игорь Мокеевич... — Косенко никак не мог отдышаться. — Дверь открыта... Я вошел, как договорились, а он лежит в прихожей. Уже холодный...

Вострухин и Кузьмищев в ошолбенении уставились на него, а Коля Барабанов прошептал:

— Убили...

Первым пришел в себя Червонцев. Он надел очки и слегка охрипшим голосом приказал:

— Едем на квартиру. Кузьмищев, бери Сережу, врача, спускайтесь и ждите нас.

Лысоватый Вострухин стал надевать пиджак, но никак не мог попасть в рукава.

— Алексей, — обратился к нему Червонцев, — диктуй Коле шифровку в Центр. Потом садитесь за аппаратуру, фиксируйте активность полиции и спецслужб.

Помещение резидентуры было оборудовано разнообразной аппаратурой, в том числе радиостанциями, настроенными на волну полиции.

— Может, оружие возьмете? — предложил Барабанов.

— Одурел совсем? — заорал Червонцев. — Ты дверь-то как мог оставить открытой? На родину раньше времени захотел?

Внизу дежурный вскочил и, увидев Червонцева, отпраповал:

— Я приказал вашу машину выкатить.

— Лопух! — гаркнул Олег. — Давай машину торгпреда!

За руль сел Кузьмищев, рядом с ним Косенко. На заднем сиденье разместились Червонцев и посольский врач, небритый, расхристаный, в джинсах. Кузьмищев сбегал за ним домой, проследил, чтобы тот захватил чемоданчик. Про внешний вид ничего не сказал, не тот случай.

Червонцев на врача даже не посмотрел, он думал о своем. Неужели Игоря Федоровского и в самом деле убили? Значит, предупреждение Центра было точным. Но кто — террористы «постарались» или тривиальная уголовщина?

Олег с тоской представил себе, сколько неприятностей его ждет. Сегодня он весь день проведет у шифровального аппарата, отвечая на запросы Центра и объясняя, почему игнорировали предупреждение о возможности террористических актов.

Москва пришлет людей, чтобы провести расследование. Заодно они захотят проверить, как работает резидентура по всем направлениям. В любом случае с него взыщут за неспособность обеспечить безопасность личного состава. Исполняющий обязанности резидента — полный хозяин у себя в резидентуре, но он и отвечает за все. Если проверяющие найдут еще какие-то недостатки, то его, вполне возможно, раньше времени отзовут в Москву.

Черт бы подрал этого Федоровского, подумал Червонцев, и дня не проработал, а столько проблем устроил!

Встречать Игоря Мокеевича Федоровского послали вчера Вострухина. Федоровский прилетел без жены, объяснил, что она присоединится к нему попозже, когда завершит дачный сезон и сдаст внуков молодежи.

Отдыхать после дороги он не захотел, оставил вещи в квартире и двинул сразу в посольство. Федоровский был назначен заместителем резидента, и часок они с Червонцевым поговорили наедине, придя к выводу, что сработаются. Звание у них было одинаковое — оба полковники.

— Ты на меня можешь положиться, не отдыхать приехал, — сказал Федоровский. — Столько лет в Центре штаны просиживал, соскучился по оперативной работе. Все, что хочу, это повкалывать напоследок всласть. Последняя командировка, надо выложиться, потом будет что вспомнить.

О том, что ему, ко всему прочему, предстоит самому напрямую работать с немкой Кристиной фон Хассель, он Червонцеву не сказал. Чем меньше людей знает о ценнейшем агенте, тем лучше. И разговор о ее информации относительно возможного теракта в Дамаске он оставил на следующий день. И вот...

Кузьмищев дважды объехал вокруг дома, где поселили Федоровского. Полиции видно не было. Червонцев, врач и Косенко вышли у подъезда, Кузьмищев откатил машину на стоянку и присоединился к ним.

Поднялись на лифте. Червонцев тщательно осмотрел коврик перед дверью, замок — никаких следов взлома. Полковник Федоровский лежал в прихожей лицом вниз, неловко подложив под себя правую руку. Он был полностью одет, только пиджак валялся на полу рядом с двумя старыми чемоданами.

Червонцев и Кузьмищев осмотрели квартиру — постель не расстелена, платяной шкаф пуст.

— Распаковаться не успел, — заметил Червонцев.

Посольский врач, присев на корточки, склонился над телом и попросил:

— Помогите его перевернуть.

Увидев искаженное лицо покойника, Косенко отвернулся, а потом вслед за Червонцевым и Кузьмищевым прошел на кухню. Кузьмищев закурил, и сигаретный дым перебил все запахи. Олег распахнул холодильник — не включен, чайник, оставшийся от предыдущего хозяина, покрыт слоем пыли.

— И чаю не успел попить, — пробормотал Кузьмищев.

Из ванной вышел врач, вытирая руки носовым платком, и Червонцев кивнул в сторону выхода, мол, поговорим за дверью, здесь могут быть подслушивающие устройства. Все отправились на лестничную площадку.

— Умер ночью. Диагноз у меня сомнений не вызывает, — доложил врач. — Острая сердечная недостаточность.

— Ты на сто процентов уверен? — переспросил Олег.

— На сто двадцать, — подтвердил врач.

— Вызывайте полицию, оформляйте, как положено, — быстро проговорил Червонцев и, забыв о лифте, устремился вниз по лестнице. Утренний кошмар кончился. Игорь Мокеевич Федоровский умер от счастья. Сердце не выдержало. Слишком долго ждал, когда ему вновь разрешат вербовать.

Итак, никаких убийств, никаких чрезвычайных происшествий, никаких проблем. Кроме отправки трупа на родину. Шифровка с предупреждением о возможном теракте отошла на задний план. Олег сел в торгпредовскую машину и вернулся в посольство.

Дамаск. Гостиница. Номер профессора Усманова

В субботу утром в Дамаск прилетел профессор Усманов. Он сразу позвонил Олегу Виленовичу Червонцеву. В Москве полковник часто обращался за помощью к Усманову. Случаются медицинские проблемы, о которых не всякому врачу расскажешь. Лысый и толстый Усманов обзавелся большой клиентурой в первую очередь благодаря готовности помочь в самой щекотливой ситуации и привычке помалкивать. Даже самым близким людям он не рассказывал о бедах и несчастьях своих пациентов, среди которых были весьма высокопоставленные люди.

— Профессор, дружище, страшно рад тебя слышать! — пророкотал в трубку довольный Червонцев. — Ты надолго?

— Нет, я на конференцию. Отпустили всего на пару дней. Я могу тебя увидеть?

— Конечно.

— Как ты? Есть проблемы? Как себя чувствуешь? — поинтересовался профессор.

— Это не телефонный разговор.

— Хорошо, хорошо, — согласился Усманов. — Приезжай ко мне в отель. Жду тебя вечером, поужинаем. Есть хорошие бутылки, какие ты любишь.

Червонцев отпустил водителя возле гостиницы и сказал, что позвонит в гараж, когда понадобится машина. Профессор уже ждал его.

— Садись, поужинаем. А то я час хожу вокруг стола, измучился.

Усманов ел с аппетитом и рассказывал новости. Он словно не замечал мрачного настроения Червонцева, хмуро смотревшего в тарелку. После четвертой порции неразбавленного бурбона со льдом Олег немного расслабился, чувствуя себя в компании старого друга спокойно и надежно.

— Что мне делать? — вдруг спросил он.

— Ты болен, Олег? — забеспокоился Усманов.

— Я здоров, — нетерпеливо отмахнулся Червонцев. — У меня серьезные неприятности. У большого начальства вырос на меня «зуб», а своему непосредственному руководителю я никогда не нравился. Только и ждут повода, чтобы избавиться от меня.

— Может быть, ты преувеличиваешь? У нас у всех бывают неприятности. На то и начальство, чтобы портить настроение.

— Ты-то что в этом понимаешь? — пробормотал Олег. — Ты сам себе начальник, что хочешь, то и делаешь. А я чувствую, как они на меня давят, сволочи, хотят, чтобы я ушел. Кто-то зарится на мое кресло.

— А с чего они на тебя так взъелись?

— Я для них чужой, — ответил Червонцев. — У нас служба делится на кланы. Они мирились с моим существованием, пока наш клан имел влияние. А теперь наших почти никого не осталось. Кто ушел, кто на пенсии. Они почувствовали себя увереннее и хотят посадить на мое место своего человека, удобного, послушного.

— Может быть, тебе уйти самому? — предложил Усманов. — Черт с ними со всеми!

— А что я буду делать?

— Займешься бизнесом, с твоими-то связями. Зарабатывать будешь значительно лучше.

— Это занятие не по мне, — покачал головой Олег. — И вообще я не намерен облегчать им жизнь. Я буду сражаться до конца! Они еще пожалеют, что связались со мной.

— Мне все равно кажется, что незачем тебе тратить силы на борьбу с ними, — стоял на своем профессор. — Лучше заранее поищи «запасной аэродром» и уходи сам. Сейчас тебе везде будут рады. Увольняйся, найдем тебе место в хорошем банке. И пошли их всех к черту!

Но Олег и слушать не хотел старого друга.

— Нет, и еще раз нет, и перестань спорить, Все. Больше об этом говорить не будем.

Несколько минут они молчали.

— Вообще-то мне пора ехать, — посмотрел на часы Червонцев. — Я вызову машину.

— Приезжай завтра с утра. Позавтракаем, еще поговорим, — предложил Усманов.

— Хороший ты парень. Таких друзей, как ты, у меня уже не осталось, — похлопал его по плечу Олег и ушел.

Проводив его, профессор отправился в ванную комнату, умылся на сон грядущий, почистил зубы, но раздеваться не стал, он ждал телефонного звонка. Ему позвонили ровно в два часа ночи. Усманов снял трубку и, не дослушав, сразу же ее повесил.

Через три минуты он вышел на улицу. На перекрестке его ждала машина с двумя пассажирами. Номера были заляпаны грязью. Один из пассажиров предусмотрительно распахнул перед ним дверцу. Профессор сел в машину, но они никуда не поехали. Разговор в машине продолжался полчаса. После этого Усманов быстрым шагом отправился домой. Сон с него как рукой сняло. В своей комнате он разделся и лег, но заснул, когда уже рассвело.

Олег, как и договаривались, приехал к завтраку. Усманов заказал еду в номер. Червонцев выпил три чашки черного, без сахара, кофе и безостановочно курил.

— Дать тебе таблетку? — спросил профессор, сочувственно глядя на него. — Похмелье — болезнь серьезная.

Олег отрицательно мотнул головой, он собирался сразу же уехать.

— Побудь у меня, отдохни. Здесь к тебе никто не станет приставать с разными глупостями, — предложил ему Усманов.

Червонцев вяло согласился. Он с полчаса посидел с газетой в руках, потом прилег на диван и не заметил, как уснул. Профессор тоже задремал. К обеду оба приободрились. На столе появилась новая бутылка бурбона, и Олег ожил. После третьей рюмки Усманов заявил, что собирается серьезно поговорить со старым другом.

— Послушай, Олег, я всю ночь думал над тем, что ты мне рассказал. Я очень переживаю из-за того, что ты оказался в такой ситуации. В общем, ты прав, они не дадут тебе спокойно жить и работать. Что-то надо решать. Я сейчас скажу тебе одну важную вещь, а ты не спеши с ответом, не торопись говорить «нет». — Он посмотрел Червонцеву прямо в глаза и тихим голосом добавил: — Олег, ты никогда не думал о том, что есть место, где тебе всегда были бы рады? Не считаешь, что тебе следует поговорить с людьми, представляющими здесь оппозицию?

Червонцев резким движением руки отодвинул от себя чашку с кофе и выскочил из-за стола:

— Ты с ума сошел! Что ты несешь? Я для этих людей враг «номер один». И они мои враги. Я же и занимаюсь тем, что помогаю власти их уничтожать. О чем мне с ними говорить: упростите мою жизнь, перестаньте засылать своих людей?

— Олег, я ничего не понимаю в твоих делах, — прервал его профессор. — Но ты подумай о другом. Если сумеешь чего-то добиться в контактах с оппозицией, твое положение на службе только укрепитя. Личный успех тебе сейчас не повредит.

— Ты несешь чепуху, — остановил его Червонцев. — Я больше ничего не хочу об этом слышать!

— Ну, смотри, дело твое, — сбавил тон Усманов. — Я всего лишь врач. Олег щедро плеснул себе бурбона, со стаканом в руке несколько раз прошелся по комнате и подсел к Усманову:

— А ты кого-то знаешь?

— Конечно, — ответил профессор, — я знаю двоих или троих видных людей. Они врачи и священнослужители. Очень набожные, серьезные и авторитетные люди. Я, в отличие от тебя, политикой не занимаюсь. Но очевидно, что нынешний режим долго не продержится. Все равно вам придется устанавливать с ними отношения. Разумнее это сделать заранее.

— Наверное, ты прав, — рассеянно проговорил Червонцев. — Во всяком случае, терять мне нечего. И ты мог бы устроить встречу?

— Нет ничего проще, — облегченно вздохнул Усманов. — Они могут приехать сюда, или я тебя к ним отвезу.

Дамаск. Конспиративная квартира

Усманов доставил Олега к какому-то многоэтажному дому.

— Здесь живет мой хороший знакомый, — пояснил он. — Мы познакомились в Саудовской Аравии на конгрессе.

На старом скрипучем лифте поднялись на шестой этаж. Дверь открыли сразу же, едва он нажал кнопку звонка. Симпатичный седовласый человек в светлом костюме широко улыбнулся и сделал приглашающий жест:

— Дорогой профессор, страшно рад вас видеть! Заходите!

— Это мой старый друг, — представил Олега Усманов.

Червонцев был одарен столь же широкой улыбкой.

— Меня зовут Абд аль-Хаким, — сказал мужчина.

Мог бы этого и не делать, так как они были знакомы. Подполковник Абд аль-Хаким служил в сирийской разведке и хорошо говорил по-русски.

Встреча с ним произвела на Червонцева гнетущее впечатление. Если уж офицеры разведки переходят на сторону оппозиции, значит, решение правильное. В Москве оценят, если он первым установит рабочие контакты с будущими хозяевами страны.

Квартира с высокими потолками показалась ему старомодной и необжитой.

— Прошу к столу, — пригласил Абд аль-Хаким, — у наших русских друзей мы научились тому, что все разговоры надо вести за едой и хорошей выпивкой.

В большой комнате, увешанной старинными картинами, Червонцев увидел умело накрытый гигантский круглый стол. Чревоугодник Усманов

радостно потер руки. Такие деликатесы даже он не мог себе позволить. Червонцев обратил внимание на батарею бутылок. Там был его любимый бурбон, но некоторые этикетки он видел впервые. Абд аль-Хаким выбрал украшенную медалями бутылку:

— Это французский коньяк двадцатилетней выдержки. Крайне советую попробовать, — и широким жестом разлил коньяк по рюмкам.

Абд аль-Хаким оказался очаровательным собеседником. Он умело рассказывал безумно смешные истории, при этом бдительно следил за тем, чтобы тарелки гостей не пустовали.

Профессор Усманов с удовольствием вкушал разнообразные блюда, но время от времени незаметно поглядывал на часы.

— Друзья, простите меня, но я должен вас ненадолго покинуть, — вдруг сказал он, вскакивая с места.

— Куда ты? — удивленно спросил Олег. — А как же я?

— Не беспокойся, я вернусь за тобой, — пообещал Усманов, надевая пиджак. — Мне нужно уехать примерно на час, а потом я доставлю тебя домой.

Он вышел из квартиры, но никуда не уехал. На лестничной площадке его ожидали два человека, которых он давно знал.

— Ну, как? — спросили они.

— Честно говоря, не знаю, — пожал плечами профессор. — Он уже сильно пьян. Смотрите, чтобы не перебрал, а то просто отключится.

Его провели в соседнюю квартиру, где ему предстояло ждать, пока не завершится разговор с Червонцевым.

А Олег тем временем чувствовал себя, как дома, и причиной тому были не только коньяк и бурбон. Давно уже он не слышал столько комплиментов в свой адрес.

Когда Усманов ушел, к Абд аль-Хакиму присоединился высокопоставленный сотрудник разведотдела главного управления безопасности Ахмед Шараф, который тоже оказался замечательным собеседником и так же свободно говорил по-русски.

Коллеги, оказывается, были прекрасно осведомлены о Червонцеве и высоко ценили его способности.

— Вам бы и быть начальником разведки, Олег, с вашим-то опытом, — заметил Ахмед Шараф.

— Я готов работать у такого директора, — немедленно отреагировал Абд аль-Хаким, который пил с Червонцевым наравне.

— Хорошая мысль, — согласился Олег. Приятно, черт подери, быть среди людей, которые способны оценить тебя по достоинству.

— Политики приходят и уходят, — продолжал Абд аль-Хаким. — Не это главное. Главное — это то, что мы с вами, русские и сирийцы, были и оста-

емся друзьями и союзниками. И мы должны неустанно размышлять над тем, как сохранить эти отношения.

— Так что, Олег, — громко и четко добавил Ахмед Шараф, — вы готовы нам помочь в борьбе за подлинно народную Сирию?

— Конечно, — кивнул Червонцев, чья рука никак не могла подцепить ломтик лимона. Эти замечательные люди ему так понравились, что он был готов на все. — Да я вообще лучше у вас останусь, — заплетающимся языком предложил он. — Не хочу возвращаться к своим идиотам, они мне надоели.

Хозяева переглянулись.

— Выпьем за нашего русского друга, — провозгласил Абд аль-Хаким.

Это была последняя рюмка, которую в тот вечер осушил Червонцев. Он настолько опьянел, что перестал что-либо воспринимать.

— Перестарались, — горестно констатировал Ахмед Шараф, убедившись, что Олег Червонцев уже ничего не понимает. — А говорили, что он способен выпить значительно больше

— Выпил бы, если бы ему ничего не подмешали в питье, — напомнил Абд аль-Хаким. — Что будем делать?

— Доложим руководству, — пробормотал Ахмед Шараф. — Для того начальство и существует, чтобы решать.

Абд аль-Хаким чуть заметно пожал плечами и вышел в соседнюю комнату. Свою миссию он выполнил, хотя и без особого удовольствия. В сирийской разведке у него была слава одного из лучших вербовщиков. Когда-то он гордился своими талантами. Но в последнее время завербованные им люди вызывали у него, скорее, презрение. Разве платные агенты заслуживают уважения?

Он позвонил человеку, который ждал звонка и сразу снял трубку. Услышав отчет, разозлился:

— Зачем вы его напоили? Что теперь с ним делать?

— Надо немедленно отправлять его назад, пока его не начали искать, — хладнокровно ответил Абд аль-Хаким. — Профессор здесь и ждет.

— Русский дал согласие работать с нами?

— Нет. Но он сказал, что желает остаться с нами...

— Пьяный разговор к делу не пришьешь.

— У нас есть магнитофонная запись разговора, и мы теперь можем держать его в руках, — с энтузиазмом ответил Абд аль-Хаким. — Никуда он не денется. Он будет на нас работать. Если мы предадим гласности его слова...

Пока решалась его судьба, Червонцев храпел на кожаном диване в маленькой комнате возле кухни. С него заботливо сняли пиджак и галстук.

Усманов, увидев своего друга, пришел в ужас:

— Что вы натворили?! Я должен обязательно вернуть его назад. А он в таком состоянии! Что будет, когда его увидят?

Ахмед Шараф, с презрением глядя на спящего Олега, распорядился:

— Отнесите его в машину!

Сирийцы снесли сладко спящего Червонцева вниз и уложили на заднем сиденье. Усманов сел рядом с водителем. Они ехали по ночному Дамаску, притормаживая на перекрестках и сворачивая в нужных местах, но он смотрел на дорогу невидящими глазами. Слезы текли по его полному лицу, а он их даже не замечал...

Ливан. Бейрут

Кристи нашла лидера ливанских христиан Башира Амина очень красивым. Особенно замечательны были его темные восточные глаза, от которых трудно было оторваться. Он легко завязал разговор и беседовал с ней совершенно непринужденно. Кристина с интересом смотрела на Башира. Она многое о нем знала, прочитав в своем служебном кабинете в Кельне все, что о нем было написано.

У Башира с детства был неукротимый характер. В школе ему трудно было спокойно сидеть за партой. В юности он мог запросто унижить и ударить человека. С годами стал разумнее, научился сдерживать себя, старался не повышать голоса. Он начинал войну против исламистов всего с пятьюдесятью бойцами, но очень скоро старшее поколение христианских лидеров признало его способность быть лидером.

Беседы Кристи с Баширом Амином затягивались иногда до полуночи. В комнату заглядывали озабоченные помощники и намекали шефу, что пора идти. Башир целовал Кристи руки и приказывал отвезти ее в гостиницу на своей машине и с охраной.

Накануне их очередной встречи Башир Амин распорядился убить своего соперника Тони Франжье. Посланные люди уничтожили в доме Франжье все живое, включая горничную, шофера и собаку.

Кланы Франжье и Амина, христиане-марониты, воевали между собой, хотя раньше вместе сражались против ливанских шиитов и сирийцев. Они убивали друг друга не из-за религиозных разногласий, а из-за плодородных участков земли и права взимать дорожные пошлины.

— Почему вы отдали приказ убить Тони? — смело спросила Кристи.

Башир долго молчал. Она уже решила, что не дожидется ответа.

— Я попытался поладить с ним, но Тони угрожал моей жизни, — наконец заговорил он. — Его люди убили одного из моих помощников и не отдавали тело. Мы не могли его похоронить. Я всего лишь приказал забрать тело и арестовать убийц, но не приказывал убивать Тони и его семью. Однако идет война, она жестока, и остановить людей невозможно. Научить их воевать в белых перчатках? Этого я не могу. Человек находится в ужасающих условиях и ведет себя соответственно.

Но помимо войны была и еще одна причина. Молодой Франжье породнился с семьей сирийского президента и должен был стать наместником сирийцев в Ливане. Смерть его стала предостережением всем ливанским христианам, служившим сирийцам.

Башир вдруг поднялся, приблизился к Кристи и, опустившись перед ней на колени, произнес:

— Я тебя люблю.

Его темные глаза излучали такую магическую силу, что у нее не было сил от них оторваться, и все же она встала и покинула комнату...

Приезд Алексея в Бейрут стал для Кристи подарком судьбы. Когда после трудного дня она приходила к нему в его гостиничный номер, он окружал ее любовью и заботой. А Кристи рассказывала ему обо всем, что ей удалось узнать.

Алексей должен был передавать полученные от нее материалы Федоровскому, но тот скоропостижно скончался, и на встречи с Алексеем из Дамаска в Бейрут приезжал полковник Червонцев.

Кристи рассказала Алексею о том, что Башир, похоже, влюбился в нее, и что ей с каждой встречей все труднее сопротивляться его настойчивости. Может быть, немедленно прекратить с ним все отношения?

— Кристи, я все равно буду любить тебя. Что бы ни произошло, — обняв ее, прошептал Алексей.

Фактически это было разрешение, он не возражал против того, чтобы Кристи легла в постель с Баширом. Информация, которую она от него получала, была важнее всего.

Кристи передала Алексею слова лидера ливанских христиан, которые ее страшно удивили и напугали: «Сирийские исламисты намерены уничтожить российского министра обороны, когда он прилетит в Дамаск».

Ушла она из гостиницы под утро. Алексей проводил ее до такси и быстро вернулся в номер. Он торопился на встречу с Олегом Виленовичем Червонцевым. А тот по дороге в резидентуру заехал к своему новому знакомому, подполковнику сирийской разведки Абд аль-Хакиму, с которым его свел профессор Усманов.

Башир Амин выступал в монастыре возле Бейрута, где его сестра была монахиней. Монастырь, прохладное каменное здание, был связан у Башира с самыми светлыми воспоминаниями.

Пока он произносил свою речь в монастыре, ливанец Хабиб Шартуни в последний раз проверял гигантскую бомбу, которую накануне ночью подложил в комнату на втором этаже, прямо над конференц-залом штаба партии Амина. Детонатор японского производства был отменного качества. Он позволял взорвать бомбу с расстояния в несколько километров.

Хабиб Шартуни входил в партийную штаб-квартиру, как к себе домой. Это и был его дом. Он жил в этом здании со своей семьей — в небольшой квартире на последнем этаже. Его дядя служил здесь же охранником, а сестра была подружкой одного из помощников Башира.

После выступления в монастыре Башир Амин попрощался с сестрой и поехал в партийную резиденцию. Накануне вечером к нему приезжала Кристи. Она обратила внимание на то, что он похудел и как-то повзрослел. Часы болтались у него на запястье, и обручальное кольцо съезжало с пальца. Под глазами чернели круги. Он почти ничего не ел.

Они поужинали в небольшом ресторанчике, потом Башир отвез ее в гостиницу и проводил до номера. Кристи открыла дверь, повернулась к нему, и они встретились взглядами. Башир не произнес ни слова, он молча стал раздевать ее. А она смотрела на него, как зачарованная...

Они пробыли в номере два часа. Когда Башир собрался уходить, Кристи спросила:

— Какие у тебя планы на завтра?

— Я должен председательствовать на заседании в штаб-квартире партии. Я обещал, но служба безопасности возражает.

— Ты должен к ним прислушаться, — заметила она. — Я уже не в первый раз слышу, что тебя могут убить.

— Я просто не думаю об этом, — отмахнулся Башир. — Чему быть, того не миновать.

— Странно слышать от тебя такие слова. Ты не похож на фаталиста. Хотя я понимаю, что ты не хочешь выглядеть трусом.

— Вот именно, — твердо сказал Башир. — Я не имею права бояться. — Он посмотрел на часы и добавил: — Я приеду в штаб в четыре, а в пять уеду оттуда. Часа мне хватит.

Несмотря на позднее время, Алексей не спал. Он ждал ее. Когда Кристи вошла, вскочил и помог ей раздеться. Он ни о чем ее не спрашивал.

Приготовил ей горячую ванну и ждал, стоя с мохнатым полотенцем в руках. Затем помог ей вытереться, налил ей рюмку вишневой водки и заставил выпить. Ее трясло, как будто она простудилась. Он уложил ее в кровать и накрыл теплым одеялом, заботливо подоткнув его со всех сторон.

Кристи долго лежала, уткнувшись лицом в подушку, и безмолвно всхлипывала. Или это только казалось? Немного успокоившись, она слово в слово повторила все, что рассказал ей Башир. Алексей записывал ее слова в маленький блокнот.

— Ты уверена, что Башир будет в штаб-квартире? — уточнил он.

— Да, — ответила Кристи.

Алексей поцеловал ее в щеку и вышел из номера.

Когда Башир Амин поднялся в конференц-зал, где собралось сорок членов его партии, Хабиб Шартуни покинул партийный дом и на велосипеде поехал в сторону Восточного Бейрута. В условленном месте возле дороги его ждал джип.

Хабиб бросил велосипед и, облегченно вздохнув, пересел в машину. Он все исполнил и теперь уже в полной безопасности. Сирийцы обещали немалое вознаграждение за труды...

Когда он захлопнул дверцу, сидевший на заднем сиденье подполковник Абд аль-Хахим тут же выстрелил ему в затылок, и водитель, капитан Шаукат, съехал с дороги на обочину. Вдвоем они вытащили труп Хабиба и бросили в яму, заполненную водой.

Примерно в четыре часа Башир начал свою речь. Кристи тоже приехала его послушать. Ей хотелось знать, что именно он скажет. Ровно в десять минут пятого капитан Шаукат нажал кнопку дистанционного управления взрывателем. Взрыв услышал весь Бейрут. Трехэтажное здание поднялось в воздух и рассыпалось. Абд аль-Хахим и Шаукат подъехали к месту взрыва. Там было полно карет «Скорой помощи». Из-под обломков здания вытаскивали трупы. Более кровавого зрелища оба сирийца еще не видели.

Первые сообщения оказались ложными: все были уверены, что Башир Амин жив. И только через несколько часов выяснилось, что он все-таки погиб. Христианская радиостанция «Голос Ливана» прервала передачи и стала передавать печальную музыку. Ливанские христиане остались без лидера и без надежды. Тело Башира откопали одним из первых, но лицо было изуродовано до неузнаваемости, поэтому его тело вместе с другими отвезли в морг. И только там Башира опознали по кольцу и письму сестры, найденному в кармане.

Кристину фон Хассель опознали сразу, она не расставалась с документами. Ее имя капитан Алексей Карманов увидел в длинном списке погиб-

ших. Он сразу понял, что ему придется вернуться в Москву, и вряд ли он еще когда-нибудь здесь окажется.

Его отец, Карманов-старший, всю жизнь преданно служил в органах госбезопасности. Мать заболела воспалением легких и умерла, когда мальчику было пять лет. Похоронив жену, Карманов-старший отправился в командировку в Афганистан, а мальчика отдал в детский дом.

В детском доме Алексею совершенно не нравилось. Еще меньше ему понравилась школа, когда он пошел в первый класс. Зато после уроков можно было болтаться по улице и хулиганить с сорванцами из дворовой банды, которая наводила страх на всю округу.

А потом все резко изменилось. Однажды появился его отец, которого Алексей уже почти забыл. Отец сказал, что у мальчика появилась новая мать, и что он забирает его домой. Первое время все шло вроде нормально. Но спокойная жизнь закончилась, когда мачеха родила своего ребенка. Теперь Алексея стали бить за каждый проступок.

Как-то за плохие оценки родители заперли его в воскресенье в комнате одного, а сами ушли в гости. Вместе с мальчиком «срок отбывал» волнистый попугай в клетке. Алексей открыл клетку, вытащил попугая и распахнул перед ним окно. Он сделал это для того, чтобы насолить своему старику. Кроме того, он на собственной шкуре почувствовал, как хреново быть запертым. Когда поздно вечером отец недоуменно спросил, куда подевался попугай, мальчик все честно рассказал. Карманов-старший страшно рассвирепел и избил мальчика.

Алексей пошел в горсовет и сказал секретарю, что не хочет возвращаться домой. Расстегнул рубашку и показал синяки. Пожилая женщина в очках и вязаной кофте выслушала его, вздохнула:

— Но ведь нельзя же было выпускать попугая, — и отвела мальчика домой.

К тому времени Карманов-старший получил повышение, звание подполковника, и перебрался в новую большую квартиру. Понимая, что с сыном надо что-то делать, он как-то спросил у него:

— Хочешь стать разведчиком?

Алексей неопределенно пожал плечами. Приняв этот жест за знак согласия, отец взял отпуск и поехал в Москву. Две недели в ведомственной гостинице он терпеливо ждал приема у старого знакомого в больших чинах и дождался. Тот рад был встретиться с бывшим сослуживцем, снисходительно вник в его отцовские проблемы и сказал:

— Получит аттестат, привози в Москву, возьмем в Высшую школу. Будет чекистская династия.

Так Алексей стал после школы курсантом. Все курсанты мечтали о зачислении во внешнюю разведку, но понятно было, что всех не возьмут.

— В Ясенево нужно въезжать на белом коне, — говорил начальник курса и требовал только отличных оценок от тех, кто хочет служить в разведке.

Когда Алексей решил жениться, начальник курса пришел к нему домой познакомиться с будущей женой чекиста. Снял пальто и, потирая руки, с порога спросил:

— Так, где у вас книги?

Книг у Карманова было немного, но когда полковник угостился пирогами, которые все утро пекла невеста Алексея, он расчувствовался и благословил брак.

Одной женщины Карманову было мало, он понял это через два месяца после свадьбы. Но при этом старался в определенном смысле хранить верность жене, ведь она была хозяйкой дома, матерью его детей. Остальные женщины интересовали его только в постели. И только одна была ему неприятна, но именно с ней он должен был заниматься любовью многие годы. Это Кристи, Кристина фон Хассель, ставшая его «палочкой-выручалочкой», его талисманом.

Алексея все же взяли в разведку, несмотря на тройки. Но на дальнейшие благодеяния он рассчитывать уже не мог. Его однокашники один за другим разъезжались по резидентурам, возвращались, получали новые назначения. А он как пришел, так и сидел за тем же скучным столом и рылся в архивных делах. Кристина фон Хассель буквально спасла его от рутины.

Генерал Калганов, разглядев в нем скрытые достоинства, поручил Карманову осуществить вербовку. Молодая немка на тот момент не представляла особого интереса для разведки. Это был, скорее, эксперимент. Но со временем Кристина превратилась в важнейшего агента, и тогда Карманов почувствовал, что его ценят. Его служебная жизнь переменялась. Он получил повышение, из лейтенантов вырос в капитаны — и не только зарплата стала заметно выше, ему также предоставили просторную квартиру в новом доме.

Он понимал, что, по существу, всем обязан Кристи. Но все равно не смог полюбить ее, в постели ему с ней было нехорошо. Совсем нехорошо.

Сирия. Дамаск. Резидентура

Для офицеров резидентуры это было плохое утро. От главного военного советника сообщили, что при взрыве штаба погиб министр обороны и все, кто его сопровождал. Чудом уцелел заместитель министра по вооружению генерал-полковник Шипачев. Незадолго до нападения боевиков его срочно пригласили на переговорный пункт — вызывала Москва. Он вернулся после

разговора, когда из-под обломков штаба уже вытаскивали обгоревшие трупы.

Останки погибших отправили на родину в запаянных гробах. Москва требовала найти и наказать наглых убийц, посмевших бросить вызов России.

Северная железная дорога. Станция Зеленоградская

Документы Каримова Шувалов читал, сидя на жесткой скамейке в закрытом павильоне станции Зеленоградская в ожидании электрички, и довольно быстро осознал, что произошло.

По просьбе министерства обороны, подкреплённой выделением секретного гранта, Алик Каримов развернул в своем институте тайную программу подготовки бойцов спецназа. Ее первые же результаты заказчика впечатлили — человек обретал богатырское здоровье.

В министерстве нашлись генералы, решившие воспользоваться программой. Привести себя в порядок, укрепить собственное здоровье, пошатнувшееся в результате тяжелой службы, а также неумеренного употребления калорийной пищи и горячительных напитков.

Высокопоставленных пациентов помещали в спецблок. Самым заметным клиентом был молодой заместитель министра по вооружениям генерал-полковник Щипачев, которому предсказывали скорое повышение.

Для работы с особо важными клиентами Алик Каримов выписал из родных мест старого знакомого профессора Усманова. Он не без оснований считал профессора кудесником. Усманов погружал пациентов в искусственный сон и проводил процедуры, которые и в самом деле преображали человека. Каримов знал, что профессор привез с собой неизвестные и не проверенные в России препараты, и потому, на всякий случай, не вникал в его методику. Хитрый был Алик, оставлял себе возможность сослаться на незнание. О чем Каримов не подозревал — так это о глубокой религиозности профессора Усманова. И о том, что с некоторых пор профессор взялся всячески помогать Исламскому государству.

Каримов и предположить этого не мог!

Спохватился, когда выяснил, что Усманов, пользуясь своими неограниченными полномочиями и минуя директора института, положил к себе в спецблок десять никому не известных человек. Заподозрив неладное, Каримов спустился вниз.

Одного из новичков как раз вывели из сна, чтобы покормить и провести очередное обследование. Алик заговорил с ним и быстро понял, откуда

тот. Они перешли на арабский. В спецблоке института лежал боевик, поклявшийся отдать жизнь во имя халифата.

А на соседней койке безмятежно спал поправлявший свое здоровье заместитель министра обороны.

Каримов безумно испугался. Что Усманов — или тот, кто за ним стоит, — задумал? Убить заместителя министра? Похитить его?

Он составил служебную записку о самоуправстве профессора Усманова, собрал все документы и отвез на дачу, где и спрятал на чердаке. На всякий случай. Как гарантию своей безопасности.

Связным от Министерства обороны был майор Осадчий. Похоже, ему Алик Каримов и пожаловался.

Об Осадчем Шувалов кое-что узнал. Майор прежде служил адъютантом генерала Щипачева, был ему предан и рассчитывал на большое повышение, когда шеф, наконец, станет министром.

Так что же произошло дальше?

Щипачева решили избавить от скандала?

Осадчий с Усмановым послали одного из тайных пациентов спецблока ликвидировать Каримова. А тот понял, что и его убьют. Схватил в ресторане лежавшие на столе деньги и попытался бежать... И все это произошло на глазах Шувалова, что нарушило все планы.

Теперь Шувалов иными глазами взглянул на историю чудесного спасения генерала Щипачева в Сирии. Вся делегация погибла, а он один выжил. Его вдруг вызвали на переговорный пункт. Счастливая случайность? Или все было подготовлено? Может быть, у кого-то в халифате возник план — помочь Щипачеву стать министром?

А что обещано взамен? И что же произошло с генерал-полковником, пока он лежал в институтском спецблоке рядом с боевиками халифата?

В любом случае нужно поговорить с майором Осадчим. Теперь, похоже, он один способен назвать остальных пациентов спецблока, опекаемого профессором Усмановым.

Москва. Ленинский проспект

Старший лейтенант Соколов внимательно наблюдал за женщиной в окне дома напротив. Эта женщина ему нравилась, он испытывал к ней нечто вроде симпатии. Возможно, думал Соколов, ему прикажут убить ее, и тогда он будет крайне сожалеть об этом. Но работа превыше всего.

Единственное, что его раздражало, это его напарник — капитан Мельник. Капитан выдавал себя за ветерана чеченской войны, но Соколов уже

в первые пять минут понял, что тот нагло врет. Впрочем, это не его дело. Майор Осадчий подбирает в свою группу, кого хочет. Если этот козел, который не расстанется со своей «пушкой» даже в ванной комнате, кого-нибудь пристрелит, он будет только рад. Потому что, ей-богу, Соколову не хотелось убирать эту женщину.

Он фотографировал Шувалова и Лизу Каримову цифровой камерой. Повернувшись и увидев, что капитан Мельник мирно спит, аккуратно вытащил его пистолет и положил себе в карман. Тихо ступая, вышел, прикрыл дверь и снаружи забарабанил в нее:

— Открывай, полиция! Быстро!

В комнате раздались быстрые шаги, какой-то вопль отчаяния, и, наконец, жалкий голос у двери:

— Я открою! Только не стреляйте!

Увидев Соколова, капитан выругался:

— Что за дурацкие шутки? Ты до смерти меня напугал. — И тут же пожаловался: — Кто-то украл мой пистолет.

Майор Осадчий появился, когда его не ждали. Отослав Мельника за сигаретами, поинтересовался:

— Как напарник?

— Врун и неумеха, — честно ответил Соколов.

— А мне его прислали как опытного человека, — огорчился Осадчий. — Никому нельзя верить. Обманывают на каждом шагу. Хорошо, хоть на тебя могу положиться.

Если Осадчий ждал какой-то реакции, то не дождался.

— Я могу узнать, — спросил Соколов, — зачем меня посадили следить за этой бабой? И что мне предстоит сделать?

— А вот это не твое дело! — разозлился Осадчий. — Я плачу тебе не за то, чтобы ты вопросы задавал.

Осадчий следил за Шуваловым, а не за Лизой. Какие бы иллюзии ни питал Щипачев, майор желал знать, что происходит на самом деле. Верил, что кто-то из двоих — Шувалов или Лиза — приведут его к бумагам Каримова. Он не знал, что в этих бумагах, но, судя по лицу Щипачева, отдававшего приказ найти их во что бы то ни стало, — нечто важное.

Мир существует только потому, что люди помогают друг другу. Надо оказывать друзьям услуги и вовремя отдавать долги, тогда в нужный момент всегда найдется человек, способный тебе помочь. Интуиция у Осадчего была потрясающая, она позволила ему стать начальником спецгруппы. А на это место многие претендовали.

Вернулся Мельник с сигаретами, и Осадчий собрался уходить. Мельник и Соколов спустились вниз проводить его. Когда подошли к машине, к ним приблизился какой-то нищий с трясущимися руками:

— Помогите, господа.

— Пошел отсюда! — прошипел Соколов.

— Неужели таким богатым господам жалко мелочи для несчастного инвалида? — заскулил тот.

Мельник полез в карман, вытащил две десятки и протянул нищему. Тот стал благодарить, засовывая купюры куда-то в свои обноски.

Брезгливый Соколов подтолкнул его:

— Все-все, получил бабки и пошел отсюда, — подтолкнул его брезгливый Соколов.

Вдруг рука нищего вынырнула наружу с необыкновенной быстротой, в воздухе мелькнуло лезвие, которое воткнулось Осадчему в грудь и, пропорвав костюм, добралось до майорского сердца.

Мельник так и стоял с раскрытым ртом. Старший лейтенант Соколов ударом в лицо отправил мнимого нищего на землю. Тот оказался тренированным и крепким бойцом, только после третьего удара выпустил нож из рук и затих.

— Что это означает? Кто это на нас наехал? — сам себя спросил Соколов, ни на минуту не потерявший хладнокровия. — Обыщи! — приказал он Мельнику.

Бледный, как смерть, капитан пошарил по карманам «нищего», ощупал одежду, но, как и следовало ожидать, ничего не нашел. Пока не приехала «Скорая помощь», майор Осадчий лежал на асфальте с выражением крайнего удивления на застывшем лице.

Москва. Улица Газгольдерная

Старший лейтенант Соколов вылез из машины, расплатился и сверху щедро бросил водителю пятисотенную купюру:

— Держи, шеф, «Пятихатку», гуляй и помни добрых людей.

— И вам спасибо, — ответил водитель, иронически посмотрел на подвыпившего пассажира и покачал головой.

Когда с другой стороны из машины вылезла сильно накрашенная женщина, он нажал на газ и уехал.

— Куда ты меня ведешь, красавчик? — подхватила Соколова под руку женщина.

Они оба спотыкались, и передвигаться могли, лишь помогая друг другу.

Соколов не без усилий набрал номер кода и распахнул дверь. Нажал кнопку лифта и, глядя, как она вставила тонкую сигарету в длинный мундштук и щелкнула зажигалкой, восхищенно проговорил:

— Роскошная ты женщина!

— Пора в постельку, красавчик, — улыбнулась она. — Ты не пожалеешь, что выбрал меня.

— А ты мне сразу понравилась, как только подошла к нашему столику, — признался Соколов. — Только раньше я тебя что-то в клубе не видел.

— А я новенькая, — ответила женщина, прижимаясь к нему всем телом.

Они вошли в квартиру и сразу стали раздеваться.

— Иди, умойся, — тихо сказала женщина, сбрасывая с себя юбку.

— Одну секунду, — торопливо проговорил Соколов. — Не начинай без меня! — И сам засмеялся собственной шутке.

Едва он вошел в ванную комнату, как женщина вновь оделась и, вернувшись в прихожую, открыла входную дверь. В квартиру скользнул водитель машины, который их только что привез. Теперь он совсем не походил на таксиста, каким, собственно, никогда и не был. Когда Соколов в халате, пошатываясь, появился из ванной, водитель и женщина схватили его за руки с обеих сторон.

— Что это? Что здесь происходит?! — возмутился старший лейтенант. — Куда вы меня тащите? Что вам надо? — Он изумленно воззрился на шофера: — Ты откуда здесь взялся?

Но ответа не получил. Его поволокли в комнату, где уже была открыта дверь на балкон. Женщина действовала быстро и умело.

— Не надо! Я вам заплачу! Берите, что хотите! У меня есть деньги! — кричал Соколов.

Потеряв терпение, водитель сильно ударил его в живот, и от боли Соколов потерял дар речи. Его подхватили за ноги, перевалили через поручень и бросили вниз. Проводив взглядом падающее тело, женщина спокойно бросила:

— Я же говорила, что умею то, чего ты никогда не пробовал...

Водитель посмотрел вниз. Было уже поздно, улица опустела, и падение человека никто не заметил.

— Быстро уходим! — процедил он.

Москва. Большая Татарская улица

Мельник предусмотрительно глянул в глазок. На лестничной площадке стояли две молодые женщины в белых халатах, одна с чемоданчиком в руках.

— Как вы быстро добрались! — обрадовано распахнул он дверь. — Такие пробки в городе. Хотел из ведомственной поликлиники врача вызвать,

но понял, не доберется... Заходите... Когда появляется врач, сразу становится легче.

— Вот видите, а все ругают «Скорую помощь», — проговорила женщина с чемоданчиком и спросила: — Что с вами приключилось? Рассказывайте.

— Давление подскочило, — пожаловался Мельник. — У меня теперь частенько скачет, особенно когда понервничаю.

— Ложитесь, — велела она, — посмотрим ваше давление. И сердце нужно послушать.

Мельник послушно лег на кровать. Врач села на стул рядом, достала тонометр. Завернула ему рукав рубашки, надела манжету, стала работать резиновой грушей.

— Какое у вас нормальное давление?

— Сто тридцать на семьдесят, — ответил Мельник.

— Сейчас двести на сто двадцать.

— Ого! То-то мне так плохо.

— Что-нибудь принимали?

— Нет, как назло, ничего под рукой не оказалось.

— Сейчас мы вам сделаем укол и посидим с вами минут десять, — предложила врач. И сразу предупредила: — Но если давление не снизится, придется доставить вас в больницу.

— Нет, нет, только не в больницу! — взмолился Мельник. — Я недавно лежал, больше не хочу.

Подошла медсестра со шприцем в руках.

— Переворачивайтесь на живот, — попросила она, протерла ваткой иглу и вонзила ее в ягодицу.

— Здорово вы уколы делаете, — похвалил Мельник, — я ничего и не почувствовал. А то есть такие коновалы, потом неделю сесть не можешь. Я когда службу начинал, в южные страны отправили, там эпидемии разные, так что прививок много делали.

— Сейчас вам станет легче, — сказала врач, внимательно наблюдая за ним.

Мельник благодарно кивнул. И вдруг у него перехватило дыхание. Он хотел что-то сказать, но агония была быстрой. Глаза закатились, лицо окаменело.

Медсестра уже собрала свой чемоданчик:

— Я готова.

Врач, в последний раз посмотрев на тело Мельника, пробормотала:

— Не провожайте, мы сами найдем дорогу.

В лифте они сняли белые халаты. Когда обе женщины вышли из подъезда, подъехала карета «Скорой помощи».

— Это второй подъезд? — спросил их водитель с усталым лицом. — Квартира тридцать восемь здесь?

Женщины озабоченно переглянулись. Старшая покачала головой и извиняющимся тоном сказала:

— В тридцать восьмой никто не живет. Вас, видимо, разыграли.

И они пошли дальше.

— Спасибо вам! — крикнул им вслед водитель «Скорой помощи» и, нажав на газ, пробурчал: — Бывают же такие сволочи.

Москва. Кладбище

Когда у них был роман, Шувалов неизменно опаздывал на свидания. Лиза не обижалась, и всякое опоздание превращала в шутку. На это свидание опоздать он не мог. Оно было последним. Больше на земле они уже не увидятся.

Ночь он не спал. Сначала Марина, теперь Лиза. Его любимые женщины умирали одна за другой. Вернее, их убивали. Хорош мужик, не в состоянии защитить своих женщин... Хуже того, навлекает на них смерть...

Когда Шувалов позвонил в институт, ему сообщили, что Лиза выбросилась из окна. Сказали, самоубийство, сомнений нет, даже уголовное дело возбуждать не стали... Может, кто-то в эту версию и поверил, но только не Шувалов. Несчастная Лиза попала в цепочку тех, кого поспешно устраняли, чтобы убрать любых свидетелей того, что делалось в спецблоке института при Усманове. А теперь, выходит, и некому рассказать, что там происходило. Он думал, что это майор Осадчий подчищает «хвосты», а оказалось, что кто-то достал и самого Осадчего...

Шувалов достал бутылку коньяка, откупорил, налил. Пить не стал. Вспоминал и плакал. Никто его не видел. И незачем ему было скрывать свои чувства. Мобильный телефон он отключил, а городской молчал.

Утром он побрился, принял душ и пешком отправился в церковь. Людей у входа собралось порядочно. Но они незримо делились на три разные группы — у каждой свой покойник. Ни одного знакомого лица, и он не мог определить, кто же пришел хоронить Лизу, пока не подъехал длинный черный лимузин и оттуда не вышел генерал Иван Антонович Калганов, заместитель начальника управления во внешней разведке. Издалека казалось, что он совсем не переменялся.

Калганов распахнул дверцу и помог выйти жене — та же высоко поднятая голова, пышная прическа, каракулевая шуба. Родители при рождении дали ей пышное имя Энгельсина. Не всякий мог без запинки выговорить ее

имя-отчество — Энгельсина Феодосьевна. Близкие люди именовали ее просто Ина. Остальным такая фамильярность не позволялась.

Распоряжавшийся похоронами что-то прошептал генералу на ухо, и тот сделал приглашающий жест. Довольно много людей разных возрастов последовало за Калгановыми внутрь. Шувалов встал в заднем ряду. Возле гроба лицом к нему расположилась чета Калгановых. С другой стороны занял место высокий крупный мужчина с надменным лицом. Видимо, один из мужей Лизы. Какой по счету, равнодушно подумал он. Рядом стоял мальчик лет двенадцати. Ее сын.

Он вдруг подумал, что, сложись судьба иначе, это он бы стоял сейчас у гроба вместе с этим мальчиком. Вернее, с другим мальчиком. Или с девочкой. Словом, их общим ребенком. А, может, у них было бы много детей, он мечтал о большой семье.

Ему было видно, как несчастный мальчик, оставшийся без матери, безмолвно рыдал. Он стоял, по-мужски сжав рот, и слезы катились по его щекам. Пожилая женщина в меховом мантии громким шепотом внушала ему:

— Не плачь. Ты не должен плакать. Подумай о том, что Бог забрал твою мать к себе, потому что Он больше в ней нуждается, чем ты.

Шувалов покачал головой. Зачем лишать мальчика законного права плакать и горевать? Да еще ссылаясь на Бога, который забирает у сына мать потому только, что она ему понадобилась? Какие чувства он будет испытывать к такому Богу?.. Если бы это был его сын, он сказал бы ему совсем другое. Его мать умерла потому, что она заболела неизлечимой болезнью, происхождение которой никому не известно. Бог вовсе не хотел отнимать у него мать. Напротив, Он хотел бы, чтобы она жила долго и счастливо. Но Он не может вмешиваться в жизнь людей и нарушать законы природы...

Шувалову ничего не пришлось объяснять несчастному мальчику, стоявшему у гроба, потому что это был не его сын. У них с Лизой не было детей. Да и откуда они могли появиться? Ведь они не прожили вместе и одного дня.

Когда служба закончилась, Шувалов вышел на улицу. Погода была мерзкая — под настроение, потому что на душе было так же мерзко. Сильный ветер бросал в лицо капли дождя. Весь асфальт был в лужах, и ботинки уже покрылись грязью. Когда Шувалов свернул на стоянку, из черного «мерседеса» вылез широкоплечий человек в темном плаще. Штатский костюм не мог ввести в заблуждение относительно его профессиональной принадлежности.

— Виталий Александрович, на минутку! — остановил он Шувалова.

Меньше всего на свете Шувалов хотел сейчас с кем-нибудь разговаривать. Он замедлил шаг и мрачно посмотрел на окликнувшего его челове-

ка. Тот, незаметно для окружающих, показал ему удостоверение Федеральной службы охраны и вполголоса проговорил:

— Мое начальство просит вас подъехать в Кремль. Дело неотложное. Если сомневаетесь, могу соединить по телефону.

Внутри Шувалова не зародилось даже любопытство. Ему в тот момент было совершенно все равно, кто его зовет, и зачем он понадобился власти.

— Я еду на кладбище, — коротко бросил он.

Насчет кладбища и всего прочего человек в плаще был в курсе и насколько не удивился.

— Не вопрос, Виталий Александрович. Мы отвезем вас на кладбище, а оттуда уж доставим в Кремль.

Шувалов пожал плечами. Пусть будет так.

До кладбища добрались уже немногие — видимо, только родственники. Шувалова они, ясное дело, не знали, косились с любопытством. На новом участке была непролазная грязь. Все испачкались и торопились поскорее завершить печальный обряд. Гроб опустили в яму, засыпали землей, поставили сверху крест и табличку с фотографией. Когда родственники разошлись, Шувалов подошел к могиле. Они с Лизой уже несколько раз расставались, но всегда оставалась надежда. Теперь они прощались навсегда.

Он положил цветы на могилу.

Ему удалось избежать необходимости пожать руку генералу Калганову, чьи губы недовольно скривились, выдавливая:

— Привет!

Энгельсина Феодосьевна протянула ему руку царственным жестом:

— Спасибо, что пришли, Виталий.

Лицо у нее было на удивление спокойным, словно ничего особенного не произошло, и она присутствует на рядовом светском мероприятии. Шувалов всегда считал, что у Энгельсины Феодосьевны стальной характер и завидное здоровье. Видимо, по наследству это не передается.

Двое в «Мерседесе» терпеливо ожидали его возвращения. Он долго очищал обувь от налипшей грязи, потом, отчаявшись, сел в машину, и она сразу тронулась.

— А к кому едем-то? — равнодушно спросил Шувалов.

— К моему начальству, — любезно объяснил человек в плаще.

Шувалов понял, что расспрашивать бесполезно. Скорее всего, офицер сам не знает. А и знал бы — не сказал. Служба такая.

Пока они ехали в центр, он вдруг вспомнил девичью фамилию Энгельсины Феодосьевны — Щипачева. Она же сестра заместителя министра обороны. Круг замкнулся. И все стало на свои места.

Москва. Кремль

Кремлевский металлодетектор был чувствительнее аэропортовского. Пришлось не только выложить связку ключей, часы, авторучку и мелочь, но снять брючный ремень. Сотрудник Федеральной службы охраны меланхолично наблюдал за тем, как Шувалов возвращает ремень на прежнее место, потом повел к лифту. «Давненько я не ходил под конвоем», — подумал Шувалов. Кремлевский коридор казался ему бесконечным.

Это, без преувеличения, был день сюрпризов. В новой приемной Валерки Лебедева, переведенного в президентский аппарат из Федеральной службы безопасности, было многолюдно. Шувалов заскучал. Человек шесть с одинаково толстыми папками ожидали приема. Они заигрывали с секретаршей, и ясно было, что свои люди быстрее проникнут за высокую дверь.

Но Шувалов не успел присесть, как выглянул вальяжный Лебедев, при появлении которого все дружно встали, и сам пригласил его войти. Посетители проводили чужака завистливыми взглядами и стали расспрашивать секретаршу, кто это такой? Но она сама ничего не могла объяснить.

Прикрыв дверь, Лебедев по-свойски сказал:

— Дурак ты, ох, дурак! Если бы сразу нам сообщил об этих ребятах, мы бы их сейчас уже допрашивали. А так одни трупы собираем. Мы же не похоронная команда...

Москва. Квартира генерала Калганова

Генерал Калганов застрелился под утро, примерно в половине пятого.

Если бы он продержался еще несколько часов, скорее всего, остался бы жить. С рассветом бы к нему вернулись мужество и силы. Но в ноябре светает поздно, а предрассветные часы — самые мучительные для тех, кто не может уснуть. Генерал не дождался рассвета.

Его дом был заполнен призраками. Все его страхи словно материализовались в этих призраках, которые ночь напролет хозяйничали в доме. Только генерал никому о них не рассказывал.

Он не мог заснуть, потому что призраки расхаживали по дому, шумели, не обращая внимания на хозяина, громко переговаривались между собой. Убитые, раненные, искалеченные — все, кого он когда-либо встречал, опять пришли к нему. Прошлое вернулось.

Иногда он вообще не мог заснуть. Уставший мозг отказывался отключиться. Или в лучшем случае ему удавалось задремать под утро, приняв

сильное снотворное, которое врач в ведомственной поликлинике согласился выписать только из уважения к высокой должности и заслугам генерала.

Ночью он вспоминал все. Он видел не только фигуры людей, но и слышал звуки выстрелов, треск взорванных и горящих домов, чувствовал запах тлеющих матрасов и свежей крови. Он слышал свист пуль и грохот взрывов. Сны он видел, к счастью, не каждый день, но если уж сон снился, то это обязательно был кровавый кошмар.

В бога генерал не верил. Друзей — в результате продвижения по служебной лестнице — он растерял. Некому было его утешить и разделить с ним горькие часы воспоминаний. Бывали недели, когда он крепко пил, но алкоголь облегчения не приносил, только легкость в теле.

Ребята из окружения министра, которых взорвали в Дамаске, посетили его на той неделе. Министр обороны был весь в крови, потому что осколок угодил ему прямо в затылок.

Следующей ночью в очередном кошмаре он опять побывал в Дамаске. Это были самые жуткие сны. Мертвецы не забывали его и навещали один за другим.

Встав утром, генерал смотрел новости и пил кофе без молока. После завтрака звонил зятю и спрашивал, как дела у внука. Он не напрашивался на сочувствие.

Теперь он должен за все заплатить. Тогда страдали другие. Настала его очередь. Пока дочь была жива, он жил вне той раковины, где скопились его воспоминания. Когда ее похоронили, створки раковины сомкнулись над ним.

Иногда он думал, что ему следует умереть. Странно, что он вообще прожил так долго. Сидит у себя дома на кухне, гуляет, смотрит телевизор, разговаривает с женой, ест, спит. Спит, правда, плохо. Рядом с людьми, которых он обрек на смерть.

Занавески он не задергивал, чтобы, проснувшись утром, сразу понять, где он находится. В спальне на стене висело купленное дочкой большое зеркало, так что он не чувствовал себя одиноко. Дочка улыбалась ему с фотографии.

Генерал Калганов сам понимал, что на нем часть вины за ее убийство. Шурин отчаянно хотел стать министром, Щипачеву надоело ходить в заместителях. И Энгельсина постоянно подзуживала:

— Если брат станет министром, и ты вверх шагнешь. А то застрял на одном месте. Скоро уж на пенсию... О себе подумай. И обо мне.

Калганов знал, что Хаджи Бакр задумал убить российского министра в Дамаске. И не стал ему мешать...

Но президент Щипачева не назначил. И кое-что выплыло. Они с шурином приняли меры. Ни Осадчий, ни его люди ничего и никому не расскажут. Но где-то в цепочке произошла ошибка. Убили Лизу.

Щипачев немного нервничает, хотя ему обещали, что после курса, пройденного в спецблоке, он будет здоров, как бык. Калганова профессор Усманов тоже уговаривал лечь. Рассказывал чудеса о своей уникальной методике. Все унес с собой в могилу. Но Щипачев тревожится, как бы вся эта история не дошла до президента.

Калганову было все равно. Ему-то чего теперь бояться? Он уже наказан. И хуже этого наказания не придумаешь...

Он застрелился из наградного пистолета, подаренного ему на службе в день присвоения генеральского звания. Это было старое и надежное оружие. Генерал сам чистил и смазывал пистолет и держал его в домашнем сейфе.

Москва. Кремль

Президент нашел время, чтобы принять Шувалова.

Лебедев сам проводил его до первой приемной.

— Проси у него, что хочешь! — посоветовал жарким шепотом. — Он тебе очень благодарен, так что все сейчас можешь получить.

— Знаешь, Валерка, — мечтательно сказал Шувалов, — я в детстве хотел быть Героем Советского Союза.

— Героем? — озадаченно повторил Лебедев.

— Да, чтобы не стоять в очереди в прачечной.

— Знаешь, Героя трудно сделать, — покачал головой Лебедев. — Особый повод нужен. Разве что, закрытым указом...

— Валерка, я пошутил, — сказал Шувалов. — Это же было в детстве. Сейчас в прачечных очередей нет.

— Неужели генералом не хочешь быть? — схватил его за руку Лебедев. — В минуту указ подготовим о возвращении тебя на действительную военную службу, и тут же генерала получишь. А это, учти, совсем другая пенсия.

— Я пошел, — сказал Шувалов. — Звони.

Лебедев посмотрел на него, как на сумасшедшего.

Когда Шувалов после короткой беседы вышел из главного кабинета страны, ему пришлось вновь проследовать мимо чиновников, которые проводили его непонимающими и завистливыми глазами.

По телевизору передавали печальную новость. После тяжелой и продолжительной болезни скончался заместитель министра обороны генерал-полковник орденоносец Щипачев... Сослуживцы покойного глубоко скорбели...

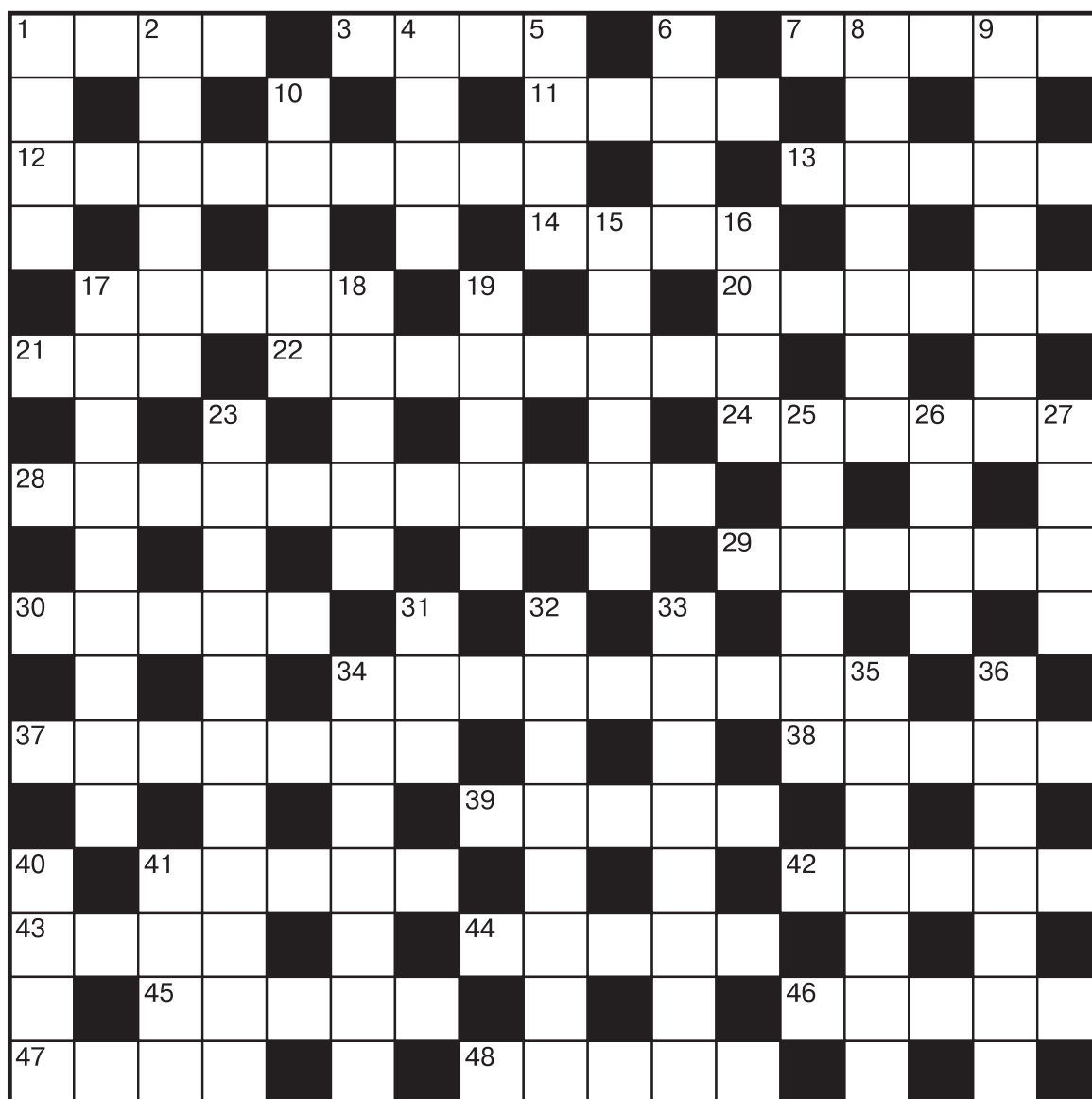
Как же быстро это произошло, подумал Шувалов.

Он прошел мимо прильнувших к телеэкрану чиновников и отправился домой. Он шел по закрытой для других территории древнего Кремля, который был прекрасен в солнечную погоду. Но одна мысль не давала ему покоя.

В специальном блоке института у выбросившегося из окна профессора Усманова проходили курс оздоровления пятнадцать человек. Шувалов узнал имена пятерых. Все мертвы. Еще десятерых в спецблок привел сам профессор. Если верно предположение о том, что Усманов был связан с халифатом и помогал готовить террористов-самоубийц, то не сложно предположить, кто лежал в его спецблоке и чем они сейчас заняты.

Кто-то ведь молниеносно устранил майора Осадчего и его людей. А ведь не последние были профессионалы, и знали, что им надо остерегаться... Так что не зря Шувалов советовал президенту не лететь в Дамаск. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Пришла ... — полагайся на себя» (японская поговорка). **3.** «Посмертная награда любви за мужество». **7.** Тропический зверь, ставший созвездием. **11.** Блюститель клятвы Гиппократ. **12.** Рыба, заслужившая за свои повадки прозвище «морской тигр». **13.** Самая южная страна в Прибалтике. **14.** Машина профессора Лэнгдона из романа «Ангелы и демоны» Дэна Брауна.

17. Кому адресованы статьи критиков? **20.** Какой вышедший из моды язык знал Евгений Онегин? **21.** «Тому тяжело, кто помнит ...» **22.** Для какого духового инструмента Вольфганг Амадей Моцарт сочинил четыре концерта? **24.** «Летающая бестия» из романа «Цвет волшебства» Терри Пратчетта. **28.** Формула вызова демонов у чернокнижников. **29.** Что бросают, но только фигурально?

30. Что самое толстое у баобаба? **34.** Курортный отель с расписанием дня. **37.** Чего лишено электронное письмо в отличие от традиционного? **38.** «Беспроволочная электросвязь» Александра Попова. **39.** Какой стиль плавания требует больше всего затрат энергии? **41.** «Потенциальный кучер» для Золушки. **42.** «Взять за ...» **43.** Какой предмет одежды пророка Мухаммеда хранят в стамбульском дворце Топкапы? **44.** Что «одно на двоих» у Михаила Боярского с Михаилом Шуфутинским? **45.** Европейская столица, сгоравшая до тла 18 раз. **46.** В японской кухне «танцующий ...» слывет исключительным деликатесом. **47.** Постановочный ... в фильме. **48.** «Подуешь — умрет, подуешь — оживет» (мадагаскарская загадка).

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Грызун «с гидротехническим уклоном». **2.** По чему суеверно стучат, желая отвести неудачу? **4.** Фуршет повышенной важности. **5.** Любимый напиток Ивана Крылова. **6.** «Мохнатая конечность» взяточника. **8.** Детектив-

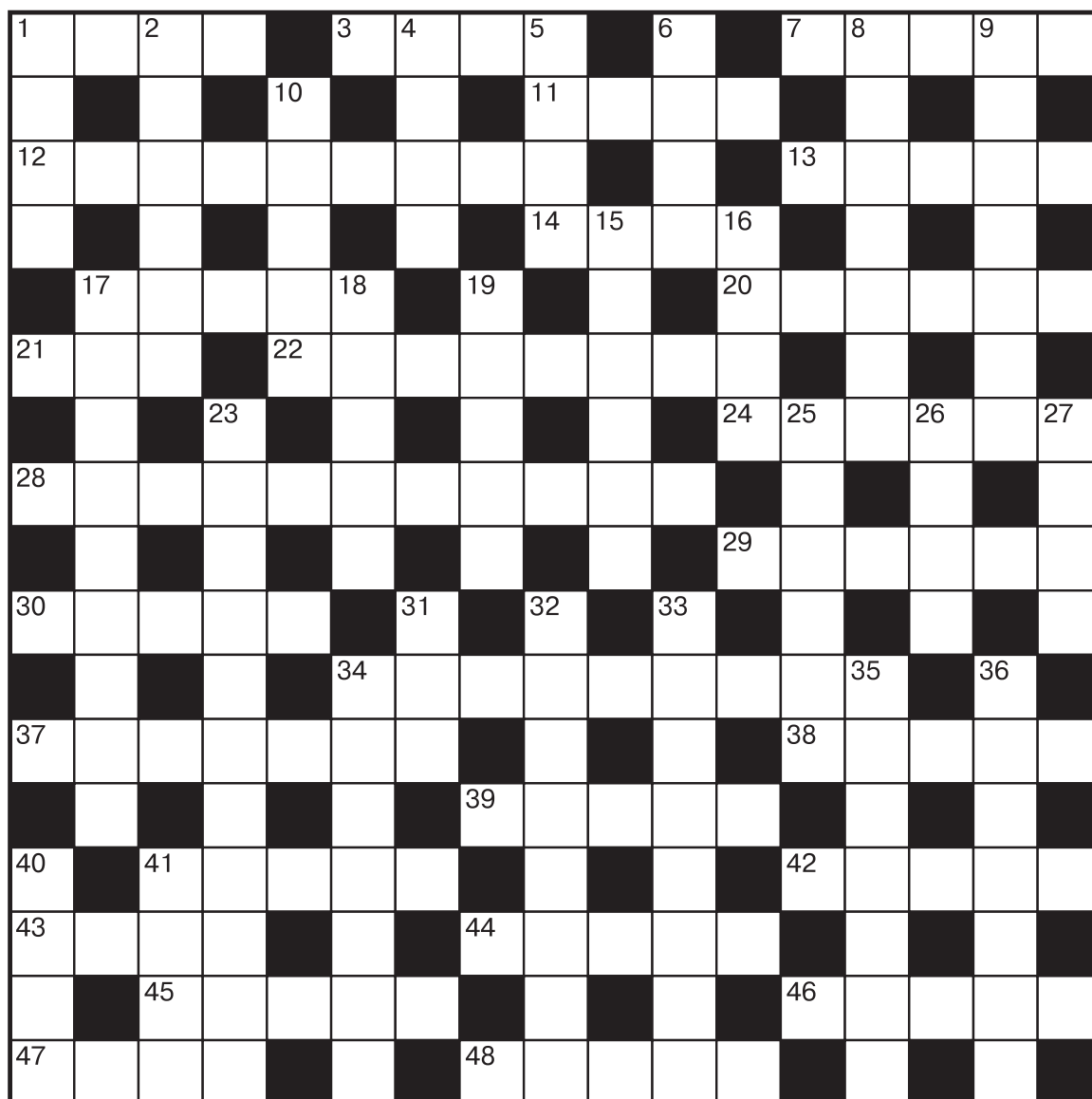
ный фильм «Очаровательная ...» с Брижит Бардо в главной роли. **9.** Славный рыцарь, родившийся из-под пера Вальтера Скотта. **10.** Чьи сказки пытался в стихах изложить Демьян Бедный? **15.** Какой крейсер попал на орден Октябрьской революции? **16.** Капитан с «кровавой репутацией». **17.** Морская птица с рекордным размахом крыльев. **18.** Прибор, «просекающий» лихачей. **19.** Что резко увеличивает скорость при бегстве? **23.** «Пламенный» рабочий. **25.** Кульминация мужского рода. **26.** Первый канцлер объединенной Германии. **27.** «Ленивые вареники» по итальянскому рецепту. **31.** Не проигрышная, но вполне безвыходная ситуация. **32.** Кто должен отвечать «за дачу заведомо ложных предсказаний»? **33.** Кто напрасно надрывает голосовые связки? **34.** «Съесть за один ...» **35.** Какой томатный соус входит в классическую рецептуру мирового коктейля «Кровавая Мэри»? **36.** Какое окно придумали для взглядов покупателей? **40.** «Краеугольный камень знаний» для эмпирика. **41.** Самый популярный коньяк в мире.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Штамп. **9.** Масон. **10.** Вильфор. **11.** Буддизм. **12.** Лимонад. **13.** Мирра. **14.** Плотник. **15.** Варенье. **18.** Покой. **19.** Пара. **21.** Пожар. **23.** Желе. **25.** Далматин. **26.** Фильм. **27.** Воск. **29.** Вечер. **32.** Тирозин. **34.** Тибул. **36.** Судья. **37.** Вьетнам. **38.** Попса. **39.** Диета. **40.** Бронхит. **41.** Чтиво. **42.** Створ.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ватикан. **2.** Мороженое. **4.** Труд. **5.** Медальон. **6.** Жим. **7.** «Бьюик». **8.** Кобра. **10.** Взяткодательство. **11.** Бальзамирование. **13.** Мим. **16.** Данте. **17.** Панно. **20.** Дживс. **21.** Пласт. **22.** Омлет. **24.** Льюис. **28.** Кистень. **30.** Ризотто. **31.** Буйство. **33.** Нудист. **35.** Пьеро.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Таинственная смесь агрессивности и покорности, симпатии, искренности и чувства юмора (по Софи Лорен). **3.** Какой плод индийцы кладут для густоты супа? **7.** Прозвище итальянца американского происхождения. **11.** Кто придумал шариковую ручку? **12.** Первый из французских композиторов, кто обходился без покровителей. **13.** Отец маленького

лорда Фаунтлероя. **14.** Тибетский шарф для церемоний. **17.** Жадный брат Али-Бабы. **20.** Ситуация в нардах с запертой шашкой. **21.** Река, подарившая прозвище князю Дмитрию Ивановичу. **22.** Гувернантка, сочинившая слова к популярной песенке «В лесу родилась елочка». **24.** Под каким псевдонимом террорист Борис Савинков публиковал прозу собственного сочинения? **28.** Метр-

дотель из античных времен. **29.** Какой головной убор жители Малайзии традиционно надевают на свадьбы и похороны? **30.** Карачаевская лезгинка. **34.** «Байкерские банды» в Японии. **37.** Кубанский город с памятником коту Бегемоту. **38.** Лоскутное одеяло из Пакистана. **39.** «Король танго». **41.** Еда, сервированная в лакированной шкатулке. **42.** «Персиковые дадли». **43.** Польский математик, принимавший участие в разработке водородной бомбы. **44.** Какой индейский народ Мексики в свое время считался «лучшими охотниками за птицами»? **45.** Что напоминала «тающая лестница» в московском особняке Павла Рябушинского? **46.** Самая большая из карликовых антилоп. **47.** Гребной парусник на Руси. **48.** Сливочная пахта.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Хамон на основе «зерновой диеты». **2.** Традиционная валлийская игра. **4.** Плавное движение сюжета в японской классической литературе. **5.** Член клана Вольтури. **6.** Первая жена Всеволода Мейерхольда, с которой он расстался из-за Зинаиды Райх. **8.** Коллек-

тивный тренинг ради овладения знаниями. **9.** Швейцарская вилла, где одно время жил Джордж Байрон. **10.** Священный танец древних греков. **15.** Свинина в красном вине у киприотов. **16.** Мусульманская десятина. **17.** Праздник полнолуния у аборигенов Тасмании. **18.** Законная супруга финского Деда Мороза. **19.** Какую петлю затягивают на лошадиной челюсти ради усмирения? **23.** Совет старейшин, слывший предшественником английского парламента. **25.** Кто стал первым варварским королем Италии? **26.** «Кивер» полицейских в кайзеровской Германии. **27.** Заклинание из мира Гарри Поттера. **31.** Дом у сванов. **32.** Начальник гребцов на боевых судах Древнего Рима. **33.** Одна из важнейших физиологических констант нашего организма. **34.** Вяленое мясо к пиву. **35.** В каком из отелей Вашингтона написал большую часть своей речи «У меня есть мечта» Мартин Лютер Кинг? **36.** Мел «во времена оны» у сибиряков. **40.** Домашнее прозвище Фаины Раневской. **41.** Лучшая итальянская соломка для шляпок.

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Дарби». **9.** Хамон. **10.** «Бабочка». **11.** Чегедек. **12.** Кейджен. **13.** Парма. **14.** Однолюб. **15.** Пехлеви. **18.** «Ансон». **19.** Алез. **21.** Сегре. **23.** Маар. **25.** Эклектор. **26.** Авиют. **27.** Кчуч. **29.** Батак. **32.** Меламин. **34.** Ниоло. **36.** «Добош». **37.** Локуста. **38.** Окара. **39.** Райну. **40.** Каллаит. **41.** Цакни. **42.** Диокл.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кабесео. **2.** Кордельер. **4.** Авен. **5.** Брендинг. **6.** Так. **7.** Дошаб. **8.** Акума. **10.** Белоподкладочник. **11.** Четверовластник. **13.** Пюи. **16.** Плут. **17.** Езра. **20.** Омаке. **21.** Сагум. **22.** Жеран. **24.** Кюпид. **28.** Черулли. **30.** Киаксар. **31.** Клиренс. **33.** Нодати. **35.** Лоран.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2017 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 110 рублей 00 копеек	За 1 номер — 132 рубля 00 копеек
За 6 номеров — 660 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 792 рубля 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка							
	Корреспондентский счет 30101810400000000555							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044525555 Код ОКПО 11396455							
	другие банковские реквизиты							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								
Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка							
	Корреспондентский счет 30101810400000000555							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044525555 Код ОКПО 11396455							
	другие банковские реквизиты							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2017 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

